

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

(НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ)

№1 (21) - 2025г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ	
Главный редактор	Золотухин Алексей Валерьевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, декан юридического факультета, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Зам. главного редактора	Исмоилова Зайнура Исрофиловна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зам. декана по научной работе юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Ответственный секретарь	Аминова Фарида Махмадаминовна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой международного права и сравнительного правоведения, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Члены редакционного совета:	Имомова Нилуфар Махмайсусовна - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, проректор по воспитательной работе, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Белых Владимир Сергеевич - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, зав. кафедрой предпринимательского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Кузнецова Ольга Анатольевна - Российская Федерация, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зам. декана по научной работе юридического факультета, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Муртазозода Джамшед Сайдали - Республика Таджикистан, депутат Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Гаюров Шукрулло Караматуллоевич - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой гражданского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право Васильев Антон Александрович - Российская Федерация, Алтайский государственный университет, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Дашин Алексей Викторович - Российская Федерация, Кубанский государственный аграрный университет, профессор кафедры международного частного и предпринимательского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Сотиводиев Рустам Шарофович - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, профессор кафедры теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве Ипешков Константин Анатольевич - Российская Федерация, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры правовых основ управления, доктор юридических наук, доцент, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право Диноршох Азиз Мусо - Республика Таджикистан, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, первый заместитель, заместитель исполнительного директора по науке, инновациям и международному сотрудничеству, доктор юридических наук, профессор, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право Азимзода Назир Бозор - Республика Таджикистан, Таджикский международный университет, зав. кафедрой международных отношений и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Дьядкин Дмитрий Сергеевич - Российская Федерация, Сургутский государственный университет, директор института государства и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Рустемова Гаухар Рустембековна - Республика Казахстан, Казахская Академия труда и социальных отношений, профессор кафедры правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Сулайманова Назгуль Назарбековна - Республика Киргизия, Кыргыско-Российский Славянский университет, зав. кафедрой уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Сафарзода Анвар Ислои - Республика Таджикистан, Исполнительный аппарат Президента Республики Таджикистан, руководитель Управления образования, культуры и информации, доктор юридических наук, доцент, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право Гаврилов Борис Яковлевич - Российская Федерация, Академия управления МВД Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений, доктор юридических наук, профессор, 12.00.09 – Уголовный процесс Махмудов Изатулло Тешаевич - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой судебного права и прокурорского надзора, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.09 – Уголовный процесс

Муродзода Ардашер Алишер - Республика Таджикистан, судья района Шохмансур г. Душанбе, кандидат юридических наук, 12.00.09 – Уголовный процесс

Абашидзе Аслан Хусейнович - Российская Федерация, Российский университет дружбы народов, зав. кафедрой международного права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Титова Татьяна Александровна - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, доцент кафедры международного и европейского права, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Идизода Файзали Фузайлло - Республика Таджикистан, Маджлиси Оли Республики Таджикистан, Председатель Комитета по государственному строительству и местному самоуправлению Маджлиси намоияндагон, кандидат юридических наук, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Носиров Хуршед Толибович - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой гражданского права, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Султонова Тахмина Истамовна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой предпринимательского права, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Мороз Светлана Павловна - Республика Казахстан, Высшая школа права «Адилет», декан, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Абдуллин Аделъ Ильясович - Российская Федерация, Казанский (Приволжский) федеральный университет, зав. кафедрой международного и европейского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Мансуров Умед Абдуфаттохович - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Международный Комитет Красного Креста, юридический советник Миссии, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Раджабзода Махмадёр Носир - Республика Таджикистан, Педагогический институт Таджикистана в Рахтском районе, ректор, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Абдухамитов Валичон Абдухалимович - Республика Таджикистан, Консалтинговая компания «Russell Bedford ААА», старший юрист, доктор юридических наук, доцент, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Назаров Аваз Кувватович - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой криминалистики и судебно-экспертной деятельности, доктор юридических наук, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Козаченко Иван Яковлевич - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, зав. кафедрой уголовного права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Алимов Суробшо Юсуфпоевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, доцент, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный процесс; муниципальное право

Эльназаров Давлатшо Ходжаевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, доцент, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Кондрашев Андрей Александрович - Российская Федерация, Сибирский Федеральный университет, зав. кафедрой конституционного, административного и муниципального права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон - Республика Таджикистан, Академия МВД Республики Таджикистан, заместитель начальника по науке, доктор юридических наук, доцент, 12.00.09 – Уголовный процесс

Хамроев Шухратджон Садирович - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.09 – Уголовный процесс

Михайлов Виктор Александрович - Российская Федерация, Российская таможенная Академия, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор, 12.00.09 – Уголовный процесс

Адрес редакции

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
 тел.: (+992 237) 227-67-40; www.rtsu.tj
 e-mail: ismoilova-2016@mail.ru; farida.aminova.2016@mail.ru
 Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан.
 Лицензия №147/ЖР-97 от 27 марта 2020 года.

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора.....	9
----------------------------	---

12.00.02 - КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Алимов С.Ю. Международно - правовые основы реализации государственной политики в сфере социальной безопасности военнослужащих (конституционный аспект).....	10
Эльназаров Д.Х., Алифбеков А.Н. Особенности функционирования конституционно-правового механизма защиты прав и свобод человека и гражданина в правовой доктрине республики таджикистан: вопросы теории и практики.....	15

12.00.03 - ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Астапова Ш.Р. Срок как элемент конструкции исключительного права	22
Гавриленко В.А., Маюров Н.П., Морозова А.А., Уткин Н.И. Правовое регулирования договоров противопожарного страхования в Великобритании.....	26
Зайнутдинова З.З. Некоторые проблемы правового регулирования страхования ответственности в гражданском праве Республики Таджикистан.....	39
Курбонов Ш.Дж. К вопросу о некоторых аспектах зарождения гражданско-правового регулирования института удержания в Таджикистане.....	44
Одинаева Н.М. Договор поручительства как способ обеспечения обязательств в предпринимательской деятельности.....	48
Султонова Т.И. Государственное регулирование правового обеспечения конкуренции на товарном рынке в Республике Таджикистан.....	53
Эмомова К.И. Порядок и условия добровольного признания отцовства по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации	58

12.00.08 - УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Абдуллаева Р.А. Модернизация уголовного законодательства Республики Таджикистан в сфере медицины.....	64
Абдухамитов В.А. Современное состояние и тенденции развития преступлений в сфере медицинской деятельности в Таджикистане.....	76

12.00.09 - УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Хамроев Ш.С. Особенность удостоверительной деятельности эксперта в уголовном процессе.....	81
--	----

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Давлатов Х.Х. Международное право в эпоху климатических изменений: вызовы экологической миграции и пути адаптации.....	86
Рахмонзода Д.А. Основные принципы международно-правового регулирования в области обеспечения информационной безопасности.....	90
 Правила для авторов и порядок рецензирования.....	100

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ!

Вышел в свет очередной номер научного журнала «Юридический вестник» юридического факультета Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Выпуск журнала - результат усилий команды молодых докторов, кандидатов наук и соискателей, которые с энтузиазмом воплотили в жизнь свою идею об учреждении нового периодического издания для быстрой, полной и открытой публикации результатов научных исследований учёных-правоведов.

Наш журнал унаследовал устоявшиеся традиции и порядок опубликования научных статей в ведущих журналах Таджикистана и России, в связи с чем требования к их оформлению максимально приближены к требованиям, предъявляемым к рецензируемым научным изданиям, рекомендуемым Высшими аттестационными комиссиями Республики Таджикистан и Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований.

В сегодняшнем мире успех деятельности любого ученого оценивается по востребованности его работ, что подтверждает, в том числе, уровень их цитирования. Поэтому особую актуальность приобретают наукометрические базы учета научных публикаций.

Научный журнал «Юридический вестник» представляет собой пример свободной печатной площадки для опубликования научных достижений ученых-юристов, что позволит каждому автору раскрыть свои научные способности, представить разработанную им научную идею или концепцию, популяризировать свои научные исследования, чтобы использовать юридические знания во благо общества и государства.

При этом следует подчеркнуть, что публикационное поле деятельности нашего журнала будет охвачено не только научными трудами отечественных ученых и специалистов, но также и зарубежных исследователей. Это возможно благодаря нашему тесному сотрудничеству с иностранными коллегами, круг которых, естественно, гораздо шире, чем список учёных, вошедших в состав редакционной коллегии журнала «Юридический вестник». Информировав наших читателей о новейших достижениях зарубежной юридической науки и практики, мы исходим из принципа актуальности интеграции науки и научного познания. Ведь развитие отечественной правовой мысли невозможно без учета современного состояния мировой юридической науки.

Я призываю всех наших коллег активнее участвовать в научной деятельности. Мы приглашаем к сотрудничеству ведущих ученых и специалистов Республики Таджикистан и зарубежных стран. Именно Ваши научные труды являются основой новых направлений исследований для аспирантов и соискателей, начинающих ученых.

Мы верим, что с помощью и при поддержке наших авторов и читателей наш журнал станет одним из лидирующих периодических научных изданий в области юриспруденции как в Республике Таджикистан, так и за его пределами.

Хочу пожелать мира, благополучия и достижения поставленных целей!

Главный редактор
доктор юридических наук, доцент,
А.В. Золотухин

УДК 341.96:342:364:355-057.36

**МЕЖДУНАРОДНО - ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
(КОНСТИТУЦИОННЫЙ АСПЕКТ)**

Алимов Суробшо Юсуфшоевич

Доктор юридических наук, профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин
Российско-Таджикского (славянского) университета,
ул. М. Турсунзаде 30, 734025, Душанбе, Республика Таджикистан,
тел.: 2278648, E-mail: s-alimov@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы обеспечения социальной безопасности участников боевых действий в зарубежных странах, которые осуществляются с помощью различных конституционно-правовых механизмов. Однако закреплённые конституционные права и свободы лишь тогда оправдывают свою социальную значимость, когда они претворяются в реальной жизнедеятельности.

Изначально защита государства чаще всего рассматривалась в качестве обязанности гражданина, хотя некоторые конституции считают её и его правом. Отмеченная обязанность предполагает несение обязательной военной службы, а также выполнение определённых законом повинностей в случае войны или военной опасности. Конституционные нормы конкретизируются и развиваются в законах об обороне, о воинской обязанности и иных подобных актах текущего законодательства.

В результате проведённого конституционно-правового анализа государственного регулирования прав военнослужащих автор обосновывает и учитывает особенности международного регулирования правового статуса участников боевых действий.

Ключевые слова: Конституционные права и свободы, льготы и гарантии, органы государственной власти, права и свободы, военнослужащие, ветераны боевых действий, законодательное регулирование, социально-правовая защита.

Обеспечение прав и свобод участников боевых действий в зарубежных странах осуществляется с помощью различных конституционно-правовых механизмов. Однако закреплённые конституционные права и свободы

лишь тогда оправдывают свою социальную значимость, когда они претворяются в реальной жизнедеятельности их носителей. Автор солидарен с мнением коллег В.Д. Самойлова, В.И. Червонюка, Г.И. Иванец и И.В. Калинского о том, что «закрепление права, пусть даже в Конституции, это лишь одна из ступеней движения этого права к достижению его носителем фактических целей, вытекающих из данного права»¹.

Для совершенствования конституционного и законодательного регулирования прав и свобод участников боевых действий важно учитывать особенности международного регулирования правового положения участников боевых действий. В соответствии с исследуемой объ-

ектно-предметной областью автор сосредоточил свои усилия на следующих важнейших факторах:

1) Проведении анализа конституционных законодательств ряда зарубежных стран на предмет определения правового положения участников боевых действий;

2) Выявлении правовых основ реализации государственной политики по вопросам ветеранов боевых действий на опыте зарубежных стран (выбор сделан на США, обществе, призванном «содействовать всеобщему благоденствию»²);

3) Установлении характерных черт международно-правового регулирования статуса участников боевых действий.

© Алимов С.Ю., 2025

¹Обеспечение прав и свобод личности в современной России. Материалы межвузовской научно-

практической конференции (22 декабря 2006 г.). М.: МосУ МВД России, 2007. С. 65.

²Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г.

Изначально защита государства чаще всего рассматривалась в качестве обязанности гражданина, хотя некоторые конституции считают её и его правом. Отмеченная обязанность предполагает несение обязательной военной службы, а также выполнение определённых законом повинностей в случае войны или военной опасности. Конституционные нормы конкретизируются и развиваются в законах об обороне (Белой книге об обороне¹), о воинской обязанности и иных подобных актах текущего законодательства.

Вместе с тем невыполнение воинской обязанности согласно Акту об иммиграции и гражданстве США от 27 июня 1952 г.

рассматривалось как преступление, предусматривающее наступление ответственности в виде утраты лицом гражданства за дезертирство во время войны, отъезд из США в период войны с целью уклонения от службы в Вооружённых Силах (ст. 349)².

В условиях нарастания в мире численности вооружённых конфликтов представляется особо значимым законодательное регулирование проблемных вопросов определения правового положения участников боевых действий.

Как показывает мировой опыт государственного руководства решением проблем участников боевых действий, включая

тех, кто частично или полностью утратил работоспособность, в ряде зарубежных государств в системе органов исполнительной власти (в структуре правительств) созданы уполномоченные министерства и департаменты³ (табл. 1).

Ни одна из указанных стран не имеет государственного органа по работе с инвалидами войны. Это обусловлено тем фактором, что инвалиды войны рассматриваются на международном уровне преимущественно как определённая часть ветеранов войны, которые полностью или частично потеряли работоспособность.

Таблица 1

Институциональная основа защиты ветеранов боевых действий в зарубежных странах

Страна	Основные органы, организации и учреждения
США	Департамент по делам ветеранов войны возглавляет министр в качестве члена правительства
Соединённое Королевство	Департамент правительства возглавляет министр по делам ветеранов
Канада	Департамент по делам ветеранов возглавляет министр - член правительства
Республика Польша	Администрация по вопросам ветеранов и репрессированных лиц - орган Государственной администрации (во главе министр - член правительства)
Республика Хорватия	Министерство Хорватских ветеранов войны
Республика Грузия	Государственный Департамент по делам ветеранов
Итальянская Республика	Гендирекция по вопросам обслуживания и пенсионного обеспечения ветеранов войны Министерства госсекретариата (аналог Минфина и Госбанка)
Словацкая Республика	Структурные подразделения Министерства труда, социальной защиты и семьи
Чешская Республика	Канцелярия ветеранов войн и пенсионеров военного ведомства Министерства обороны
Эстонская Республика	Структурные подразделения Министерства социальных дел и Министерства обороны

¹На сайте Президента Франции 29 апреля размещена «Белая книга по обороне и национальной безопасности» (2013 г.) и объявлено, что в 2014-2019 г. ВС Франции сократят на 34 тыс.человек, затем ежегодно в среднем на 5 тыс. человек. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/8228416.html> (дата обращения; 12.3.2019).

²Смирнова Е.С. Проблемы правового статуса иностранцев в условиях глобализации: монография. М., 2003. С. 364.

³Аблазов В.И. Афганистан - четвертая война. Киев, 1999. С. 199.

Другие страны ¹	Вопросы ветеранов войны возложены на отдельные структурные подразделения органов власти
----------------------------	---

Выявим особенности конституционных законодательств зарубежных стран² в части определения правового положения участников боевых действий. При этом следует подчеркнуть, что в процессе анализа содержания конституционных актов десятков зарубежных стран, нормы, непосредственно регулирующие права и свободы участников боевых действий, установлены³.

В Австрии к ведению Федерации относится законодательство и исполнительная деятельность по вопросам, связанным с устранением причиненного войной ущерба и попечением участников войны и их близких, уходом за могилами павших воинов.

Несмотря на то, что Конституция декларирует⁴, что Италия отвергает войну как посягательство на свободу других народов и как способ разрешения международных споров (ст. 11), защита Родины определена в качестве священного долга гражданина (ст. 52), а военная служба обязательной в пределах и в порядке, установленных законом. Причем, итальянские государственные служащие находятся исключительно на службе

нации.... В отношении ...кадровых военных действительной службы, ...закон может установить ограничения их права состоять в политических партиях» (ст. 98).

В соответствии со ст. 30 Конституции «Испанцы имеют право и обязаны защищать Испанию». В то же время свобода и равенство групп граждан (п.2, ст.9) должны быть действительными и эффективными, а государственные органы и службы должны создавать условия для обеспечения этих прав. Некоторые гарантии прав ветеранов и участников боевых действий следуют из содержания ст.49-51⁵. Развитие прав и свобод ветеранов и участников боевых действий осуществляется (п.1 ст. 81) через органические законы.

Согласно поправке V к Конституции США, «ни одно лицо не должно привлекаться к ответственности за преступление, караемое смертью, либо за иное позорящее преступление иначе как по представлению или обвинительному заключению большого жюри, за исключением дел, возбуждаемых в сухопутных или морских частях либо в милиции, призванной на действительную службу во время

войны или опасности, угрожающей обществу». К отделённым косвенным признакам прав участников боевых действий мы относим разве что поправку XIV (Раздел 4), содержанием которой «правомерность государственного долга Соединенных Штатов, признанного законом, включая долго вые обязательства по выплате пенсий и выдаче наград за службу при подавлении мятежа или восстания, не ставится под сомнение»⁶.

В Основном законе ФРГ определены области (Раздел VII ст.74), на которые распространяется «конкурирующая законодательная компетенция» и среди них: обеспечение инвалидов войны, родственников погибших и попечение о бывших военнопленных⁷.

В Хартии Европейского союза об основных правах⁸ наличествует ст. 34 «Социальное обеспечение и социальная помощь», все три пункта которой ориентированы на применение норм коммунитарного права и национального законодательства⁹.

Конституция Японии характеризует национальный подход в области законодательного регулирования прав и свобод

¹Это страны, в которых ветераны войны составляют незначимые прослойки населения.

²С позиций конституционного и законодательного регулирования прав и свобод ветеранов и участников боевых действий предметом исследования полагаем целесообразным избрать государства, с большей численностью и боевой мощью национальных вооружённых сил: США, Канаду, Великобританию, Бельгию, Нидерланды, Ирландию, Саудовскую Аравию, Индию, Пакистан, Малайзию, Филиппины, Японию, Австралию, Новую Зеландию, Аргентину и ЮАР. - См.: Бужинский Е. Добровольческие Вооружённые Силы / За профессиональную армию. Идеи Шарля де Голля и их развитие в XX в. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998. С. 504.

³Конституция Австрии. Ст. 10 (в ред. ФКЗ от 2 марта 1983 г. № 175).

⁴Конституция Итальянской Республики от 27 декабря 1947 г.; Конституции зарубежных государств: уч. пособие / Сост. В.В. Маклаков. - 4-е изд., перераб. и доп. М.: ВолтерсКлувер, 2003. С. 181, 188-189, 197.

⁵Конституция Королевства Испании от 27 декабря 1978 г.; Конституции зарубежных государств: учеб. пособие, 2003. С. 236-237.

⁶Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / Под ред. О.А. Жидкова. Перевод В.И. Лафитского. М.: Прогресс, 1993.

⁷Конституции зарубежных государств: уч. пособие / Сост. В.В. Маклаков. - 4-е изд., перераб. и доп. М.: ВолтерсКлувер, 2003. С. 123; Основной закон ФРГ в ред. от 16 июня 1965 г.

⁸Journal officiel des communautés européennes. 2000. 18 de-cembre. P. 1-22.

⁹Конституции зарубежных государств: учеб, пособие ... 2003. С. 358.

японских и не японских подданных. Однако (ст. 14) «никакие привилегии не предоставляются при присвоении почётных званий, наград или знаков отличия, и любая такая награда действительна только при жизни лица, которое имеет её в настоящее время или может получить в будущем»¹.

По сути, ст. 9 Японии «отказывается от войны как суверенного права нации», что «никогда впредь не будут создаваться сухопутные, морские и военно-воздушные силы, равно как и другие средства войны».

Право на ведение государством войны не признаётся. На самом деле, в июне 1992 г. в законодательном порядке было разрешено участие японских сил самообороны в операциях по поддержанию мира. В результате

в Японии появились участники боевых действий в Камбодже (1992), Мозамбике (1993)².

В целом в Японии «все имеют право на поддержание минимального уровня здоровой и культурной жизни. Во всех сферах жизни государство должно прилагать усилия для подъёма и дальнейшего развития общественного благосостояния, социального обеспечения, а также народного здравия»³.

Конституция Индии устанавливает «Равенство перед законом», так что «государство не отказывает ни одному лицу в равенстве перед законом или в равной защите со стороны закона на территории Индии»⁴. Одновременно «государство ...стремится свести к минимуму неравенство в доходах и стремится устранить неравенство в статусе, условиях и

возможностях не только среди отдельных лиц, но и среди групп населения, проживающих в различных местностях или практикующих различные профессии» (п. 2 ст. 38).

Таким образом, законодательное регулирование прав и свобод ветеранов и участников боевых действий, что подтверждает анализ табл. 1, организовано практически в каждом государстве. Оно, как правило, включает вопросы их социального обеспечения (назначение пенсий, пособий, премий, выплат и др.) и правового положения (вплоть до установления льгот иностранцам-участникам боевых действий в части приобретения гражданства страны в упрощённом порядке).

Библиографический список

1. Аблазов В.И. Афганистан - четвертая война. - Киев, 1999. - 215 с.
2. Конституция Соединенных Штатов Америки 1787 г. - М.: Прогресс, 1993. - 115 с.
3. Конституции зарубежных государств: учеб, пособие ... 2003. - 460 с.
4. Конституция Японии от 3 ноября 1946 г. Ст. 25. - М., 2019. - 160 с.
5. Конституция Индии от 26 ноября 1949 г. Ст. 14. - М., 2010. - 280 с.
6. Конституция Королевства Испании от 27 декабря 1978 г.; Конституции зарубежных государств: учеб.пособие, 2003. - 460 с.
7. Конституция Австрии. Ст. 10 (в ред. ФКЗ от 2 марта 1983 г. № 175). - М., 2010. - 120 с.
8. Конституция Итальянской Республики от 27 декабря 1947 г.; Конституции зарубежныхгосударств: уч. пособие. / Сост. В.В. Маклаков. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: ВолтерсКлувер, 2003. - 210 с.
9. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / Под ред. О.А. Жидкова.Перевод В.И. Лафитского. - М.: Прогресс, 1993. - 240 с.
10. Смирнова Е.С. Проблемы правового статуса иностранцев в условиях глобализации: монография. - М., 2003. - 402 с.

¹Это связано с тем, чтобы исключить возможность возврата к существованию военно-феодалного сословия самураев (от япон. *самурай*-служить), которые представляли собой касту мелких дворян, во многом повинную в национальной катастрофе во 2-й

Мировойвойне. - См.: Конституции зарубежных государств: учеб.пособие ... 2003. С. 412.

²Там же. - С. 414-415.

³Конституция Японии от 3 ноября 1946 г. Ст. 25.

⁴Конституция Индии от 26 ноября 1949 г. Ст. 14.

INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK FOR THE IMPLEMENTATION OF STATE POLICY
IN THE FIELD OF SOCIAL SECURITY OF MILITARY PERSONNEL
(CONSTITUTIONAL ASPECT)

Alimov Surobso Yusufshoevich

Doctor of Law,
Professor of the Department of Public Law Disciplines
Russian-Tajik (Slavic) University,
734025 M. Tursunzade St., 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan,
tel.: 2278648, E-mail: s-alimov@yandex.ru

The article discusses the issues of ensuring the social security of participants in hostilities in foreign countries, which are carried out through various constitutional and legal mechanisms. However, the established constitutional rights and freedoms justify their social significance only when they are implemented in real life. Initially, the protection of the state was most often considered as a citizen's duty, although some constitutions consider it to be his right. This duty involves performing compulsory military service, as well as performing duties defined by law in the event of war or military danger. Constitutional norms are specified and developed in the laws on defense, on military duty and other similar acts of current legislation. As a result of the constitutional and legal analysis of the state regulation of the rights of military personnel, the author substantiates and takes into account the specifics of international regulation.

Keywords: *Constitutional rights and freedoms, benefits and guarantees, public authorities, rights and freedoms, military personnel, combat veterans, legislative regulation, social and legal protection.*

АСОСҶОИ ҲУҚУҚИ БАЙНАЛМИЛАЛИИ ТАТБИҚИ СИЕСАТИ ДАВЛАТӢ ДАР СОҶАИ ТАЪМИНОТИ
ИҶТИМОИИ ХИЗМАТЧИЕНИ ҲАРБӢ (ҶАНБАИ КОНСТИТУТСИОНӢ)

Алимов Суробшо Юсуфшоевич

Доктор илмҳои ҳуқуқшиносӣ
профессори кафедраи фанҳои ҳуқуқи давлатӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
Кӯчаи М. Турсунзода 30,
734025, Душанбе, Ҷумҳурии Тоҷикистон,
тел.: 2278648, Почтаи Электронӣ: s-alimov@yandex.ru

Дар мақола масъалаҳои таъмини амнияти иҷтимоии иштирокчиени амалияти ҷангӣ дар кишварҳои хориҷӣ, ки бо ерии механизмҳои гуногуни конститусионӣ-ҳуқуқӣ амалӣ карда мешаванд, баррасӣ карда мешаванд. Аммо ҳуқуқ ва озодиҳои конститусионии мустақкамшуда танҳо дар сурате аҳамияти иҷтимоии худро сафед мекунад, ки онҳо дар фаъолияти воқеӣ амалӣ карда шаванд.

Дар ибтидо ҳимояи давлат бештар ҳамчун ӯҳдадории шахрванд баррасӣ мешуд, гарчанде ки баъзе конститутсияҳо онро ҳуқуқи ӯ низ мешуморанд. Вазифаи қайдшуда адои хизмат ихтимоии ҳарбиро дар бар мегирад, инчунин иҷрои ӯҳдадориҳои қонун дар сурати ҷанг ё хатари ҳарбӣ.

Меъёрҳои конститусионӣ дар қонунҳои мудофия, ӯҳдадории ҳарбӣ ва дигар санадҳои шабеҳи қонунгузориҳои ҷорӣ мушаххас ва таҳия карда мешаванд. Дар натиҷаи таҳлили конститусионӣ-ҳуқуқии танзими давлатии ҳуқуқи хизматчиени ҳарбӣ муаллиф хусусиятҳои танзими байналмилалиро асоснок мекунад.

Калидвожаҳо: *ҳуқуқ ва озодиҳои Конститусионӣ, имтиёзҳо ва кафолатҳо, мақомоти ҳокимияти давлатӣ, ҳуқуқ ва озодиҳои хизматчиени ҳарбӣ, собиқадорони амалияти ҷангӣ, танзими қонунгузорӣ, ҳифзи иҷтимоӣ-ҳуқуқӣ.*

УДК 354.7(572.3)

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО
МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В ПРАВОВОЙ
ДОКТРИНЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Эльназаров Давлатшо Ходжаевич
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
государственно-правовых дисциплин юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республики Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30,
Тел.: (+992) 2278648, (+992) 918611915, e-mail: sabkar@list.ru

Алифбеков Алиммад Нурмамадович
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республики Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 501917707, e-mail: alifbekov.alimamad@bk.ru

В статье рассматриваются содержание и правовые основы механизмов и структурных элементов конституционно-правового института защиты прав и свобод человека, и гражданина в Республике Таджикистан, основы гарантии и обеспечения прав и свобод человека. Предложены новые подходы совершенствования института конституционно-правовой защиты прав и свобод с учетом современной правовой действительности и реформирования современного таджикского общества. Обращается внимание на некоторые вопросы правового регулирования прав и свобод человека и гражданина на основе формирования современного национального законодательства, отвечающего требованиям современной демократии и требованиям новой Конституции, принятой после распада советского общества.

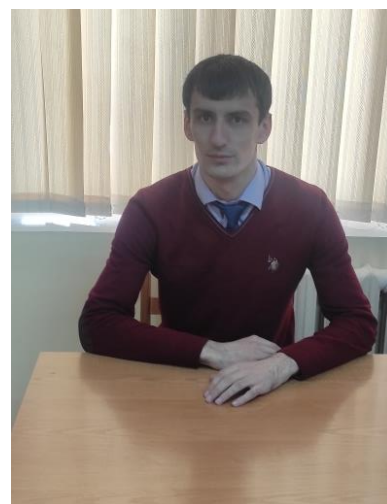
Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, охранительный механизм, механизм реализации прав и свобод, механизм правового регулирования, механизм правотворчества, механизм защиты прав и свобод, механизм обеспечения прав и свобод.

Эльназаров Д.Х.

Понятие механизм в конституционном праве исследуется в многозначном аспекте, «охранительный механизм», «конституционный механизм прав и свобод человека и гражданина», «механизм правового регулирования», «механизм правотворчества», «механизм защиты прав и свобод», «механизм обеспечения прав и свобод» и пр.¹

Проблемам механизма защиты прав и свобод человека и гражданина посвящены труды таджикских и русских учёных как: Д.Х. Эльназаров, А.М. Диноршоев, З.Х. Искандаров, Д.С. Сафаров, А.Г. Холикзода,

Алифбеков А.Н.

Ардашкин В. Д., Витрук Н. В.,

© Эльназаров Д.Х., Алифбеков А.Н., 2025

¹Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. -М., 1966. С.143; Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. -М., 1997. С.35; Ковачев Д.А. Механизм правотворчества социалистического

государства. М., 1977. С.73; Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. С.93; Бугаев В.В. Механизм защиты субъективных гражданских прав. Ярославль, 1990. С.213.

Гойман В. И., Лукашева Е. А., Матузов Н. И., Мордовец А. С., Ростовщиков И. В., Рудинский Ф. М., Синюков В. Н., Стремюхов А. В и др.

Под механизмом понимается совокупность внутренних компонентов и процессов, которые определяют структуру и функционирование какого-либо явления. Механизм представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов, составляющих систему, находящуюся в определённом движении. Таким образом, конституционный механизм защиты прав и свобод можно понимать как комплекс правовых инструментов и органов, которые способны обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина, закреплённых в Конституции Республики Таджикистан.

Защита прав человека является одной из важнейших конституционных обязанностей государства, обязанного формировать надёжную систему правовых и политических гарантий, в том числе и механизма защиты конституционных прав человека.¹

При одновременном анализе понятий «механизм государственной защиты прав и свобод человека» и «механизм обеспечения прав и свобод человека» следует акцентировать внимание на том, что содержание конституционно-правового механизма защиты прав и свобод человека неразрывно связано с этими двумя категориями. А.С. Мордовец подчеркивает взаимозависимость этих понятий, рассматривая их как части единого целого. К компонентам «механизма обеспечения» относятся такие элементы, как «механизм воспитания», «механизм защиты и

охраны» и «механизм восстановления нарушенных прав».²

Механизм реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина представляет собой систему методов и инструментов, которые используются для осуществления конкретных прав, организованных как по функциональному, так и по хронологическому принципу. Этот механизм включает как нормативные, так и организационные средства. К числу нормативных средств относятся положения законодательства и международных норм, которые устанавливают права и свободы человека и гражданина, а также обеспечивают их защиту и реализацию (например, Конституция РТ, Гражданский кодекс РТ, Международный пакт о гражданских и политических правах).

К организационным средствам механизма реализации и защиты прав человека и гражданина можно отнести разного рода публичные институты и процессуальные приемы, используемые для такой защиты и реализации (это, например, судебные органы, прокуратура, аппарат омбудсмана, Европейский суд по правам человека), а также процессуальные институты обжалования действия административных органов, судебные иски, жалобы в международные инстанции.

Исходя из вышесказанного, конституционными механизмами защиты прав и свобод человека и гражданина выступают: а) конституционные нормы; б) объекты и субъекты; в) процессуальные действия.

Защита конституционных прав и свобод человека, закреплённая в Конституции Республики Таджикистан, не снижает

значимости других конституционных норм, так как они также тесно связаны с основными правами и свободами личности (ч.1 ст.5, ч.2 ст.14, ч.1 ст.17, ч.1 ст.19 Конституции Республики Таджикистан). В соответствии с Конституцией Республики Таджикистан, субъектами защиты прав и свобод могут быть: государство и его органы, объединения и организации, а также сама личность. Обычно основаниями для защиты являются неправомерные действия или ограничение прав и свобод человека со стороны государства, его органов, должностных лиц и т. д. Юридическим основанием служат конкретные конституционные нормы, регулирующие различные сферы общественных отношений.

Формы защиты прав и свобод индивида различны. Под формой деятельности понимается действие правомочного органа, которое им осуществляется в рамках своих полномочий по охране, защите и восстановлению нарушенных прав человека.³

В Таджикистане функционирует широкая сеть органов, деятельность которых направлена на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина. При этом следует отметить, что международные механизмы защиты прав человека, такие как работа универсальных и региональных органов и организаций, регулирующих отношения между государствами, становятся всё более значимыми. Эти механизмы способствуют поощрению, соблюдению и защите прав человека на международном уровне.

Б. С. Эбзеев отмечает, что

¹Диноршоев А.М., Сафаров Д.С., Хамдамов Ш.М. Процессуальные институты конституционного судопроизводства в Республике Таджикистан. - Душанбе, 2015. С.31

²Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. С.58.

³ Диноршоев А.М. Механизмы защиты прав человека в Республике Таджикистан. - Душанбе, 2014. С.45.

«...условием повышения эффективности действия конституционных норм о правах человека и гражданина является работающий механизм контроля за конституционностью актов». Тем не менее, этого недостаточно. К примеру, осуществление конституционных прав и свобод человека и гражданина, наряду с другими отраслями права, обеспечивается и уголовным законодательством России. Однако сфера обеспечения гарантий уголовно-правовой защиты прав и свобод человека и гражданина должна быть комплексной, и подход к их уголовно-правовому регулированию — воздействию на поведение людей должен быть совершенно особым.

Д.О. Усанов под «механизмом реализации прав и свобод понимает особый правовой механизм, представляющий собой систему предусмотренных законом действий разнообразных субъектов, направленных на получение (гарантирование получения) индивидуального блага или общественно значимого результата».

Авторитетные учёные К.Б. Толкачев и А.Г. Хабибулин рассматривают «компоненты механизма в виде двух подсистем: подсистемы обеспечения конституционных прав и свобод и подсистемы действий (актов поведения) граждан конституционными правами и свободами, каждая из которых обладает своей структурой, целями и задачами функционирования».¹

А.Х. Абашидзе, говорить, что «основанием для классификации механизмов защиты прав

человека могут служить различные критерии: по характеру деятельности (судебные, квазисудебные и несудебные), по правовой природе (конвенционные и экстраконвенционные), по объекту деятельности (универсальные механизмы защиты прав человека рассматривания жалоб и механизмы системной защиты прав человека), по сроку деятельности (временные и бессрочные) и полномочий (всеобъемлющие и с ограниченными полномочиями). К указанному перечню А.М. Диноршоев добавляет ещё два основания - по географическому принципу (механизмы ООН и механизмы защиты, действующие в конкретном регионе) и по степени закрепления в международных документах (уставные и договорные)».²

Механизм обеспечения, как отмечает И. В. Ростовицкий, можно определить и как «...социально обусловленный и законодательно предусмотренный комплекс согласованных действий, прежде всего, личности — правообладателя, а также обязанных и других субъектов, с целью получения заинтересованной личностью блага, опосредованного правом (свободой)».

З.Х. Искандаров, подчёркивает, что «традиционно защита прав и свобод человека в государстве обеспечивается системой установленных правовых целей, принципов, гарантий, учреждений, институтов, методов и средств...».³

В правовой науке Таджикистана существуют различные

подходы к классификации механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина. Так, по мнению Б.А. Сафарова, «национальные механизмы защиты прав человека подразделяются на судебные, государственные, несудебные и общественные».⁴

Другого мнения придерживается А.М. Диноршоев, который указывает, что «национальные механизмы защиты прав человека необходимо классифицировать на административно-правовые, квазисудебные и судебные механизмы защиты прав человека».⁵

Ш.Ф. Искандаров отмечает, что «неправительственные организации в Республике Таджикистан заняли достойное место в системе защиты прав человека. Сегодня невозможно представить функционирование системы защиты прав человека без неправительственных организаций».⁶

В современном Таджикистане существуют некоммерческие организации, деятельность которых связана с обеспечением прав и свобод человека и гражданина. Такими организациями выступают, как правило, следующие: НПО «Права и благодеяние», НПО «Центр по правам человека», «Право и процветание», НПО «Нота Бене», НПО «Бюро по правам человека и соблюдение законности» и другие.

Вышеупомянутые организации оказывают правовую помощь населению в целях защиты их прав и свобод, а также систематически проводят просветительские мероприятия среди

¹ Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения конституционных прав и свобод граждан. Уфа, 1991. С. 98

² Диноршоев А.М. Механизмы защиты прав человека в Республике Таджикистан. Душанбе, 2014. С.52-55.

³ Искандаров З.Х. Права человека и национальные механизмы из защиты (на тадж.яз.) Душанбе, 2007. С.75.

⁴ Сафаров Б.А., Ойев Х.О. Механизмы защиты прав человека и гражданина в Республике Таджикистан (на тадж. яз.). Душанбе, 2013. -65.

⁵ Диноршоев А.М. Механизмы защиты прав и свобод человека в Республике Таджикистан: Монография. - Душанбе, 2014. С.50.

⁶ Искандаров Ш.Ф. К вопросу о неправительственных правозащитных организациях, как институт по правам человека // Правовая жизнь.2014. №4. (08). С.51.

граждан и трудовых коллективов, направленные на повышение правовой грамотности людей, их правосознания и правовой культуры.

Поэтому данная норма предусматривает следующие условия самозащиты: а) очевидность факта нарушения прав; б) обстоятельства, побуждающие его пресечение; в) принимаемые меры пресечения защиты должны быть соразмерны с обстоятельствами угрозы. Например, указанное в п.1 ч.1 ст.388 Гражданского кодекса понятие «удержание вещи с целью обеспечения обязательства должником» можно признать как способ самозащиты.¹

В ч. 3 ст. 46 предусматривается, что каждый имеет, в соответствии с международными договорами РФ, обращаться в межгосударственные органы для защиты прав и свобод человека, если исчерпаны все внутренние средства национальной защиты прав и свобод человека и гражданина.

В статье 3 Закона Республики Таджикистан от 23 июля 2016 года № 1339 «Об обращениях физических и юридических лиц» указано, что законодательство о обращениях физических и юридических лиц основывается на Конституции Республики Таджикистан и включает этот Закон, другие нормативно-правовые акты страны, а также международные правовые документы, признанные Таджикистаном.

Признание международных правовых актов частью правовой системы Таджикистана открывает новые возможности для интеграции и трансформации как внутренних, так и международных правовых механизмов. Это

позволяет превратить их в универсальные и эффективные инструменты конституционного права, которые способствуют более справедливой и результативной защите прав и свобод личности.

Исходя из вышеизложенного, важно отметить, что конституционно-правовой механизм защиты прав и свобод человека и гражданина приобрёл современную дефиницию в таджикской доктрине и в настоящее время выступает основным институтом конституционного права. Конституционно-правовой механизм – представляет собой система органов, цель которых является обеспечение и защита права и свободы человека и гражданина.

Несмотря на наличие правовых механизмов, существуют значительные проблемы, которые могут препятствовать эффективной защите прав и свобод человека в Таджикистане.

а) Недостаточная независимость судебных органов.

Одной из ключевых проблем является зависимость судебной власти от исполнительной власти, что снижает уровень доверия граждан к судам и судебной системе в целом. Это может ограничивать возможности реальной защиты прав человека, особенно в случаях, когда решения судов противоречат интересам властных структур.

б) Невозможность эффективного судебного контроля.

Существуют проблемы с доступом к правосудию, особенно в регионах, где люди могут столкнуться с барьерами в виде недостаточной юридической осведомленности или высо-

ких судебных пошлин. В отдаленных районах также может отсутствовать достаточное количество квалифицированных юристов и правозащитников.

в) Конфликт между национальной законодательной системой и международными стандартами прав человека

Таджикистан, как член международных организаций, подписавший международные договоры и конвенции, обязан соблюдать международные стандарты прав человека. Однако в ряде случаев внутреннее законодательство страны может вступать в противоречие с международными обязательствами, что усложняет защиту прав граждан.

Для повышения эффективности конституционно-правового механизма защиты прав и свобод граждан в Таджикистане необходимо: укрепление независимости судебной власти - через реформу судебной системы, улучшение квалификации судей и обеспечение прозрачности уголовного, гражданского, административного, конституционного судопроизводства; усиление роли омбудсмена и других правозащитных институтов, расширение их полномочий и возможностей для мониторинга соблюдения прав человека; совершенствование правового просвещения населения, что позволит гражданам лучше защищать свои права и обращать внимание на нарушения; согласование внутреннего законодательства с международными стандартами прав человека, чтобы обеспечить более широкую защиту прав и свобод граждан в рамках международных договоров.

¹Гражданский кодекс Республики Таджикистан. Часть 1. От 03 июня 1999 (в ред. от 23.07.2016г. №1334) //

Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - Душанбе, 1999. №6. Ст.549.

Библиографический список

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (с изм. и доп. от 26.09.1999 г., 22.06. 2003г., 22.05.2016г.) [Электронный ресурс] / <http://www.adlia.tj/> (дата обращения: 24.11.2024).
2. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс] / <http://constitution.garant.ru/> (дата обращения 23.11.2024)
3. Конституционный Закон Республики Таджикистан «О местных органах государственной власти» от 17 мая 2004г. №28 (в ред. от 30.05.2017г. №1411) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - Душанбе, 2004. №5. – Ст. 339.
4. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. (с изм. и доп. от 26.09.1999 г., 22.06. 2003г., 22.05.2016г.) [Электронный ресурс] / <http://www.adlia.tj/> (дата обращения: 10.10.2024).
5. Закон Республики Таджикистан «О профессиональных союзах» от 02 августа 2011г. №757 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - Душанбе, 2011. №6. – Ст. 611.
6. Закон Республики Таджикистан «О собраниях, митингах, демонстрациях и уличных шествиях» от 31 декабря 2014г. №1169 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - Душанбе, 2014. №4. – Ст. 1169.
7. Закон Республики Таджикистан «Об обращениях физических и юридических лиц» от 23 июля 2016 года, №1339 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. -Душанбе, 2016. №7. – Ст. 617.
8. Закон Республики Таджикистан «Об оружии» от 23 марта 2013г. №938 (в ред. от 08.08.2015г. №1217). // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. -Душанбе, 2013. №3. – Ст. 182.
9. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. - М., 1966. – 214 с.
10. Бугаев В.В. Механизм защиты субъективных гражданских прав. -Ярославль, 1990. – 245 с.
11. Воеводин А.Д. Юридический статус личности в России. - М., 1997. – 288 с.
12. Диноршоев А.М. Механизмы защиты прав и свобод человека в Республике Таджикистан: Монография. - Душанбе, 2014. – 264 с.
13. Диноршоев А.М., Сафаров Д.С., Хамдамов Ш.М. Процессуальные институты конституционного судопроизводства в Республике Таджикистан. - Душанбе, 2015. – 272 с.
14. Ильинский И.П. Основные тенденции конституционного развития стран Восточной Европы // Государство и право. 1992. №6. – 368 с.
15. Искандаров З.Х. Права человека и национальные механизмы из защиты (на тадж.яз.). - Душанбе, 2007. – 212 с.
16. Искандаров Ш.Ф. К вопросу о неправительственных правозащитных организациях, как институт по правам человека // Правовая жизнь. 2014. №4 (08). – С. 51-63.
17. Ковачев Д.А. Механизм правотворчества социалистического государства. - М., 1977. – 165 с.
18. Конституции государств Европейского союза под ред. Л.А. Окунькова. - М., 2007. – 554 с.
19. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. – 239 с.
20. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996. – 238 с.
21. Сафаров Б.А. Диноршоев А.М. Закрепление международных стандартов в области прав человека в национальной правовой системе Республики Таджикистан. -Душанбе, 2015. – 314 с.
22. Сафаров Б.А., Диноршоев А.М. Закрепление международных стандартов в области прав человека в национальной правовой системе Республики Таджикистан. -Душанбе, 2015. – 168 с.
23. Сафаров Б.А., Диноршоев А.М. Закрепление международных стандартов в области прав человека в национальной правовой системе Республики Таджикистан. -Душанбе, 2015. – 203 с.
24. Сафаров Б.А., Ойев Х.О. Механизмы защиты прав человека и гражданина в Республике Таджикистан (на тадж. яз.). - Душанбе, 2013. – 65 с.
25. Сивопаляс А.В. Юридическая природа и механизм реализации свободы манифестаций в Российской Федерации: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1993. – 78 с.
26. Цоллер Э. Защита прав человека во Франции // Государство и право. 1992. №12. – С. 110 - 118.
27. Толкачев К.Б., Хабибуллин А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения
28. личных конституционных прав и свобод граждан. - Уфа, 1991 – 168 с.

**FEATURES OF THE FUNCTIONING OF THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL
MECHANISM FOR THE PROTECTION OF HUMAN AND CITIZEN RIGHTS AND
FREEDOMS IN THE LEGAL DOCTRINE OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: THEORY
AND PRACTICE ISSUES**

Elnazarov Davlatsho Khojaevich

Doctor of Law, Professor, Head of the Department
of State and Legal Disciplines of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30,
Tel.: (+992) 2278648, (+992) 918611915, e-mail: sabkar@list.ru

Alifbekov Alimamad Nurмамaдович

Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade street, 30
Tel.: (+992) 501917707, e-mail: alifbekov.alimamad@bk.ru

The article examines the content and legal basis of the mechanisms and structural elements of the constitutional and legal institution for the protection of human rights and freedoms, and the citizen in the Republic of Tajikistan, the basis for guaranteeing and ensuring human rights and freedoms. New approaches to improving the institution of constitutional and legal protection of rights and freedoms are proposed, taking into account the current legal reality and the reform of modern Tajik society. Attention is drawn to some issues of legal regulation of human and civil rights and freedoms based on the formation of modern national legislation that meets the requirements of modern democracy and the requirements of the new Constitution adopted after the collapse of Soviet society. An analysis of the main elements of the human rights system is also given, the prospects for their functioning on the basis of the new Constitution of the Republic of Tajikistan are determined, and some issues of improving the domestic legislative framework are touched upon.

Keywords: *human and civil rights and freedoms, protective mechanism, mechanism for the implementation of rights and freedoms, mechanism of legal regulation, mechanism of lawmaking, mechanism for the protection of rights and freedoms, mechanism for ensuring rights and freedoms.*

**ХУСУСИЯТИ ФУНКЦИОНАЛИИ ТАНЗИМИ КОНСТИТУСИОНӢ-ҲУҚУҚИИ ҲИМОЯИ ҲУҚУҚ ВА
ОЗОДИҲОИ ИНСОН ВА ШАҲРАВАНД ДАР ДОКТРИНАИ ҲУҚУҚИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

Элназаров Давлатшо Хоҷаевич

доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор,
мудири кафедраи Ҷанҷҳои давлатӣ ҳуқуқии
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзаде, 30,
тел.: 227 86 48, 918 611915, e-mail: sabkar@list.ru

Алифбеков Алимамад Нурмамaдович

омузгори кафедраи Ҷанҷҳои давлатӣ ҳуқуқии
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзаде, 30,
Тел.: (+992) 501917707, e-mail: alifbekov.alimamad@bk.ru

Дар мақола мазмун ва асосҳои сохтори унсурҳои танзими ҳуқуқии институти ҳимояи ҳуқуқ ва озодиҳои инсон в шаҳраванд дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва таҳмини кафолати онҳо дида баромада мешаванд. Инчунин самтҳои нави ташаккули институти баррасишаванда боназардошти ислҳоти доктринаи амалкунандаи ҳуқуқӣ ва азнавсозии ҷомеаи навини тоҷикон пешниҳод мегардад. Баъда аз пош хурдани ҷомеаи социалистӣ баъзе масъалҳои танзими ҳуқуқи инсон ва озодиҳои инсон ва шаҳраванд дар асоси ислҳоти қонунӣ, ки ба талаботи демократияи муосир ва Конститусияи ҷавобгӯ ҳастанд мавриди назар қарор дода шудаанд.

Калидвожаҳо: ҳуқуқ ва озодиҳои инсон ва шаҳрванд, механизмҳои ғимоя, механизмҳои татбиқи ҳуқуқ в озодиҳо, механизми танзими ҳуқуқӣ, механизми ҳуқуқэҷодкунӣ, механизми ғимояи ҳуқуқ ва озодиҳо, механизми таъмини ҳуқуқ ва озодӣ.

УДК 347.78 (575.3)

СРОК КАК ЭЛЕМЕНТ КОНСТРУКЦИИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Астапова Шахноза Рашидовна

преподаватель кафедры предпринимательского права

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, д.30.

Тел.: (+992) 900990061; e-mail.: astapova.sh@mail.ru

В статье рассматривается признак срочности как неотъемлемая характеристика исключительного права. автор уделяет внимание нормативному закреплению срока действия различных видов исключительных прав в действующем законодательстве Республики Таджикистан, а также юридическим последствиям его истечения. Автор демонстрирует цели установления срока действия исключительных прав и его роль в достижении баланса между частными и публичными интересами. В статье обосновывается, что срочность исключительного права является выражением компромисса между монопольными правами правообладателя и интересами общества. Делается вывод, что срочный характер исключительных прав – это своего рода компромисс между интересами правообладателей и публичными интересами, в рамках которого правообладатель получает возможность извлекать экономическую выгоду из использования созданного им объекта, а общество со временем получает доступ к знаниям и технологиям.

Ключевые слова: *исключительные права, срок действия исключительных прав, интеллектуальная собственность, результаты интеллектуальной деятельности, публичные интересы, частные интересы.*

Всякое абсолютное право имеет пределы, установление которых имеет цель защитить общественные и государственные интересы, а также законные интересы других лиц¹. В отношении исключительных прав одним из таких ограничений является временный (срочный) характер. Рассмотрим особенности проявления этого признака в системе

гражданско-правового регулирования более подробно.

Прежде всего отметим, что ограниченный срок действия исключительных прав находит своё прямое закрепление в Гражданском кодексе Республики Таджикистан. В частности, на ограниченный срок действия исключительных прав указывает п.1 ст. 1242 Гражданского кодекса РТ, который является общей нормой, закрепляющей общее правило, что имущественные права на отдельные виды объектов интеллектуальной собственности действуют в течение определённого срока, установленного законодательством. При этом срочность, как признак исключительного права, характерен не только применительно к результатам интеллектуальной деятельности, но и средствам индивидуализации. Однако конкретные сроки действия тех или иных исключительных прав определены в спе-

циальных законах. Их продолжительность зависит от категории охраняемого интеллектуального объекта. Так, временные рамки действия авторского права установлены в ст. 17 Закона РТ «Об авторском праве и смежных правах». В соответствии с данной нормой авторское право действует в течение всей жизни автора, а также в последующие пятьдесят лет после его смерти. Когда речь идёт о соавторских произведениях, авторское право действует до смерти последнего соавтора и в последующие пятьдесят лет после его смерти.

Исключительное право на товарный знак также не является бессрочным. Срок действия его регистрации составляет десять лет с даты подачи заявления в патентное ведомство, что является стандартной международной практикой, и может быть продлён неограниченное количество раз на каждые десять лет по заявлению правообладателя (ст. 18

Закона РТ «О товарных знаках и знаках обслуживания»).

Основной срок действия исключительных прав на изобретения установлен в ст. 4 Закона РТ «Об изобретениях». Согласно этой норме, патент на изобретение действует в течение двадцати лет с даты подачи заявки в патентное ведомство. Срок действия малого патента составляет десять лет. Если патент относится к сфере лекарственных средств, пестицидов и агрохимикатов срок его действия продлевается на пять лет, с условием, что момента подачи заявления в патентное ведомство прошло более четырёх лет до получения разрешения на применение.

Пределы срока действия исключительного права на промышленный образец установлены в пять лет с даты подачи заявления в патентное ведомство, который может быть продлен дважды по пять лет по ходатайству патентообладателя. Следовательно, максимальный срок правовой охраны промышленных образцов составляет 15 лет (ст. 6 Закона РТ «О промышленных образцах»).

Таким образом, приведённые нормы свидетельствуют о том, что признак временной ограниченности исключительных прав закреплён во всех специальных законах Республики Таджикистан, регламентирующих отдельный объект интеллектуальной собственности. Специальное законодательство устанавливает чёткие сроки действия исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, предусматривает механизмы продления этих сроков, но всё же исключает возможность бессрочного исключительного владения этими объектами. Срок действия исключительного права

включает в себя период жизни первичного правообладателя (правообладателей) и установленный законом период для наследников. Это указывает на то, что исключительные права, являясь монополией на использование интеллектуального продукта, тем не менее представляют собой временную монополию, ограниченную законодательно установленными сроками.

Установление временных рамок действия исключительных прав является международной практикой и находит своё закрепление во многих международных правовых документах, а именно в Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений, принятой 9 сентября 1886 года, Парижской конвенции по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года, Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС) от 15 апреля 1994 года.

Такой международный подход к рассматриваемому вопросу объясняется в юридической литературе тем, что существования исключительного права на объекты интеллектуальной собственности оправдано только для самого правообладателя (автора, изобретателя, владельца товарного знака) и его возможных наследников¹. Соглашаясь в общем с таким объяснением, подправим лишь, распространяя действие исключительных прав на наследников, законодатель имеет в виду не всех возможных наследников правообладателя, а только ближайших по времени, и не более.

Это связано с тем, что главной целью исключительных прав является защита интересов

создателя объекта интеллектуальной собственности. Исключительные права предоставляются для возможности получения первичным правообладателем экономической выгоды за проделанный труд, но не ради вечной монополии. Наследники не являются создателями, а лишь пользователями уже созданного объекта интеллектуальной собственности, поэтому передача им исключительных прав ограничивается установленными предельными сроками действия таких прав. После смерти первоначального правообладателя и его ближайших наследников дальнейшее сохранение исключительного (монопольного) права на объект интеллектуальной собственности с точки зрения принципов интеллектуального права теряет юридическое обоснование, так как исключительное право уже исчерпало свою функцию – вознаграждение создателя интеллектуального объекта.

Иными словами, механизм исключительного права на объекты интеллектуальной собственности обеспечивает реализацию интересов создателей (авторов) этих объектов. Если бы со стороны законодателя не было предоставлено возможности извлекать обоснованную выгоду из результатов своего труда, то, как справедливо указывается в юридической литературе, «никакого развития ни в области науки и техники, ни в области литературы и искусства не было бы»². Но интеллектуальная собственность не может рассматриваться как бесконечный инструмент обогащения. И срочный характер исключительных прав является этому подтверждением. В противном случае отсутствие правил ограниченного срока их действия могло бы привести к

¹ См.: Баттахов П. П. Существенные признаки исключительных прав в сфере права интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика. 2018. №2 (158). С. 64.

² Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 2. М.: Статут, 2012. С. 343.

нарушению баланса между интересами правообладателей и публичными интересами. Ведь бесконечное продление прав наследников и последующих правообладателей превратило бы исключительные права в абсолютную бесконечную монополию. В свою очередь, бесконечная коммерциализация сферы интеллектуальной деятельности позволила бы отдельным правообладателям получить вечный контроль над технологиями, научными изобретениями, культурными и исторически значимыми произведениями, что серьезно тормозило бы развитие науки, искусства, культуры и техники. Как отмечается в юридической литературе, бессрочный характер исключительных прав ставил бы объекты интеллектуальной деятельности в зависимость от отношения к ним правообладателей, которые, могут воспринимать их не как вклад в развитие науки и культуры, а как инструмент контроля и источника прибыли¹. В качестве примера приводится неадекватное отношение супруги А.С. Пушкина, которая добилась увеличения сроков охраны исключительных авторских прав с 25 до 50 лет, а затем фактически злоупотребляла этими правами в отношении произведений великого автора².

Очевидным является тот факт, что новые научно-техниче-

ские достижения зачастую основаны на ранее полученных научных знаниях. Именно поэтому идея интеллектуальной собственности основана на временном предоставлении исключительных прав в обмен на общественную пользу. Именно поэтому по истечении срока действия исключительных прав, объект интеллектуальной собственности переходит в общественное достояние (п. 2 ст. 1242 Гражданского кодекса РФ). Из этого допустимо заключить, что срочный характер исключительных прав – это своего рода компромисс между интересами правообладателей и публичными интересами, в рамках которого правообладатель получает возможность извлекать экономическую выгоду из использования созданного им объекта, а общество со временем получает доступ к знаниям и технологиям.

Правовое значение признака срочности исключительных прав состоит в том, что срочный их характер обуславливает необходимость учёта этого факта в наследственных отношениях и в случае правопреемства. Это означает, что исключительные права, являясь частью наследственной массы, могут передаваться по наследству только оставшийся срок их действия, установленный законом. По истечении этого срока наследники теряют возможность извлекать

из объекта интеллектуальной собственности экономические выгоды, поскольку он становится достоянием общества.

Точно также срочный характер исключительного права предопределяет временные рамки действия лицензионных договоров и иных соглашений, связанных с распоряжением исключительными правами. На это, в частности обращает внимание О. Шилов³. Это опять же означает, что лицензионные договоры не могут действовать дольше срока исключительного права, так как по их истечении объект интеллектуальной собственности переходит в общественное достояние.

Правовые последствия срочного характера исключительных прав также распространяются на все виды договоров об отчуждении исключительных прав, в которых приобретатель исключительного права получает его только на оставшийся срок правовой охраны.

Ограниченный срок действия исключительных прав отличает их от личных неимущественных прав на объекты интеллектуальной собственности, которые в отличие от первых не зависят от времени и охраняются бессрочно (п.2 ст. 1240 Гражданского кодекса РФ).

Библиографический список

1. Андреев Ю.Н. Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты: монография. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 400 с.
2. Баттахов П. П. Существенные признаки исключительных прав в сфере права интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика. –2018. – №2 (158). – С. 63-66

¹ Российское гражданское право: В 2 т. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник. Т 1. / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011. С. 693.

² См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный) / С.С.

Алексеев, А.С. Васильев, В.В. Голофаев и др.; под ред. С.А. Степанова. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2009. С. 1221.

³ См.: Шилов О. Общие положения о договорных способах распоряжения исключительным правом // Хозяйство и право. 2008. № 9. С. 16.

3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный) / С.С. Алексеев, А.С. Васильев, В.В. Голофаев и др.; под ред. С.А. Степанова. -М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2009. – 504 с.
4. Российское гражданское право: В 2 т. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник. Т 1. / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – 958 с.
5. Шилов О. Общие положения о договорных способах распоряжения исключительным правом // Хозяйство и право. – 2008. – № 9. - С. 3-23.
6. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 2. – М.: Статут, 2012. – 351 с.

TERM AS AN ELEMENT OF THE CONSTRUCTION OF AN EXCLUSIVE RIGHT

Astapova Shakhnoza Rashidovna

Lecturer of the Department of Business Law

Russian-Tajik (Slavonic) University

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade St., 30.

Tel.: (+992) 900990061; e-mail.: astapova.sh@mail.ru

The article examines the urgency feature as an integral characteristic of an exclusive right. The author pays attention to the normative consolidation of the validity period of various types of exclusive rights in the current legislation of the Republic of Tajikistan, as well as the legal consequences of its expiration. The author demonstrates the goals of establishing the validity period of exclusive rights and its role in achieving a balance between private and public interests. The article substantiates that the urgency of an exclusive right is an expression of a compromise between the monopoly rights of the copyright holder and the interests of society. It is concluded that the urgent nature of exclusive rights is a kind of compromise between the interests of copyright holders and public interests, within which the copyright holder gets the opportunity to derive economic benefits from the use of the object created by him, and society eventually gets access to knowledge and technology.

Key words: *exclusive rights, term of exclusive rights, intellectual property, results of intellectual activity, public interests, private interests.*

МҶҲЛАТ ҲАМЧУН УНСУРИ СОҲТОРИ ҲУҚУҚИ ИСТИСНОӢ

Астапова Шахноза Рашидовна

Муаллими кафедраи ҳуқуқи соҳибкорӣ

Донишгоҳи (славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 900990061; e-mail.: astapova.sh@mail.ru

Дар мақола аломати таъҷили ҳамчун хусусияти ҷудонопазири ҳуқуқи истисноӣ баррасӣ карда мешавад. Муаллиф ба таҳкими меъерии мӯҳлати амали намудҳои гуногуни ҳуқуқҳои истисноӣ дар қонунгузори амалкунандаи Ҷумҳурии Тоҷикистон, инчунин оқибатҳои ҳуқуқии ба охир расидани он диққат медиҳад. Муаллиф ҳадафҳои муқаррар кардани мӯҳлати ҳуқуқҳои истисноӣ ва нақши онро дар ноил шудан ба тавозуни манфиатҳои хусусӣ ва ҷамъиятӣ нишон медиҳад. Дар мақола асоснок карда мешавад, ки таъхирнопазирии ҳуқуқи истисноӣ ифодаи тафохум байни ҳуқуқҳои монополии соҳиби ҳуқуқ ва манфиатҳои ҷомеа мебошад. Хулоса ин аст, ки хусусияти фаврии ҳуқуқҳои истисноӣ як навъ созиш байни манфиатҳои соҳибони ҳуқуқ ва манфиатҳои ҷамъиятӣ мебошад, ки дар доираи он соҳиби ҳуқуқ имконият пайдо мекунад, ки аз истифодаи иншооти сохтаи худ манфиати иқтисодӣ ба даст орад ва ҷомеа бо мурури замон ба дониш ва технология дастрасӣ пайдо кунад.

Калидвожаҳо: *ҳуқуқҳои истисноӣ, мӯҳлати амали ҳуқуқҳои истисноӣ, моликияти зеҳнӣ, натиҷаҳои фаъолияти зеҳнӣ, манфиатҳои ҷамъиятӣ, манфиатҳои хусусӣ.*

УДК 347. 4

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОГОВОРОВ
ПРОТИВОПОЖАРНОГО СТРАХОВАНИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ**

Гавриленко Владимир Александрович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт – Петербургский университет ГПС МЧС России
196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149
e-mail: gv22@mail.ru

Маюров Николай Петрович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт – Петербургский университет ГПС МЧС России
196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149
e-mail: mayurov2010@mail.ru

Медведева Анна Александровна

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры трудового права
Санкт – Петербургский университет ГПС МЧС России
196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149
e-mail: interdep@igps.ru

Уткин Николай Иванович

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Санкт – Петербургский университет ГПС МЧС России
196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149
e-mail: utkinnick@mail.ru

Гавриленко В.А.

Маюров Н.П.

Медведева А.А.

Уткин Н.И.

В настоящей статье исследуются особенности теории и истории правового регулирования договоров противопожарного страхования в Великобритании, их общее содержание и юридические характеристики. Анализируется институт и основные принципы страхования в Британском праве. Рассматривается история развития законодательства и судебных прецедентов. Опыт и наработки британских законодателей представляют интерес для отечественной законотворческой деятельности. Положения, обоснованные в настоящей статье, имеют значение для дальнейшего развития правового регулирования сферы противопожарного страхования.

Авторы приходят к выводу, что институт страхования служит эффективным инструментом материальной компенсации ущерба от чрезвычайных ситуаций, в общем, и пожаров.

Ключевые слова: *договор противопожарного страхования, пожарная безопасность, право Великобритании.*

В начале публикации отметим, что опыт правового регулирования института противопожарного страхования в Великобритании является предметом исследований в отечественной юридической науке, как исторических аспектов¹, так и современного состояния². Настоящая статья базируется на основе ранее проведенного научного исследования правового генезиса вышеуказанной юридической отрасли³.

Согласимся с постулатом о необходимости исследования вопросов теории и истории анализируемых правовых явлений, «поскольку становление тех действительно происходило под влиянием многих исторически обусловленных социальных, экономических, политических и иных факторов»⁴.

Следует указать, что Великобритании термины «страхование» и термин «противопожарное страхование» не установлены законом. Страхование в Великобритании связано прежде всего с договором, заключенным между страхователем и страховщиком, и имеющим юридическую силу. В Великобритании не

существует законодательства, регулирующего отдельно договор страхования. Законодательство, регулирующее вопросы заключения гражданско-правового договора, применяется и в договорах страхования. Основным принципом договора является то, что каждый договор, вне зависимости от предмета, имеет юридическую силу, если только он не противоречит закону, морали или общественному порядку⁵. Термин «общественный порядок» идентичен термину «публичный порядок», институт которого распространен в современной юриспруденции⁶ служит поддержанию приоритета национального права по отношению к иностранному и международному праву⁷. Противоречие закону определяется согласно нормам общего или статутного права. Понятия «аморальности» и «общественного порядка» варьируются в зависимости от источника толкования и имеют склонность к изменению. В качестве примера договора, нарушающего нормы морали и общественного порядка относятся договоры о совершении преступления⁸.

Договор страхования в Великобритании считается «договором согласия», поскольку именно страховщик готовит текст договора, а страхователь практически не имеет возможности внести в него изменения. Таким образом, именно страховщик несет ответственность за любую неясность в тексте договора.

Договор страхования является разновидностью алеаторной сделки, поскольку суммы, затрачиваемые страховщиком и страхователем неравны, и зависят от непредсказуемых событий, не зависящими от воли сторон, которые могут не наступить. В частности, если страховой случай не наступил, у страховщика не возникает обязанность по выплате страхового возмещения.

Договор страхования является односторонним, то есть, только страховщик имеет юридические обязательства в соответствии с договором. Страхователь не обязан платить премии, при этом страхователь обязан выплачивать страховые суммы, если страхователь заплатил премии и выполнил некоторые основные положения договора.

¹ См.: Гавриленко В.А., Ковалева Н.В., Медведева А.А. Противопожарное законодательство Великобритании на примере Закона о предупреждении пожаров в метрополии 1774 г. // Аграрное и земельное право. 2021. № 12 (204). С. 102-105.

² См.: Гавриленко В.А., Медведева А.А., Уткин Н.И. Особенности противопожарного страхования в Великобритании как средства защиты от последствий пожаров // Право и государство: теория и практика. 2021. № 5 (197). С. 322.

³ См.: Медведева А.А. Правовой генезис механизмов страхования в области повышения защищенности населения и территорий от пожаров, а также обеспечения смягчения их последствий в Великобритании: дисс. ... докт. юрид. наук. Санкт – Петербург, 2009. С. 56.

⁴ Часовникова О.Г., Болотин Д.Д. Историко-правовой анализ источников уголовно – процессуального права Древней Руси в X–XI вв. // Право, безопасность, чрезвычайные ситуации. 2023. № 4 (61). С. 15.

⁵ Abbott W.M. General Insurance Convention Statutory Regulation of Short Term Business. London, 1982. С. 2.

⁶ Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. сравнительный анализ законодательства государств Арктического региона // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т.7. № 2. С. 309.

⁷ Гавриленко В.А. Третейское разбирательство споров: учебное пособие. Великий Новгород, 2007. С. 188.

⁸ Abbott W.M. General Insurance Convention Statutory Regulation of Short Term Business. London, 1982. С. 2.

Противопожарное страхование в Великобритании осуществляется в добровольной форме. Однако основным мотивом побуждающим страховать личное имущество или имущество предприятий является необходимость предоставления гарантий для банков или инвесторов, обеспечивающих материальное покрытие убытков в случае неблагоприятного развития событий для страхователя. Наличие полиса противопожарного страхования на используемое в процессе осуществления предпринимательской деятельности и/или принадлежащее имущество является неременным условием открытия банковского счета, получения кредита, инвестиций и т.д.

Кроме этого, в виде исключения, на некоторые виды недвижимости наложено требование об обязательном страховании от пожара в соответствии с законом «Об улучшении земель», законом «О заселенных землях» и законом «О небольших постройках и участках». Кроме того, в соответствии Пасторским укладом англиканской церкви от пожара должны быть застрахованы церковные постройки, принадлежащие англиканской церкви.

Практически каждый британский юрист, занимающийся проблемой страхования, разработал собственное определение договора страхования, которые варьируются от «соглашения о

распределении риска»¹ до «процесса организации пула»². Однако все определения так или иначе напоминают дефиницию, данную в 1904 Судей Чаннелом (Channel) по делу *Prudential Insurance Company v. Inland Revenue Commissioners*: «Это... договор, согласно которому...обычно, но не обязательно, в обмен на периодические взносы, называемые премиями, вы обеспечиваете себе некоторое пособие, обычно, но не обязательно выплату денежной суммы, при наступлении определенного события. Затем необходимым условием является то, что это событие неопределенно»³.

Добавим также следующее. «Неопределенность должна быть либо по поводу возможности наступления события, либо по поводу времени наступления этого события. Договор страхования должен быть направлен против чего-либо. Договор страхования отличается от пари тем, что страхователь заинтересован в предмете договора страхования»⁴.

Описание договора страхования, данное по делу *Prudential*, было использовано Администрацией по финансовым услугам (АФУ) при составлении Руководства по идентификации договоров страхования. Данное Руководство имело целью определить «регулятивный периметр...[в области страхования], не давая при этом правового определения, поскольку это

является прерогативой Парламента или Судов... [Данная информация] позволит фирмам вести страховой бизнес легально и надлежащим образом»⁵. В Руководстве подчеркивается, что оно не имеет обязательного характера, и «...Суды не обязаны соглашаться с данным Руководством и применять его положения»⁶. Однако в отсутствие ясного определения договора страхования, данное Руководство является единственным официальным источником, дающим определение этого термина.

Администрация по финансовым услугам определила договор страхования как «обеспеченный правовой санкцией договор, по которому «поставщик услуг» принимает в обмен на один или несколько взносов, обязательство выплатить деньги или предоставить определенные привилегии (включающие в себя услуги, оплаченные страховщиком), «получателю услуг», в ответ на определенные обстоятельства, появление которых (место или сам факт их появления) неопределенно и угрожает интересам получателя услуг»⁷.

В соответствии с вышеупомянутыми определениями можно выделить основные черты, отличающие договор страхования от других договоров: это страховые премии, неопределенность риска и страховой интерес.

1. Страховые премии.

По существу страховые премии это определенные суммы

¹ Insurance Implications under the Building Regulations 2000 // Knights Guide to Fire Legislation, September 2003. Issue 41. С. 35-38.

² Ramachandran G. The Economics of Fire Protection. London: E & FN Spon, 1998. С. 119.

³ [1904] 2 KB 658

⁴ Медведева А.А. Правовой генезис механизмов страхования в области повышения защищенности населения и территорий от пожаров, а также обеспечения смягчения их последствий в Великобритании: дисс. ... докт. юрид. наук. Санкт – Петербург, 2009. С. 159.

⁵ Consultation on Draft Guidance on the Identification of Contracts of Insurance (CP150) (2002) [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fsa.gov.uk/pubs/cp/cp150.pdf> (дата обращения: 17.12.2024).

⁶ The Identification of Contracts of Insurance. Feedback on CP150 and made text (2004) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fsa.gov.uk/pubs/policy/ps04_19.pdf (дата обращения: 17.12.2024).

⁷ Consultation on Draft Guidance on the Identification of Contracts of Insurance (CP150) (2002) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fsa.gov.uk/pubs/cp/cp150.pdf> (дата обращения: 17.12.2024).

денег, выплачиваемые лицами, потенциально подверженными одинаковому виду риска (страхователями), в общий фонд, организованный страховой компанией (страховщиком). После наступления страхового случая, ущерб возмещается из общего фонда¹. Страховые премии отличаются договоры страхования от других сходных договоров. Например, в отличие от договора страхования договор поручительства не требует предварительной выплаты взноса².

2. Неопределенность риска.

Важно, чтобы страховой случай наступил только у некоторых страхователей, или наступил у одних раньше, чем у других. Таким образом, факт наступления страхового случая должен быть неопределенным³. Например, в случае огневого страхования пожар может и не произойти.

3. Страховой интерес.

Ст. 1 Закона «О страховании жизни» запрещает заключение договора страхования без страхового интереса, и признает договоры, заключенные таким образом, недействительными. Ст. 5(2) Закона «О морском страховании» 1906 г. разъясняет понятие страхового интереса: «...лицо имеет интерес, ... если у него есть правовая или объективная связь

...с имуществом, подвергнутым риску...» Условие «правовой или объективной связи» создала узкий подход к договорам неморского страхования. Британские юристы утверждают, что суды «склоняются в пользу обнаружения страхового интереса, где это возможно»⁴. Однако решения судов о том, кто может иметь страховой интерес, отличаются противоречивостью⁵. В деле *Macaura v. Northern Assurance Co Ltd*⁶ было установлено, что акционер компании не имеет страхового интереса к активам этой компании. В другом деле *Glengate-KG Properties Ltd v Norwich Union Fire Insurance Society Ltd*⁷ в огне погибли проекты здания. Для разработки новых проектов собственник должен был заплатить 100 000 фунтов стерлингов. Апелляционный Суд постановил, что собственник не имел права требовать компенсации по договору страхования ущерба от перерыва в производстве, так как не обнаружил страхового интереса. С другой стороны право собственности не является существенной чертой этой «связи».

Однако такая неясность определений и судебных решений не подходит для современных условий развития страхового бизнеса⁸. Все чаще ученые утверждают, что принципы страхования, заложенные 200 лет

назад, должны быть пересмотрены⁹. Опыт реформирования страхового законодательства в других странах, придерживающихся принципов общего права, может служить хорошим примером расширительного и более либерального подхода к понятию страхового интереса. Например, ст.ст. 16-18 Закона Австралии «О договорах страхования» 1984 г.¹⁰ не требует, чтобы договор страхования, имеющий юридическую силу, содержал страховой интерес¹¹. Также Закон Новой Зеландии «О реформе страхования» 1985 г.¹² не требует наличия принципа страхового интереса в некоторых видах договоров страхования. Единственным требованием является демонстрация причиненного ущерба¹³. Однако договоры, проистекающие из азартных игр и пари, являются в этих странах незаконными, тогда как в Великобритании они получили правовую силу с принятием Закона «Об азартных играх» 2005 г.¹⁴. Ожидается, что при отмене условия страхового интереса различие между договорами страхования и договорами, проистекающими из азартных игр и

¹ Ramachandran G. The Economics of Fire Protection. London: E & FN Spon, 1998. С. 181.

² Lowry J.P. Insurance Law: Doctrines and Principles. London: Hart Publishing, 2005. С. 5.

³ Everton A.R. Fire and the law: an introductory guide to the law relating to fire. London: Butterworths, 1972. С. 69.

⁴ Legh-Jones N. MacGillivray on Insurance Law. London: Thomson/Sweet & Maxwell, 2002, С. 12

⁵ Goodliffe J. Insurable Interests - Traps for the Unwary // International Insurance Law Review, 1996, Vol.4, No.3 С. 101.

⁶ [1925] A.C. 619 1925 WL 23056

⁷ [1996] 2 All ER 487, [1996] 1 Lloyd's Rep 614, 49 ConLR 78, 12 Const LJ 266

⁸ Hodgkin R.W. Insurance Law: Texts and Materials. London: Cavendish Publishing Ltd., 1998. С. 59.

⁹ Birds J.R. Modern Insurance Law. London: Sweet & Maxwell, 2004. С. 43.

¹⁰ Australian Insurance Contracts Act 1984 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://insuranceau.org/insurance-contracts-act-1984.pdf> (дата обращения: 17.12.2024).

¹¹ Mead P. Contract Works and Contractors' all Risk Policies - a Comparative Analysis of the UK and Australian Courts' Approach. // Construction Law Journal. 2005. 21(7). С. 519.

¹² New Zealand Insurance Reform Act 1985 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1985/0117/latest/whole.html> (дата обращения: 17.12.2024).

¹³ Vroegop J. Insurance Law Reform in New Zealand // Journal of Business Law. November. 1987. С. 521.

¹⁴ Gambling Act 2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.wandsworth.gov.uk/media/10041/gambling_act_2005_statement_of_policy_and_principles.pdf (дата обращения: 17.12.2024).

пари, исчезнет¹. В США, хотя договоры-пари не имеют юридической силы, страховой интерес необходим для договоров страхования. Для определения интереса применяется так называемый «экономический тест»: даже если у страхователя нет прав на застрахованную собственность, у него есть страховой интерес, если уничтожение этой собственности причинит ему финансовый ущерб².

Договор противопожарного страхования может быть определен как договор, согласно которому страхователь «соглашается выплачивать премию страховой компании, которая в свою очередь обязуется выплатить деньги в случае, если имущество испорчено или уничтожено огнем».³ Основные характеристики договора страхования в целом применяются ко всем договорам страхования, однако существуют и особые характеристики, применимые в Британском праве только к огневому страхованию:

1. Принцип высшей добросовестности (*Utmost good faith*), который происходит от старинного морского права, установлен Законом «О морском страховании» 1906 г., и применяется и в пожарном страховании, поскольку договор огневого страхования считается «ответвлением» договора морского страхования. Статьи 17-18 Закона обязывают потенциального страховщика и страхователя раскрывать существенную информацию до заключения договора.

Если информация не была раскрыта одной из сторон, то договор может быть признан недействительным. Несмотря на то, что обе стороны обязаны раскрывать существенную информацию, основной причиной введения этого принципа была защита страховщика, поскольку страхователь, очевидно, обладает большей информацией о вероятности пожара⁴. Однако в современных условиях страховщик не страдает от недостаточности информации. Страховщик может провести осмотр помещений недвижимости, которые планируется застраховать, он может получить доступ к базе страховщиков, имеющей информацию о недобросовестных страхователях. Кроме того, страховщики зачастую имеют больше знаний о пожарных рисках в регионе, в который страхователь только что переехал⁵.

Что касается «существенности» информации, ст. ст. 18(2) и 20(2) Закона определяют, что обстоятельство является существенным, если оно «повлияет на решение благоразумного страховщика о заключении договора и принятии на себя риска». В практике огневого страхования следующие факты являются существенными:

1. Личная информация страхователя (например, заключение договора под чужим именем).

2. Местность и окружающие условия недвижимости, предназначенной к страхованию (пожары в прилегающих зда-

ниях; предыдущее использование здания, фейерверки на территории, прилегающей к зданию и т.д.).

3. Стоимость имущества, предназначенного к страхованию (средняя стоимость лесоматериалов; другие товары и т.д.).

4. Предыдущие потери от огня, от которых пострадал страхователь.

5. Другие случаи заключения договора огневого страхования (предыдущие отказы заключить или продлить договор страхования и т.д.).

В деле *Pan Atlantic Insurance Co. Ltd. v. Pine Top Insurance Co.* были утверждены два момента «критерия существенности»⁶:

- факт является существенным, если он может заинтересовать благоразумного страховщика;

- страховщик должен доказать, что на него повлияло не выявление или неточное заявление о существенном факте⁷.

Целью этого решения было то, чтобы не позволить страховщику расторгнуть контракт, если он не пострадал⁸. Однако, есть опасение, высказанное Правовой комиссией, что закон на сегодняшний момент более предвзят в пользу страховщика. Потенциальный страхователь обязан раскрывать все факты, которые могут повлиять на оценку риска. Это означает, что он должен иметь знания требований страховщика, которые он, как правило не имеет. Даже если страхователь действует честно, он может не соблюсти требова-

¹ Beale H. The Law Commissions' Project on Insurance Contract Law. 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawcom.gov.uk/docs/seminar_190106.pdf (дата обращения: 17.12.2024).

² Legh-Jones N. MacGillivray on Insurance Law. London: Thomson/Sweet & Maxwell. 2002. C. 24.

³ Everton A.R. Fire and the law: an introductory guide to the law relating to fire. London: Butterworths. 1972. C. 68.

⁴ Clarke M.A. The Law of Insurance Contracts. London: Lloyds of London Press Ltd. 1994. C. 550.

⁵ The Law Commission and the Scottish Law Commission. Insurance Contract Law. A Joint Scoping Paper. 2005

⁶ [1994] 3 All E.R. 581

⁷ Insurance Implications under the Building Regulations 2000 // Knights Guide to Fire Legislation. September 2003. Issue 41. C. 37-38.

⁸ Bennett H.N. Utmost Good Faith in the House of Lords // Law Quarterly Review. 1995. 111(APR). C. 185.

ния информирования страховщика, особенно если страховщик не обязан по закону задавать вопросы даже об обстоятельствах, которые могут быть материальными¹.

Считается, что принцип высшей добросовестности является преддоговорной обязанностью, и любое существенное увеличение риска в дальнейшем не влечет признания договора недействительным². Однако, поскольку ст. 17 Закона не содержит никаких временных ограничений, эта обязанность интерпретируется как имеющая силу и после заключения договора. Например, по делу *Black King Shipping Corporation and Wayang (Panama) S.A. v. Mark Ranald Massie (The "Litson Pride")* было вынесено решение, что имело место нарушение принципа высшей добросовестности после заключения договора, и страховщик имеет право потребовать признание договора недействительным на основании его нарушения страхователем³. Решение по делу *Black King* критикуется, так как постдоговорное обязательство высшей добросовестности является дополнительным бременем для страхователя⁴. Также считается, что этот принцип бесполезен и

не несет большего смысла чем *bona fides* (честность), а стороны любого договора, не только договора страхования, должны быть честными⁵. Несмотря на критику и сомнения, постдоговорная обязанность высшей добросовестности является мощным средством защиты страховщика от «недобросовестной сделки, вызванной постдоговорным развитием риска»⁶. Выносятся предположения, что в современных условиях высшая добросовестность должна определяться индивидуально и существовать как условие договора, а не правило, установленное законом. Предложение Австралийской комиссии по реформированию законодательства (обзор Закона «О морском страховании» 1909 г.) может применяться при реформировании британского законодательства. Предложенная поправка гласит, что обязанность высшей добросовестности становится только условием договора⁷. Такое условие содержится в стандартных договорах огневого страхования Британии, а стороны могут расширить или сузить данный принцип по своему усмотрению (например, исключить право расторжения до-

говора, если принцип был нарушен невиновно)⁸. Требование к страхователю уведомить страховщика о последующих изменениях пожарного риска включается в раздел «Особые условия» договора страхования⁹.

2. Принцип компенсации. Основной идеей договора огневого страхования является то, что страхователь восстанавливает свое финансовое положение на тот же уровень, что и до пожара. Важнейшим судебным прецедентом по вопросу о принципе компенсации является дело *Castellain v. Preston*, согласно которому «страхователь... должен получить полную компенсацию, но не может получить более»¹⁰. Страхователь не имеет права получить прибыль из своего ущерба¹¹. Для предотвращения такого незаконного обогащения, в договоре пожарного страхования всегда указывается размер страховой суммы. Это является характерной чертой договоров огневого страхования — оговорить максимальные обязательства страховщика¹². Однако страхователь не всегда получает страховую сумму в полном объеме, поскольку она рассчитывается пропорционально реальному ущербу¹³.

¹ The Law Commission and the Scottish Law Commission. Insurance Contract Law. A Joint Scoping Paper. 2005

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawcom.gov.uk/insurance_contract.htm (дата обращения: 17.12.2024).

² Everton A.R., Holyoak J., Allen D. Fire Safety and the Law: A guide to the legal principles related to the hazard of fire. London: Paramount Publishing, 1990. С. 84.

³ 1984 WL 281817 (QBD (Comm Ct)), [1985] 1 Lloyd's Rep. 437, (1984) 134 N.L.J. 887

⁴ Hird N.J. Utmost Good Faith - Forward to the Past. // Journal of Business Law. March. 2005. С. 264.

⁵ Mc Kimm S. The Stirring Economic Giant: Insurance Opportunities in South Africa // International Insurance Law Review. 1995. 3(7). С. 242.

⁶ Naidoo A. The Confused Post-Formation Duty of Good Faith in Insurance Law: From Refinement to Fragmentation to Elimination. // Journal of Business Law. May. 2005. С. 349.

⁷ Naidoo A. The Confused Post-Formation Duty of Good Faith in Insurance Law: From Refinement to Fragmentation to Elimination. // Journal of Business Law, May. 2005. С. 471.

⁸ Everton A.R. Fire and the law: an introductory guide to the law relating to fire. London: Butterworths, 1972. С. 70.

⁹ Everton A.R., Holyoak J., Allen D. Fire Safety and the Law: A guide to the legal principles related to the hazard of fire. London: Paramount Publishing, 1990. С. 84.

¹⁰ (1883) 11 Q.B.D. 380

¹¹ Insurance Implications under the Building Regulations 2000 // Knights Guide to Fire Legislation. September 2003, Issue 41. С. 35-38.

¹² Everton A.R., Holyoak J., Allen D. Fire Safety and the Law: A guide to the legal principles related to the hazard of fire. London: Paramount Publishing, 1990. С. 86.

¹³ Hardy Ivamy E.R. Fire and Motor Insurance. London: Butterworths, 1973. С. 9.

Другим способом возмещения ущерба по договору огневого страхования является принцип восстановления (reinstatement), предусмотренный ст. 83 Закона «О предотвращении пожаров в Лондоне» 1774 г.¹.

Все статьи Закона «О предотвращении пожаров в Лондоне» были отменены кроме 83й, поскольку механизм защиты третьих лиц не заменен более современными нормативными актами.

3. Ущерб причинен пожаром. Таблица, приведенная

ниже, содержит резюме случаев ущерба, нанесенного огнем, которые предполагают или не предполагают страховое возмещение. Принципы базируются на прецедентах и были разработаны более 200 лет назад².

Страховое возмещение выплачивается	Страховое возмещение не выплачивается	Вопрос о выплате страхового возмещения решает страховщик в каждом конкретном случае
Воспламенение	Перегрев	Обгорание
Ущерб нанесен при предотвращении пожара (например, ущерб от воды, пролитой для предотвращения пожара)	Возникновение электрической дуги	Деформирование или оплавление пластиковых изделий в результате нагревания
Ущерб нанесен при попытке тушения пожара (например, ущерб нанесен пожарными)	Взрыв, повлекший за собой пожар	
Взрыв, произошедший в результате пожара		

Если установлено, что ущерб произошел в результате пожара, причина пожара несущественна. Также несущественно, произошел ли пожар из-за небрежности посторонних людей или самого страхователя.

Причина пожара является существенной, если это намеренный поджог, совершенный страхователем или если причина пожара является исключением из договора³.

Договор огневого страхования также покрывает непосредственные последствия пожара — так называемый прямой ущерб. Ущерб, причиненный обрушением стен, вызванного пожаром,

также будет возмещаться. С другой стороны, потеря прибыли бизнеса, вызванная пожаром, не относится к непосредственному ущербу и таким образом не покрывается⁴.

К порядку заключения договоров противопожарного страхования применяются те же правила, что и к любым другим видам договоров.

1. Предложение (оферта) к заключению договора противопожарного страхования может исходить как от страхователя, так и от страховщика. На практике предложение чаще всего исходит от страхователя, который запол-

няет специальную заявку, подготовленную страховщиком. Заявка содержит вопросы об имуществе, предлагаемом к страхованию.

К заявке прилагается Декларация, в которой страхователь заявляет, что он заполнил форму и полностью ответил на все вопросы.

В последние годы, благодаря развитию интернет- и телефонных продаж страховых полисов, заявки заполняются реже. В этом случае, страховщик высылает страхователю в письменном виде итог информации, полученной от него в устной или элек-

¹ Fires Prevention (Metropolis) Act 1774 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.legislation.govt.nz/act/imperial/1774/0078/latest/whole.html> (дата обращения: 17.12.2024).

² The Law of Insurance Contracts. 2nd edition. C.17-1; Doctrines and principles. C. 353

³ Hardy Ivamy E.R. Fire and Motor Insurance. London: Butterworths, 1973. C. 13.

⁴ Everton A.R., Holyoak J., Allen D. Fire Safety and the Law: A guide to the legal principles related to the hazard of fire. London: Paramount Publishing, 1990. C. 86.

тронной форме, которую страхователь обязан проверить и при необходимости исправить.

На основании заявки страховщик может принять предложение в виде акцепта, или принять с условиями, в виде контрферты.

Обе стороны должны согласиться со всеми терминами и условиями договора. Существенными моментами в договоре противопожарного страхования являются: размер страховой премии, природа риска, предмет страхования, и длительность риска.

Третья Директива ЕС по страхованию утвердила обязательные требования к процедуре заключения договора страхования. Страховщики обязаны предоставлять будущему страхователю следующую информацию в письменном виде:

1. о подаче жалобы, касающейся договора, включая наименование и адрес соответствующего органа (например, Финансового омбудсмена).

2. возможность обратиться с жалобой в соответствующий орган не лишает страхователя права обращаться в суд с иском на страховщика.

Английское право предусматривает заключение договора противопожарного страхования в форме коверноты, при которой страховщик соглашается застраховать риск сразу после получения предложения, отложив полное рассмотрение и акцепт предложения. То есть, коверноты представляют собой промежуточный договор страхования. Такие коверноты приравниваются к обычным договорам страхования¹.

В английских законах не содержится указания на форму

договора, то есть он не должен быть заключен в письменной или иной форме. Однако правовым обычаем установлена письменная форма договора противопожарного страхования, с обязательным указанием обязанностей страховщика и обязанностью страхователя выплачивать страховую премию. В особенности письменная форма договора необходима при решении споров между сторонами².

Необходимо отметить, что существуют различия между договором противопожарного страхования (contract of insurance) и страховым полисом (policy of insurance). Поскольку договор страхования в британском праве не обязательно должен быть заключен в письменной форме, страховой полис выполняет функцию письменного свидетельства заключения такого договора. В случае спора между сторонами договора противопожарного страхования, полис является подтверждением договоренности, достигнутой между страховщиком и страхователем³.

Начиная с 1922 г. большинство ведущих страховых компаний приняли стандартную форму страхового полиса, разработанную Комитетом офисов по страхованию от пожара. В 1985 г. после роспуска Комитета Ассоциация Британских страховщиков предложила для своих членов стандартные формы страхового полиса. Несмотря на то, в целом это привело к единству условий страхового полиса и их интерпретации, разные страховые компании разрабатывают свои собственные редакции полисов.

При опросе британских страховщиков по вопросу един-

ства содержания страховых полисов, специалист компании AVIVA Эндрю Мортон пояснил: «несмотря на то, что страховщики стараются унифицировать полисы страхования, из-за конкуренции на страховом рынке разные компании могут инкорпорировать различные условия, чтобы удовлетворить потенциальных страхователей».

Стандартный полис противопожарного страхования предусматривает страховое покрытие имущества от:

Пожара (возникшего в результате взрыва или другим образом), не вызванного:

- самопроизвольной ферментацией или нагреванием или любым процессом, связанным с применением тепла. (То есть, материал, подвергающийся такому процессу, не может получить страхового покрытия, хотя может получить повреждения в результате пожара).

- землетрясением, подземным пожаром, массовыми беспорядками, народными волнениями, войной, военным вторжением, действиями иностранного врага, гражданской войной, восстанием, революцией, мятежом, или военной или захватнической агрессией.

Пожар подразумевает возгорание, и может быть случайным по природе с точки зрения страхователя. Ущерб застрахованному имуществу, причиненный при тушении пожара, а также такими сопутствующими пожару последствиями как дым, обгорание или обрушение стен, также покрывается полисом противопожарного страхования. Поджог также признается страховым случаем, за исключением поджога, совершенного самим застрахованным или с его ведома.

¹ Birds J.R. Modern Insurance Law. London: Sweet & Maxwell, 2004. C. 240.

² Everton A.R. Fire and the law: an introductory guide to the law relating to fire. London: Butterworths, 1972. C. 70.

³ Gillott N. Commercial Insurance Convention Working Party Report. Institute of Actuaries General Insurance. Study Group. London, 1986. C. 16.

Удара молнии;

Взрыва, не вызванного землетрясением, подземным пожаром, массовыми беспорядками, народными волнениями, войной, военным вторжением, действиями иностранного врага, гражданской войной, восстанием, революцией, мятежом, или военной или захватнической агрессией.

Страховым случаем признается:

- взрыв бойлера, используемого только в домашнем хозяйстве.

- взрыв в здании, не являющегося частью газового завода, или взрыв газа, используемого в домашнем хозяйстве, или используемого в целях освещения или отопления здания.

Условия полиса противопожарного страхования исключают другие типы взрыва, ядерные риски, имущество, застрахованное по договору морского страхования, а также такие виды имущества как деньги, документы, планы и т.д., если договором не предусмотрено иное.

Стандартный перечень видов собственности, которые могут быть застрахованы по договору противопожарного страхования, сводится к следующим:

1. Здание, включая недвижимый инвентарь и установки, принадлежащие собственнику.

2. Машинное оборудование, агрегаты и другое содержимое.

3. Товары и материалы, являющиеся объектом коммерческой деятельности.

В перечень могут быть добавлены другие объекты собственности, например, компьютерные системы, отчетные документы и т.д.

Дополнительным страховым покрытием может обеспечиваться ущерб, причиненный имуществу в результате:

- «Сухих рисков», таких как взрыв, восстание, землетрясение, подземный огонь, оседание

земли или оползень или самовозгорание.

- «Мокрых рисков» как буря, ураган, наводнение, разрыв труб или град.

- Утечки sprinkлера.

В договоре страхования оговаривается, что способ компенсации ущерба при наступлении страхового случая остается на усмотрение страховщика, и включает в себя: замену, ремонт и/или денежную компенсацию, в зависимости от состояния, степени изношенности и рыночной стоимости пострадавшего имущества.

Если установлено, что ущерб произошел в результате пожара, причина пожара несущественна. Также несущественно, произошел ли пожар из-за небрежности посторонних людей или самого страхователя.

Причина пожара является существенной, если это намеренный поджог, совершенный страхователем или если причина пожара является исключением из договора. Договор огневого страхования покрывает ущерб от непосредственных последствий пожара – так называемый прямой ущерб. Косвенный ущерб, как например остановка бизнеса, вызванная пожаром, чреватая недополучением прибыли, не относится к непосредственному ущербу и таким образом не покрывается.

Положение добросовестной практики в области общего страхования («Положение») было составлено Ассоциацией Британских страховщиков (Приложение 8). Им устанавливаются правила страхования при «общем» страховании имущества и гражданской ответственности частных лиц, которые являются гражданами Великобритании. Оно не применяется в отношении коммерческого страхования (страхование компаний или индивидуальных предпринимателей).

В окончании статьи отметим, что «договор противопожарного страхования» по британскому законодательству может быть определен как договор, согласно которому страхователь «соглашается выплачивать премию страховой компании, которая в свою очередь обязуется выплатить деньги в случае, если имущество испорчено или уничтожено огнем». Основные характеристики договора страхования в целом применяются ко всем договорам страхования, однако существуют и особые характеристики, применимые в Британском праве только к огневому страхованию. Это принцип высшей добросовестности (Utmost good faith), принцип компенсации (indemnity), принцип причинения ущерба пожаром.

В английских законах не содержится указания на форму договора, то есть он не должен быть заключен в письменной или иной форме. Однако, правовым обычаем установлена письменная форма договора противопожарного страхования с обязательным указанием обязанностей страховщика и обязанностью страхователя выплачивать страховую премию. В особенности письменная форма договора необходима при решении споров между сторонами.

Начиная с 1922 г. большинство ведущих страховых компаний приняли стандартную форму страхового полиса, разработанную Комитетом офисов по страхованию от пожара. В 1985 г. после роспуска Комитета Ассоциация Британских страховщиков предложила для своих членов стандартные формы страхового полиса. Несмотря на то, что небольшие страховые компании сохранили свои собственные редакции полисов, в целом это привело к единству условий страхового полиса и их интерпретации.

В договоре противопожарного страхования оговаривается

способ компенсации ущерба, который определяется страховщиком.

Противопожарное страхование в Великобритании осуществляется в добровольной форме. Тем не менее, в виде исключения, некоторые виды недвижимости страхуются от пожара в обязательном порядке. Однако, обязательное страхование не играет роль стимулирования противопожарного страхования, поскольку из-за развитости страховой культуры населения Англии данные виды собственности страхуются в обычном добровольном порядке.

«Особенность всех ЧС выражается в том, что в результате того, что они произошли, и содалась исключительная обстановка, причиняется существенный имущественный и личный неимущественный вред. Несомненно, в связи с тем, что такая обстановка является исключительной, сложно моментально установить, была ли вероятность предвидеть такую ситуацию и ее предотвратить»¹.

Институт страхования направлен на «решение проблем защиты от негативных последствий, которые могут быть при-

чинены в результате пожара имуществу физических и юридических лиц, жизни или здоровью граждан»².

Данный институт выступает в роли «главного инструмента снижения риска в областях противопожарной и национальной безопасности»³ и служит эффективным инструментом материальной компенсации ущерба от чрезвычайных ситуаций, в общем, и пожаров, в частности.

Библиографический список

1. Асадова Л.Н., Крылова И.В. Нарушение и защита имущественных прав граждан при возникновении чрезвычайных ситуаций различного характера // Право, безопасность, чрезвычайные ситуации. - 2021. - № 1 (50). - С. 5-8.
2. Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. сравнительный анализ законодательства государств Арктического региона // Актуальные проблемы государства и права. - 2023. - Т.7. - № 2. - С. 303-318.
3. Гавриленко В.А. Третейское разбирательство споров: учебное пособие. - Великий Новгород, 2007. - 188 с.
4. Гавриленко В.А., Ковалева Н.В., Медведева А.А. Противопожарное законодательство Великобритании на примере Закона о предупреждении пожаров в метрополии 1774 г. // Аграрное и земельное право. - 2021. - № 12 (204). - С. 102-105.
5. Гавриленко В.А., Медведева А.А., Уткин Н.И. Особенности противопожарного страхования в Великобритании как средства защиты от последствий пожаров // Право и государство: теория и практика. - 2021. - № 5 (197). - С. 320-328.
6. Медведева А.А. Правовой генезис механизмов страхования в области повышения защищенности населения и территорий от пожаров, а также обеспечения смягчения их последствий в Великобритании: дисс. ... докт. юрид. наук. - Санкт – Петербург, 2009. - 304 с.
7. Немченко С.Б. Законопроект об обязательном противопожарном страховании: проблемы и перспективы // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. - 2010. - Т. 1. - № 1 (1). - С. 60-62.
8. Силуянова Н.М., Немченко С.Б. Правовое регулирование противопожарного страхования в дореволюционной России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. - 2013. - № 2 (19). - С. 63-67.
9. Часовникова О.Г., Болотин Д.Д. Историко-правовой анализ источников уголовно – процессуального права Древней Руси в X–XI вв. // Право, безопасность, чрезвычайные ситуации. - 2023. - № 4 (61). - С. 12-16.
10. Abbott W.M. General Insurance Convention Statutory Regulation of Short Term Business. London, 1982.

¹ Асадова Л.Н., Крылова И.В. Нарушение и защита имущественных прав граждан при возникновении чрезвычайных ситуаций различного характера // Право, безопасность, чрезвычайные ситуации. 2021. № 1 (50). С. 8.

² Немченко С.Б. Законопроект об обязательном противопожарном страховании: проблемы и перспективы // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. 2010. Т. 1. № 1 (1). С. 61.

³ Силуянова Н.М., Немченко С.Б. Правовое регулирование противопожарного страхования в дореволюционной России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013. № 2 (19). С. 64.

11. Australian Insurance Contracts Act 1984 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://insuranceau.org/insurance-contracts-act-1984-pdf> (дата обращения: 17.12.2024).
12. Beale H. The Law Commissions' Project on Insurance Contract Law. 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lawcom.gov.uk/docs/seminar_190106.pdf (дата обращения: 17.12.2024).
13. Bennett H.N. Utmost Good Faith in the House of Lords // Law Quarterly Review. 1995. 111(APR)
14. Consultation on Draft Guidance on the Identification of Contracts of Insurance (CP150) (2002) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fsa.gov.uk/pubs/cp/cp150.pdf> (дата обращения: 17.12.2024).
15. Consultation on Draft Guidance on the Identification of Contracts of Insurance (CP150) (2002) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fsa.gov.uk/pubs/cp/cp150.pdf> (дата обращения: 17.12.2024).
16. Everton A.R, Holyoak J., Allen D. Fire Safety and the Law: A guide to the legal principles related to the hazard of fire. London: Paramount Publishing, 1990. – 260 p/
17. Fires Prevention (Metropolis) Act 1774 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.govt.nz/act/imperial/1774/0078/latest/whole.html> (дата обращения: 17.12.2024).
18. Gambling Act 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wandsworth.gov.uk/media/10041/gambling_act_2005_statement_of_policy_and_principles.pdf (дата обращения: 17.12.2024).
19. Gillott N. Commercial Insurance Convention Working Party Report. Institute of Actuaries General Insurance. Study Group. London, 1986. – 306 p.
20. Goodliffe J. Insurable Interests - Traps for the Unwary // International Insurance Law Review, 1996, Vol.4, №.3 - C. 101 -113.
21. Hardy Ivamy E.R. Fire and Motor Insurance. London: Butterworths, 1973. – 314p.
22. Hird N.J. Utmost Good Faith- Forward to the Past. //Journal of Business Law. March. 2005. – P. 89-95.
23. Hodgin R.W. Insurance Law: Texts and Materials. London: Cavendish Publishing Ltd., 1998. Insurance Implications under the Building Regulations 2000 // Knights Guide to Fire Legislation, September 2003. Issue 41. - C. 35-38.
24. Legh-Jones N. MacGillivray on Insurance Law. London: Thomson/Sweet & Maxwell, 2002. – 164p.
25. Lowry J.P. Insurance Law: Doctrines and Principles. London: Hart Publishing, 2005. – 263p.
26. Mc Kimm S. The Stirring Economic Giant: Insurance Opportunities in South Africa // International Law Review. 1995. 3(7). - C. 242-245.
27. Mead P. Contract Works and Contractors' all Risk Policies - a Comparative Analysis of the UK and Australian Courts' Approach. // Construction Law Journal. 2005. 21(7). C. 519-526.
28. Naidoo A. The Confused Post-Formation Duty of Good Faith in Insurance Law: From Refinement to Fragmentation to Elimination. // Journal of Business Law, May. 2005. C. 471-483.
29. New Zealand Insurance Reform Act 1985 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1985/0117/latest/whole.html> (дата обращения: 17.12.2024).
30. Ramachandran G. The Economics of Fire Protection. London: E & FN Spon, 1998. – 201p/
31. The Identification of Contracts of Insurance. Feedback on CP150 and made text (2004) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fsa.gov.uk/pubs/policy/ps04_19.pdf (дата обращения: 17.12.2024).
32. The Law of Insurance Contracts. 2nd edition. C.17-1; Doctrines and principles. C. 353
33. Vroegop J. Insurance Law Reform in New Zealand // Journal of Business Law. November. 1987. (1883) 11 Q.B.D. 380

THEORY AND HISTORY OF LEGAL REGULATION OF FIRE INSURANCE CONTRACTS IN THE UK

Gavrilenko Vladimir Alexandrovich

PhD in Law, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Theory and History
of State and Law

St. Petersburg University of State Emergency Situations Ministry Russia
196105, St. Petersburg, Moskovsky pr., 149

e-mail: gv22@mail.ru

Mayurov Nikolay Petrovich

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
196105, St. Petersburg, Moskovsky pr., 149
e-mail: mayurov2010@mail.ru

Anna Aleksandrovna Medvedeva

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor, Department of Labor Law
St. Petersburg University of State Emergency
Situations Ministry of Emergency Situations of Russia
196105, St. Petersburg, Moskovsky pr., 149
e-mail: interdep@igps.ru

Utkin Nikolai Ivanovich

Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg State Emergency Situations Ministry Russia
196105, St. Petersburg, Moskovsky pr., 149
e-mail: utkinnick@mail.ru

This article investigates the peculiarities of the theory and history of legal regulation of fire insurance contracts in Great Britain, their general content and legal characteristics. The institute and basic principles of insurance in British law are analyzed. The history of development of legislation and judicial precedents is considered. The experience and developments of British legislators are of interest for domestic law-making activity. The provisions substantiated in this article are of importance for further development of legal regulation of the sphere of fire insurance.

The authors conclude that the institute of insurance serves as an effective tool for material compensation of damage from emergencies, in general, and fires.

Keywords: *Fire insurance contract, fire safety, UK legal system.*

НАЗАРИЯ ВА ТАЪРИХ ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИИ ШАРТНОМАҲО СУҒУРТАИ СҶҲТОР ДАР БРИТОНИЁ

Гавриленко Владимир Александрович

номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент,
дотсенти кафедраи назария ва таърихи давлат ва ҳуқуқ
Донишгоҳи Санкт-Петербург Ҳадамоти давлатии сҷҳтори
Вазирати ҳолатҳои фавқулоддаи Русия
196105, Санкт-Петербург, Иверс Ивро., 149
E-mail: gv22@mail.ru

Маюров Николай Петрович

доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор, ҳуқуқшиноси шоистаи Федератсияи Россия,
профессори кафедраи назария ва таърихи давлат ва ҳуқуқ
Донишгоҳи Санкт Петербург Вазири ҳолатҳои фавқулоддаи Русия
196105, Санкт-Петербург, Иверс Ивро., 149
E-mail: mayurov.2010@mail.ru

Медведева Анна Александровна

доктори илмҳои ҳуқуқ, дотсент
профессори кафедраи ҳуқуқи меҳнатӣ
Донишгоҳи Санкт-Петербург Ҳадамоти давлатии сҷҳтори Вазирати ҳолатҳои фавқулоддаи Русия
196105, Санкт-Петербург, Иверс Ивро., 149
E-mail: interdep@gps.ru

Уткин Николай Иванович

доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор, ҳуқуқшиноси шоистаи Федератсияи Россия,
профессори кафедраи назария ва Таърихи давлат ва ҳуқуқ
Донишгоҳи Санкт-Петербург Ҳадамоти давлатии сҷҳтори Вазирати ҳолатҳои фавқулоддаи Русия
196105, Санкт-Петербург, Иверс Ивро., 149
E-mail: atkinnnick@mail.ru

Моддаи мазкур хусусиятҳои назария ва таърих танзими ҳуқуқи шартномаҳои суғуртаи сҷҳтор дар Британияи Кабир, мундариҷаи умумии сҷҳтор ва хусусиятҳои ҳуқуқи онҳоро таҳқиқ мекунад. Институт ва принципҳои асосии суғурта дар қонуни Бритониё таҳлил карда мешаванд. Таърихи таҳияи қонунгузорӣ ва қоидаҳои судӣ баррасӣ карда мешавад. Таҷриба ва рушди қонунгузорони Бритониёи Бритониё ба фаъолияти қонунгузории ватанӣ ҳавасманд аст. Муқаррарот дар ин мақола асоснок барои рушди минбаъдаи танзими ҳуқуқи соҳаи суғуртаи сҷҳтор муҳиманд.

Муаллифон ҳулоса мекунанд, ки инҷонибаи суғурта ҳамчун воситаи муассир барои зарари ҷуброни моддӣ аз ҳолатҳои фавқулодда, дар маҷмӯъ, ба сифати воситаи зарари ҷуброни моддӣ мебошад.

Калидвожаҳо: *Созишномаи суғуртаи сҷҳтор, бехатарии сҷҳтор, ҳуқуқи Британияи Кабир.*

УДК 347.77+368.03+343.3

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРАХОВАНИЯ ОТ- ВЕТСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Зайнутдинова Зумрад Закировна

Аспирант 3-го года обучения по специальности
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
Российско-Таджикский (Славянский) университет
юридический факультет

Статья посвящена рассмотрению отдельных правовых аспектов страхования деликтной и договорной ответственности, обусловленных различиями в правовой природе деликтных и договорных обязательств. Делается вывод, что применение предусмотренного в Гражданском кодексе Республики Таджикистан общего правила, в соответствии с которым страховщик освобождается от выплаты страхового возмещения, если страховой случай наступил вследствие умышленных действий страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лиц, обосновано только в рамках страхования договорной ответственности. При страховании же деликтной ответственности такой подход является неприемлемым, так как главной функцией, которую выполняет деликтная ответственность, является восстановительно-компенсационная. Чтобы страхование выполняло функцию действенного инструмента защиты прав потерпевшего в деликтных обязательствах, на законодательном уровне должна обеспечиваться возможность возмещения ущерба независимо от платежеспособности причинителя вреда. Предлагаются изменения в Гражданский кодекс РТ, направленные на устранение этой коллизии.

Ключевые слова: *страхование, страховой интерес, страховой договор, страхование ответственности, деликтная ответственность, договорная ответственность, вина, неосторожность.*

Деликтная ответственность охватывает собой широкий круг ситуаций, связанных с причинением вреда третьим лицам, где страхование может служить эффективным инструментом, обеспечивающим компенсацию ущерба. В этой связи в вопросах деликтной ответственности действующее законодательство открывает больше про-

странства для применения механизма страхования в сравнении с договорной ответственностью. Поэтому применение страховых инструментов в контексте деликтной ответственности не ограничивается только случаями прямого указания закона. В отличие от этого, застраховать договорную ответственность можно только в случаях, прямо предусмотренных законодательством. Такое различие в правовом регулировании является, на наш взгляд, оправданным и соответствует правовой природе этих двух видов ответственности. Ведь для деликтной ответственности характерно наступление внезапности и независимость от воли сторон. Деликтная ответственность направлена на защиту интересов пострадавшего лица, а механизм страхования здесь позволяет возместить ему убытки независимо от финансового положения причинителя вреда. В случае же договорной ответственности, она является

следствием добровольно взятых на себя обязательств. Поэтому законодатель исходит из предположения, что стороны договора имеют возможность заранее оценить риски и договориться об условиях ответственности.

Различия в правовой природе деликтных и договорных обязательств обуславливают различный субъектный состав этих двух видов страхования ответственности. Так, в соответствии с п.1 ст. 1044 Гражданского кодекса РТ, при страховании ответственности за причинение вреда может быть застрахован риск ответственности как самого страхователя, так и иного лица, на которое такая ответственность может быть возложена. При этом в договоре должно быть прямо указано лицо, чья гражданско-правовая ответственность подлежит страхованию. При отсутствии такого указания застрахованным лицом будет считаться сам страхователь. Как пишет М.В. Маркина, страховой интерес здесь

связан с потребностью потенциального причинителя вреда оптимизировать финансовые издержки, которые будут иметь место в случае причинения вреда перед третьими лицами¹.

Что касается страхования ответственности по договору, то здесь, согласно п.1 ст. 1045 Гражданского кодекса РФ, фокус направлен на защиту исключительно рисков ответственности только самого страхователя. Законодатель прямо исключает возможность страхования ответственности третьих лиц в данном виде страхования ответственности. При этом страхователем по смыслу законодателя может выступать только индивидуальный предприниматель или коммерческая организация, выступающие на стороне продавца в публичных договорах. Это указывает на введение со стороны законодателя жёсткого сужения круга субъектов страхового интереса при страховании договорной ответственности.

Такое положение видится нам неправильным, так как привязка указанной нормы исключительно к публичным договорам, необоснованно ограничивает сферу применения страхования ответственности по договору и автоматически исключает возможность такого страхования по другим договорным конструкциям. Сказанным мы ни в коем случае не имеем цель умалить значение публичных договоров. Правовой режим публичных договоров – это один из случаев, когда имеется необходимость «выравнивания положений экономически сильной и экономически слабой сторон»². Это происходит через введение особых правил, направленных на защиту интересов слабой стороны (потребителя), который не имеет возможности влиять на условия договора, устанавливаемые продавцом-предпринимателем. Как

раз, страхование договорной ответственности и является одним из таких механизмов, потому как позволяет гарантировать компенсацию убытков, вызванных нарушением договорных обязательств продавцом, и, тем самым, снижает для потребителя риски финансовой необеспеченности должника.

Однако, думается, публичные договоры – это лишь одна из многих других договорных сфер, где применение механизма страхования договорной ответственности является полезным инструментом с точки зрения защиты интересов сторон договорных отношений и предотвращения убытков. В качестве примера приведём договоры поставки, контрактации, аренды, строительного подряда, контрактации, перевозки. В данных и многих других договорных отношениях страхование договорной ответственности может выполнять одинаково полезные функции. Несмотря на это п.1 ст. 1045 Гражданского кодекса РФ не учитывает подобного рода сложные коммерческие отношения, где договорная ответственность может быть перераспределена, лишая, тем самым, участников гражданского оборота такого полезного правового инструмента управления рисками.

В свете изложенного, мы не ставим под сомнение установленный законодательством общий запрет на страхование риска ответственности за нарушение договора с оговоркой, что такое страхование допускается только в случаях, предусмотренных законом. Такой подход является разумным ограничением, позволяющим предотвращать возможные злоупотребления, связанные с проявлениями морального риска. Общий запрет на страхование договорной ответственности служит гарантией того, что механизм страхования

применяется только в экономически обоснованных случаях. Однако привязка этого механизма исключительно к публичным договорам искусственно ограничивает его применение в других сферах договорных отношений, где риски неисполнения обязательств не менее значимы. Такое положение мы оцениваем как несправедливое и необоснованное.

В рамках представленных аргументов в целях обеспечения гибкости регулирования страхования договорной ответственности предлагаем расширить сферу применения п.1 ст. 1045 Гражданского кодекса РФ, исключив её привязку только к публичным договорам и оставив открытой возможность для закона предусматривать страхование договорной ответственности в любых ситуациях. Для этого предлагаем изложить данную норму в следующей редакции:

«Страхование риска ответственности за нарушение договора допускается в отношении ответственности индивидуального предпринимателя или коммерческой организации за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств в случаях, предусмотренных законом».

Продолжая наше исследование, хотим обратить внимание на то, что при исследовании специфики страхового интереса в страховании ответственности следует учитывать тот факт, что главной функцией страхования является защита от случайных или непредвиденных событий. Соответственно если действия страхователя (выгодоприобретателя) направлены против целей страхования, то возникает вопрос о правомерности страхового покрытия. Именно поэтому в Гражданском кодексе предусмотрено общее правило, в соответствии с которым страховщик

¹ Маркина М.В. Страхование гражданской ответственности // Право и практика. 2018. №4. С. 204.

² Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. - М.: Статут, 2012. С. 283.

освобождается от выплаты страхового возмещения, если страховым случаем наступил вследствие умышленных действий страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лица (п.1 ст. 1076 Гражданского кодекса РФ). Гражданский кодекс также допускает возможность освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения или уменьшения его размера в случаях наступления страхового случая вследствие грубой неосторожности страхователя или выгодоприобретателя (п.1 ст. 1076 Гражданского кодекса РФ). Данные нормы являются логичными и справедливыми, так как страхование не должно покрывать действия, сознательно создающие страховой случай или увеличивающие вероятность его наступления вследствие пренебрежения минимальными мерами предосторожности. А, как раз, умысел и грубая неосторожность – это и есть те самые действия.

Однако, на наш взгляд, применение этих норм обосновано только в рамках страхования договорной ответственности, поскольку такая ответственность возникает из отношений, условия которых заранее и добровольно согласованы сторонами, включая условия ответственности и распределения рисков. Ограничивающий эффект недобросовестного поведения страхователя в данном случае, обеспечиваемый указанными нормами, является справедливым.

При страховании же деликтной ответственности такой подход является неприемлемым по следующим основаниям. Во-первых, в отличие от договорной ответственности, для деликтной ответственности характерен элемент спонтанности. Здесь отношения между причинителем вреда и потерпевшим

находятся за рамками каких-либо предварительных договоренностей, так как вред возникает неожиданно. Именно поэтому вина, особенно её форма в виде грубой неосторожности является причиной большинства случаев причинения вреда в контексте деликтной ответственности.

Во-вторых, главной функцией, которую выполняет деликтная ответственность, является восстановительно-компенсационная. Она заключается в устранении отрицательных последствий, наступивших в имущественной и неимущественной сферах потерпевшего вследствие причинения вреда его жизни или здоровью. Этот факт не отрицается ни наукой гражданского права, ни гражданским законодательством (п. 1 ст. 1189 Гражданского кодекса РФ). Более того, к слову сказать, изначально в период действия древнеримского права термин «ответственность» использовался только лишь применительно к сфере деликтного права и возмещение потерпевшему причинённого вреда являлось основной функцией такой ответственности. От этого вытекает и название этой ответственности (деликт от лат. «delictum» означает «проступок, правонарушение»). В процессе эволюции института гражданско-правовой ответственности была создана единая концепция, которая подразделяла гражданско-правовую ответственность на деликтную и договорную. Именно поэтому договорная ответственность стала измеряться категориями деликтного права¹.

Такой особый характер деликтной ответственности обуславливает специфику страховых отношений, возникающих в этом случае. Основной целью страхования деликтной ответственности является компенса-

ция ущерба, причинённого третьим лицам, не связанным со страхователем договорными отношениями (п.1, 3 ст. 1044 Гражданского кодекса РФ). В этом смысле можно сказать, что страхование деликтной ответственности является инструментом защиты имущественных прав потерпевшего, потому что именно он фактически становится бенефициаром страхового покрытия. Такое положение придаёт его фигуре особое значение.

Однако чтобы страхование выполняло функцию действия инструмента защиты прав потерпевшего в деликтных обязательствах, на законодательном уровне должна обеспечиваться возможность возмещения ущерба независимо от платежеспособности причинителя вреда. Для достижения этого эффекта присутствие вины застрахованного лица не должно являться основанием для отказа выплаты страхового возмещения, как это в настоящее время предусматривает действующая редакция ст. 1076 Гражданского кодекса РФ.

Данная норма, закрепляя общее правило, освобождающее страховщика от выплаты страхового возмещения при наличии вины страхователя, выгодоприобретателя или застрахованного лица, акцентирует внимание на поведении причинителя вреда, не учитывая при этом особенно-сти страхования деликтной ответственности, где ключевую роль играет потерпевший, а не страхователь.

Страхование же, как мы уже отмечали, являясь механизмом защиты, призвано служить интересам пострадавшей стороны, а не наказывать виновных. Целью страхования является обеспечение компенсации потерпевшей стороне в деликтных обязательствах независимо от

¹ См.: Remy Ph. La «responsabilite contractuelle»: histoire d'un faux concept // Revue trimestrielle de droit civil (RTD civ.) (2) avr. - juin 1997. P. 323.

финансового положения причинителя вреда. Действующая же редакция ст. 1076 Гражданского кодекса РТ позволяет оставить потерпевшего без компенсации в случае, если вред был причинён виновными действиями застрахованного лица.

Чтобы исправить такое несовершенство закона предлагаем применить дифференцированный подход в регулировании этого вопроса, сделав в ст. 1076

Гражданского кодекса акцент на то, что виновное поведение страхователя (застрахованного лица) не является основанием для отказа в выплате компенсации потерпевшему. Для этого предлагаем дополнить ст. 1076 Гражданского кодекса Республики Таджикистан абзацем следующего содержания:

3. В случае страхования гражданской ответственности за причинение

вреда жизни или здоровью наступление страхового случая вследствие виновного поведения страхователя (застрахованного лица) не является основанием освобождения страховщика от выплаты страхового возмещения».

Такой подход направлен на обеспечение баланса между защитой интересов потерпевших и соблюдением правовой справедливости.

Библиографический список

1. Маркина М.В. Страхование гражданской ответственности // Право и практика. - 2018. - №4. - С. 203-207.
2. Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. - М.: Статут, 2012. - 488 с.
3. Remy Ph. La «responsabilite contractuelle»: histoire d'un faux concept // Revue trimestrielle de droit civil (RTD civ.) (2) avr. - juin 1997. - 323 p.

SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF LIABILITY INSURANCE IN THE CIVIL LAW OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Zainutdinova Zumrad Zakirovna

Postgraduate student of the 3rd year of study in the specialty

5.1.3. Private law (civilistic) sciences

Russian-Tajik (Slavic) University

Faculty of Law

The article is devoted to the consideration of certain legal aspects of tort and contractual liability insurance, caused by differences in the legal nature of tort and contractual obligations. It is concluded that the application of the general rule provided for in the Civil Code of the Republic of Tajikistan, according to which the insurer is exempt from paying insurance compensation if the insured event occurred as a result of deliberate actions of the policyholder, beneficiary or insured person, is justified only within the framework of contractual liability insurance. When insuring tort liability, such an approach is unacceptable, since the main function performed by tort liability is restorative and compensatory. In order for insurance to perform the function of an effective instrument for protecting the rights of the victim in tort obligations, the possibility of compensation for damages regardless of the solvency of the harm-doer should be ensured at the legislative level. Amendments to the Civil Code of the Republic of Tajikistan aimed at eliminating this conflict are proposed.

Key words: *insurance, insurable interest, insurance contract, liability insurance, tort liability, contractual liability, fault, negligence.*

БАЪЗЕ МАСЪАЛАҲОИ ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИИ СУҒУРТАИ МАСЪУЛИЯТИ ШАҲРВАНДӢ ДАР ҚОНУНГУЗОРИИ ГРАЖДАНИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Зайнутдинова Зумрад Закировна

Аспиранти курси 3-юм аз рӯи ихтисоси

5.1.3. Илмҳои ҳуқуқи хусусӣ (ҳуқуқи шаҳрвандӣ)

Донишгоҳи (славянии) Россия ва Тоҷикистон

факултети ҳуқуқшиносӣ

Мақола ба баррасии ҷанбаҳои алоҳидаи ҳуқуқи суғуртаи масъулияти шиканча ва шартномавӣ, ки бо фарқиятҳо дар табиати ҳуқуқи ӯҳдадорихоӣ шиканча ва шартномавӣ вобастаанд, бахшида шудааст. Хулоса бароварда мешавад, ки татбиқи қоидаи умумии дар кодекси Гражданин Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбинишуда, ки мутобиқи он суғуртақунанда аз пардохти ҷуброни суғурта озод карда мешавад, агар ҳодисаи суғуртавӣ дар натиҷаи амалҳои қасдан суғурташаванда, ғайриқасдан суғурташаванда рух дода

бошад, танҳо дар доираи суғуртаи масъулияти шартномавӣ асоснок карда мешавад. Дар суғуртаи масъулияти шиканча ин равиш ғайри қобили қабул аст, зеро вазифаи асосии масъулияти шиканча барқарорсозӣ ва ҷубронпулӣ мебошад. Барои он ки суғурта вазифаи воситаи муассири ҳифзи ҳуқуқҳои ҷабрдидаҳо дар ӯҳдадорихои шиканча иҷро кунад, дар сатҳи қонунгузорӣ бояд имконияти ҷуброни зарар новобаста аз қобилияти пардохтии зарардида таъмин карда шавад. Тағйирот ба кодекси Гражданинӣ ҚТ пешниҳод карда мешавад, ки ба бартараф кардани ин бархӯрд равона карда шудааст.

Калидвожаҳо: *суғурта, манфиати суғурта, шартномаи суғурта, суғуртаи масъулият, масъулияти шиканча, масъулияти шартномавӣ, гуноҳ, беэҳтиётӣ.*

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЗАРОЖДЕНИЯ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА
УДЕРЖАНИЯ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Курбонов Шодоб Джамолиддинович

аспирант кафедры гражданского права юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Изучение института право удержания приводит нас в эпоху существования римского частного права, где о нем впервые заговорили римские ученые. Однако после римского права гражданско-правовое регулирование института право удержания на территории исторического Таджикистана не имеет четкой характеристики. В древних правовых источниках не содержатся даже близкие правовые конструкции, напоминающие о праве удержания.

Автор приходит к выводу, что хоть дальнейшее развитие института право удержания на территории современного Таджикистана не получило столь устойчивого характера, однако оно все же было признано в качестве самостоятельного способа обеспечения исполнения обязательств.

Ключевые слова: *право удержания, Авеста, мусульманское право, способ обеспечения обязательства.*

Право удержания имеет свои отличительные особенности, что делает его уникальным правовым феноменом. В современном гражданском праве институт права удержания носит самостоятельный характер, однако, основой для его формирования стало именно учения о данном институте, которое было заложено

в римском праве, но дальнейшее развитие института права удержания на территории исторического Таджикистана не имеет четкой характеристики. В древних правовых источниках право удержания не было регламентировано как самостоятельный правовой феномен. В этих источниках не содержатся даже близкие правовые конструкции, напоминающие о праве удержания, о нем фактически вообще не упоминается. Несмотря на это, мы попытаемся охарактеризовать особенности развития института права удержания в гражданском праве Таджикистана.

Так, гражданские правоотношения, возникающие в силу обязательства или вещей, имели место всегда. Обеспечение исполнения обязательства играло существенную роль. Однако гражданско-правовые нормы, регулирующие вопросы обеспечения исполнения обязательства, в частности, право удержания,

имели свои особенности в разные периоды на территории исторического Таджикистана. Так, Авеста, как древнейший правовой источник исторического Таджикистана, не содержал конкретные нормы об институте права удержания. В нем были отражены нормы об исполнении долговых обязательств и о последствиях невозвращения долга. Должник, который не возвращал долг, признавался вором, что считалось тяжким грехом¹.

Долговые обязательства по Авеста возникали в силу заключенных между кредитором и должником договоров. В этом же договоре стороны определяли условия и способы залогового обеспечения исполнения должником обязательства, которые и определяли в будущем то, какая именно мера ответственности будет применена к должнику². Здесь следует согласиться с И.Б. Буриевым, который подмечает строгость характера наказаний за

© Курбонов Ш.Дж., 2025

¹ См.: Авеста «Закон против дево» (Видевдат). СПб., 2008. С. 97.

² Вохидов А.И. Правовое регулирование деятельности по взысканию просроченной задолженности в Республике Таджикистан и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2021. С. 82.

неисполнение договорных обязательств, действующая в нормах авестийского права¹. Так, санкционированными мерами наказания, применяемыми к нерадивому должнику, были телесное наказание и тюремное заключение. Следует отметить, что в основном как мера наказания к должнику применялось телесное наказание - удары хлыстом или плетью, которое в большинстве случаев заканчивалось смертью должника.

Также необходимо подчеркнуть, что авестийские нормы ставили интересы общества (общины) превыше всего. Поэтому за действия члена общины отвечала вся община. Соответственно, действия члена общины в рамках гражданских правоотношений порождал правовые последствия для всей общины². Например, за кражу собственности конфискации подлежала не только собственность вора, но и всего племени — «вис».

Дальнейшая жизнь таджикского народа стала развиваться в условиях принудительного насаждения религии ислама (VII- VIII века), поэтому в этот период гражданско-правовые отношения подверглись регулированию нормами шариата. Однако, как отмечают правоведы, «нормы авестийского права с приходом мусульманского права не ушли в прошлое. В IX веке, во времена становления Саманидского государства, нормы авестийского права тесно переплелись с нормами мусульманского

права»³. Ш.А. Азимов подчеркивает, что «... несмотря на то, что привитый «огнём и мечом» ислам, казалось бы, истребил все прежние религии таджикского народа, отдельные элементы из «Авесты» вошли в «адат» — обычное право мусульман — и тем самым явились одним из основных источников, хотя и не главных, шариата»⁴.

По словам А. Рахманова обязательство в исламском праве характеризуется тесной связью с санкциями, т.е. неблагоприятными для должника имущественными последствиями, наступающими в случае их неисполнения⁵. Должник обязан вернуть долг или исполнить обязательство в указанные договором сроки. Не возврат долга без уважительных причин приравнивается к греху. Однако в нормах шариата обязательное взыскание долга с просрочившего должника не нашло признания. «Если должник, кроме дома, в котором живет, и необходимых домашних принадлежностей, ничего другого не имеет, кредитор не может требовать свой долг и обязан терпеливо ждать его возврата. Если должник не в состоянии вернуть кредитору долг своим трудом»⁶. В случае просрочки должника, кредитор мог обратиться взыскание на имущество должника, оставленное в залог, но только по решению суда. Такой подход был обоснован с позиции шариата в целях недопущения конфликта между кредитором и должником. Наряду с этим, нормы исламского права

позволяли кредитору удерживать предмет залога до момента уплаты долга, не позволяя залогодателю пользоваться им⁷.

Наряду с этим положения Корана предоставляли кредитору возможность поручить своему доверенному лицу право взыскания с должника соответствующей задолженности. В результате, в случае взыскания долга, это доверенное лицо автоматически становилось должником по отношению к этому кредитору⁸.

Таким образом, можно заключить, что мусульманское право в качестве способа обеспечения исполнения обязательства признавало поручительство и залог. Возможность применения кредитором права удержания носила неоднозначный характер. Ведь согласно нормам шариата лицо, незаконно присвоившее чужую собственность, признавалось захватчиком (гасаб), который обязан был вернуть её законному владельцу. Гасаб считался тяжким грехом, за который следует высокая ответственность. По этому поводу ученые приводят следующее изречение Пророка Мухаммада: «Если кто-то насильно отнимает у другого пять земли, в Судный день эта пять земли превратятся в семислойное кольцо и свалиться на его плечи»⁹.

Р.У. Маликов, глубоко изучивший аспекты имущественных отношений в исламском праве, упоминает о праве удержания, действующем в шариате: «Рабочий может удерживать

¹ См.: Буриев И.Б. История государства и права Таджикистана. Т.1, ч.1–4 (от древнейших времен до начала 20 века). Душанбе: КВД «Комбинати полиграфии шахри Душанбе», 2016. С. 32.

² Имамов Н.Ф. Авеста — источник гражданского права // Молодой ученый. 2014. № 5 (64). С. 354.

³ Одинаева Н.М. Поручительство как способ обеспечения исполнения обязательств по законодательству Республики Таджикистан: дисс. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2023. С. 25.

⁴ Азимов Ш.А. Государство и право Саманидов. Душанбе: «Ирфон», 1999. С. 84.

⁵ См.: Рахманов А. Исламское гражданское право — мумалат // Общество и инновации. 2020. №01. С. 225.

⁶ Там же. С. 226.

⁷ См.: Маликов Р.У. Имущественные отношения в исламском праве: учебное пособие. Уфа: Изд-во БГПУ, 2016. С. 77.

⁸ См.: Вохидов А.И. Указ. раб. С. 83.

⁹ Мусо М.Ю. Аль Амвол ва назарият алақд. Каир: Дор алқалам, 2002. С. 416.

объект, над которым он работал. ... может удерживать его до тех пор, пока не получит оплату за труд. И он не несет ответственности за то, что случится с объектом на время такого удержания». Далее автор подчеркивает, что если деятельность рабочего не несет за собой изменений в объекте (например, курьер), то он не может удерживать его с целью получить наемную плату, потому что в данном случае предметом договора считается труд, а не сама вещь. Если человек, занимающийся чисткой одежды, пользуется средством очистки, не имеющим рыночной цены (вода или солнечные лучи, например), то он не может ее удерживать, так как в этом случае нет изменений, возникших под действием его работы¹.

Применение право удержания возможно было и тогда, когда покупатель задерживал долг по оплате товара. Тогда продавец мог удерживать вещь в своем владении до его оплаты покупателем.

Исходя из этого, нормы мусульманского права допускали применение право удержания, хотя оно не было четко регламентировано. Кредитор имел право удерживать вещь – предмет договора, до исполнения

должником обязательств по уплате долга. Следовательно, удержание играло роль обеспечения исполнения.

До установления протектората России над Бухарским эмиратом гражданские правоотношения подверглись смешанному правовому регулированию. Как подчеркнул З.А. Саидов, правовая система Бухарского эмирата не была исключительно мусульманской в его чистом виде, и она создавалась не на пустом месте: она сохраняла и воспринимала многое из правовых явлений прошлого, которые продолжали действовать наравне с мусульманскими правовыми нормами. В ней имелись значительные следы авестийской правовой системы, элементы традиционных обычных правовых норм, институты других правовых школ, в том числе буддизма².

Известно, что со второй половины XIX века территория исторического Таджикистана была оккупирована Российской империей. По этой причине наряду с нормами мусульманского права для местного населения стали применяться гражданские законы Российской империи. В эти периоды можно отме-

тить, что гражданские отношения регулировались специфической дуалистической основой – мусульманским правом и законами Российской империи³. По свидетельству Ф.Т. Тахирова, в дореволюционном Таджикистане действовали два вида норм, к первым из них относились нормы имперского права, а ко вторым – специальные законы, регламентирующие деятельность только на территории Туркестанского генерал-губернаторства⁴.

Таким образом, проведенный анализ показал, что право удержания имеет свои отличительные особенности, что делает его уникальным правовым феноменом. В современном гражданском праве институт права удержания носит самостоятельный характер, однако, основой для его формирования стала именно учения о данном институте, которое было заложено в римском праве. Хотя, как показал наш анализ, дальнейшее развитие данного института на территории современного Таджикистана не получило столь устойчивого характера. Тем не менее, впоследствии право удержания все же было признано в качестве самостоятельного способа обеспечения исполнения обязательств.

Библиографический список

1. Авеста «Закон против дево» (Видевдат). - СПб., 2008. – 303 с.
2. Азимов Ш.А. Государство и право Саманидов. – Душанбе: «Ирфон», 1999. – 168 с.
3. Буриев И.Б. История государства и права Таджикистана. Т.1, ч.1–4 (от древнейших времен до начала 20 века). – Душанбе: КВД «Комбинати полиграфии шахри Душанбе», 2016. – С. 246.
4. Вохидов А.И. Правовое регулирование деятельности по взысканию просроченной задолженности в Республике Таджикистан и Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. - Душанбе, 2021. – 204 с.
5. Имамов Н.Ф. Авеста — источник гражданского права // Молодой ученый. - 2014. - № 5 (64). - С. 353-355.
6. Маликов Р.У. Имущественные отношения в исламском праве: учебное пособие. - Уфа: Изд-во БГПУ, 2016. – 112 с..

¹ Маликов Р.У. Указ. раб. С. 26-27.

² См.: Саидов З.А. Исторические особенности действия норм шариа в Бухарском Эмирате (1868-1920 гг.): дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 2006. - С. 11.

³ См.: Хушбокова Н.Г., Холмуминов Ж.Т. Республика Узбекистан: история развития гражданского права // Universum: экономика и юриспруденция: электрон.

научн. журн. 2022. 6(93) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/13593> (дата обращения: 17.12.2024).

⁴ См.: Тахиров Ф.Т. Становление советского права в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1987. – С.26.

7. Мусо М.Ю. АльАмвол ва назарият алақд. – Каир: Дор алқалам, 2002. – 499 с.
8. Одинаева Н.М. Поручительство как способ обеспечения исполнения обязательств по законодательству Республики Таджикистан: дисс. ... канд. юрид. наук. - Душанбе, 2023. – 176 с.
9. Рахманов А. Исламское гражданское право – муамалат // Общество и инновации. – 2020. - №01. – С. 222-228.
10. Саидов З.А. Исторические особенности действия норм шарията в Бухарском Эмирате (1868-1920 гг.): дисс. ... канд. юрид. наук. - М., 2006. – 187 с.
11. Тахиров Ф.Т. Становление советского права в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1987. – 192 с.
12. Хушбокова Н.Г., Холмунинов Ж.Т. Республика Узбекистан: история развития гражданского права // Universum: экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2022. 6(93) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://7universum.com/ru/economy/archive/item/13593> (дата обращения: 17.12.2024).

TO THE QUESTION OF SOME ASPECTS OF THE ORIGIN OF CIVIL LAW REGULATION OF THE INSTITUTE OF LIEN IN TAJIKISTAN

Kurbonov Shodob Jamoliddinovich

Postgraduate student of the Civil Law Department of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzadeh str., 30
Tel.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

The study of the institute of lien leads us to the era of Roman private law, where Roman scholars first talked about it. However, after the Roman law the civil law regulation of the institute of right of retention on the territory of historical Tajikistan is not clearly characterized. Ancient legal sources do not contain even close legal constructions reminiscent of the right of retention.

The author comes to the conclusion that although further development of the institute of the right of retention on the territory of modern Tajikistan has not received such a stable character, but it was still recognized as an independent way of ensuring the fulfillment of obligations.

Keywords: *right of retention, Avesta, Muslim law, method of securing obligations.*

ОИД БА МАСЪАЛАИ БАЪЗЕ АЗ ЧАНБАҲОИ ПАЙДОИШИ ТАНЗИМИ МАДАНИЙ-ҲУҚУҚИИ ИНСТИТУТИ ҲУҚУҚИ НИГОҲ ДОШТАН ДАР ТОҶИКИСТОН

Курбонов Шодоб Ҷамолиддинович

аспиранти курси 3-уми кафедраи ҳуқуқи маданияи факултети ҳуқуқшиносӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
тел.: 227 67 40, e-mail: kafedra.grazhdanskaya@mail.ru

Омӯзиши институти ҳуқуқи нигоҳдорӣ моро ба даврони мавҷудияти ҳуқуқи хусусии римӣ мебарад, ки дар он ҷо аввалин бор олимони римӣ дар ин бора сухан гуфтаанд. Аммо баъд аз ҳуқуқи римӣ танзими маданият-ҳуқуқии институти ҳуқуқи нигоҳ доштан дар қаламрави Тоҷикистони таърихӣ тавсифи равшане надорад. Сарчашмаҳои ҳуқуқии қадим ҳатто сохторҳои наздики ҳуқуқиро дар бар намегиранд, ки ҳуқуқи нигоҳ доштанро ба хотир оранд.

Муаллиф ба ҳулосае меояд, ки гарчанде рушди минбаъдаи институти ҳуқуқи нигоҳдорӣ дар қаламрави Тоҷикистони муосир чунин хусусияти устувор нагирифта бошад ҳам, вале бо вучуди ин, он ҳамчун тарзи мустақили таъмини иҷрои ўҳдадориҳо эътироф шудааст.

Калидвожаҳо: *ҳуқуқи нигоҳдорӣ, ҳуқуқи хусусии римӣ, Авесто, ҳуқуқи мусулмонӣ, тарзи таъмини ўҳдадорӣ.*

ДОГОВОР ПОРУЧИТЕЛЬСТВА КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одинаева Нилуфар Мухамадиевна¹

Преподаватель кафедры предпринимательского права
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, Ул. М. Турсунзаде, 30
тел.:(+992) 223 04 60 e-mail: nilufar.odinaeva93@gmail.com

В гражданском законодательстве под обязательством понимается правоотношение, в силу которого одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязательства. Обязательства возникают из договора, вследствие причинения вреда и иных оснований, указанных в ГК РФ. В обязательстве в качестве каждой из его сторон – кредитора или должника – могут участвовать одно лицо или одновременно несколько лиц.

Обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких – в соответствии с обычаями делового оборота или иными предъявляемыми требованиями. Обычаем делового оборота признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе.

Ключевые слова: институт поручительства, поручительство, предпринимательство, условные сделки, кредитор, должник.

В соответствии с ГК РФ способами исполнения обязательств являются: неустойка; залог; удержание имущества должника; поручительство; банковская гарантия; задаток; другие способы, предусмотренные законом или договором.

Неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств, в частности, в случае просрочки исполнения.

Залог – один из способов обеспечения исполнения обязательств. В силу залога кредитор имеет право в случае неисполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит это имущество (залогодателя), за изъятиями, установленными законом. Залог возникает в силу заключенного договора о залоге, в котором должны быть указаны предмет залога, его оценка, су-

щество, размер и срок исполнения обязательства, обеспечиваемого залогом.

Поручительство – способ обеспечения исполнения обязательства, в соответствии с которым поручитель (третье лицо) обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части. Договор поручительства совершается в письменной форме.

Банковская гарантия – письменное обязательство, в силу которого банк, иная кредитная или страховая организация (гарант) должны уплатить кредитору принципала (бенефициару) в соответствии с условиями даваемого гарантом обязательства денежную сумму по предоставлении бенефициаром письменного требования об ее уплате.

Задатком признается денежная сумма, выдаваемая одной

из договаривающихся сторон в счет причитающихся с нее по договору платежей другой стороне в доказательство заключения договора и в обеспечении его исполнения. Соглашение о задатке не независимо от суммы должно быть совершено в письменной форме.

Как известно, поручительство, выступая акцессорным обязательством, тесно связано с риском, так как всецело зависит от того будет ли оно исполнено должником или нет. Учёными правоведами не раз предпринимались попытки соотнесения поручительства с такими алеаторными договорами как страхование, игры и пари.

Появление условных сделок связано с передачей имущества по наследству ещё в Древнем Риме. Желание наследодателя обезопасить свою волю после смерти повлекло за собой появление условных сделок. Впоследствии же сделки, возникновение которых было поставлено в зависимость от наступления тех или иных условий распространились и на другие виды гражданско-правовых отношений.

В юридической литературе встречается мнение, в соответствии с которым, одной из разновидностей условных сде-

лок выступают алеаторные договоры¹. В частности, М.И. Брагинский приводя в пример такие разновидности алеаторных договоров как игры и пари, считает, что для образования прав и обязанностей и у сторон самого факта заключения договора не достаточно. В данном случае автор говорит о необходимости наступления предусмотренного договором случая². Г.Ф. Шершеневич имел несколько иной взгляд на алеаторные договоры. Не отрицая важность случая [приводя в пример договора страхования], он тем не менее считал, что договор считался действительным с самого начала его заключения, и для этого не имеет значения наступил ли случай или нет³.

В доктрине встречается также прямо противоположная точка зрения, в соответствии с которой алеаторные договоры следует отличать от условных договоров. Так, к примеру Т.И. Султонова, считает, что не смотря на то, что и условные и алеаторные договоры возникают на основе условия, однако, событие, которое неизвестно в условных сделках не носит в себе конститутивного значения, имеющего место в алеаторных договорах. По этому поводу автор пишет следующее «...в условных

сделках в зависимость от будущего неизвестного события поставлено лишь возникновение прав и обязанностей сторон, но не существование самой сделки. Обстоятельство, призванное побудить реализацию прав и обязанностей в сделке с отлагательным условием, и прекращение обязательств в сделке с отменительным условием не оказывает влияния на действительность и существование сделки как таковой»⁴. Аналогичную позицию занимает ряд авторов⁵.

На самом деле, сравнивая договор поручения с играми, пари и страхованием можно сказать следующее: в договорных правоотношениях по поручительству заранее известно положение сторон, т.е. заранее известно у кого могут возникнуть права требования [в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательства должником] и кто будет обязанным по выполнению требований, чего нельзя сказать относительно игр и пари, в которых невозможно с точностью заранее предугадать кто станет должником, а кто кредитором.

Не смотря на существующие споры, всех авторов объединяет мнение о значимости и роли случая как в условных, так и алеаторных договорах⁶.

¹ См.: Брагинский М.И. Правовое регулирование игр и пари // Хозяйство и право. – 2004. – № 11. – С. 24.

² См.: Там же

³ См.: Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: В 4 т. Т. 2: Товар, торговые сделки. – М.: Статут, 2004. – С. 345.

⁴ Султонова Т.И. Отличия договора страхования от условных сделок // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия Гуманитарных наук. – 2014. – №2 (58). – С. 26.

⁵ См.: Белых В.С., Кривошеев И.В., Митричев И.А. Страхование в России: учеб. пособие / отв. ред. В.С. Белых. М., 2009. С. 205.

⁶ См.: Белых В.С., Кривошеев, И.В., Митричев И.А. Страхование в России: учеб. пособие / отв. ред. В.С. Белых. М., 2009; Брагинский М.И., Витрянский, В.В.

Договорное право. Договоры о банковском вкладе, банковском счете, банковские расчеты, конкурс, договоры об играх и пари. Книга 5. в 2-х томах. М.: Статут, 2006. – Режим доступа: www.garant.ru. (дата обращения: 12.12.2021).; Брагинский, М.И. Правовое регулирование игр и пари // Хозяйство и право. 2004. № 11. С.26; Виндшейд Б. Об обязательствах по римскому праву; пер. с нем. А.Б. Думашевского. СПб., 1875; Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть. – М.: Зерцало, 2003. – С. 772; Гражданское право: учебник в двух томах: / Под ред. Е.А. Суханова. – М.: Волтерс Клувер, 2005; Гражданское право: учебник. Том II / Под ред. О.Н. Садикова. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ», ИНФРА-М, 2007; Иоффе О.С. Обязательственное право. Л., 1985; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации,

В договорах страхования сторона (страховщик) берет на себя обязательство выплатить определенную сумму в случае реализации риска, т.е. наступления страхового случая. Из сказанного можно сделать вывод, что ближе всего к поручительству в плане субъектов и риска находится договор страхования. Однако, в случае с поручительством, при исполнении обязательства за должника, поручитель приобретает все права кредитора, т.е. договор поручительства плавно переходит из акцессорного в основное обязательство¹.

В юридической литературе высказывается мнение, в соответствии с которым, договор поручительства может быть заключен и без согласия должника – участника основного обязательства и даже при явном несогласии последнего с тем, чтобы лицо выступало его поручителем. Так, Л.А. Новоселова пишет: «...при присоединении к обязательству путем заключения соглашения присоединяющегося должника с кредитором получение согласия первоначального должника не является обязательным условием действительности такого соглашения, поскольку само по себе его за-

ключение не возлагает на прежнего должника никаких дополнительных обязанностей»².

Далее, автор говорит о том, что взаимоотношения между первоначальным и вновь появившимся должниками имеют значение, если рассмотрению будет подлежать вопрос о возражениях против требования кредитора и возражениях основного должника против обратного требования о возмещении исполненного новым должником кредитором³.

Вряд ли можно согласиться с мнением Л.А. Новоселовой в части отождествления понятий «поручитель» и «содолжник», поскольку между данными понятиями нельзя ставить знак равенства в силу большого количества различий.

Как известно, договор поручительства является двухсторонним договором, заключаемым между поручителем и кредитором должника. Таким образом, поручитель не выступает стороной в основном договоре, однако он тесно связан с правоотношением по поручительству. Как нами было отмечено выше, поручитель несет ответственность за долг, хотя этот долг не является его собственным. Если исходить из такой позиции, то

из этого следует, что от поручителя не ожидается добровольного исполнения обеспеченного обязательства, в то время как должник и содолжники должны это делать. Поручитель становится ответственным только в случае неисполнения должником основного обязательства. Таким образом, поручитель по отношению к кредитору обязуется выполнить обязательства должника, если последний не выполнит его. Так, Гражданский кодекс Франции гласит, что поручитель обязуется удовлетворить требование кредитора, если должник этого не сделает⁴. Французское определение подчеркивает ответственность поручителя за долг. Ответственность поручителя возникает только в том случае, если должник не выполняет свое обязательство, принятие поручителем ответственности связано с обязательством должника, а не с собственным обязательством поручителя.

Поручитель отвечает за обязательство должника таким образом, что все или некоторые из личных средств правовой защиты, обычно доступные в отношении дефолтного должника, могут быть реализованы против поручителя – и, в частности, в случае денежного обязательства,

части первой (постатейный) / отв. ред. О.Н. Садиков. М., 1997; Крюков В.П. Очерки по страховому праву. Систематическое изложение и критика юридических норм страхового дела. Саратов: Книгоиздательство В.З. Яксанова, 1925. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.garant.ru. (дата обращения: 12.12.2021); Мейер Д.И. Русское гражданское право. Пг.: Типография «Двигатель», 1914. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.garant.ru. (дата обращения: 12.12.2021); Победоносцев К.П. Курс гражданского права. СПб.: Синодальная типография, 1896. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.garant.ru. (дата обращения: 12.12.2021); Преденн, К.Н. Об условном характере сделки, лежащей в основе обязательства по поручительству // Российский юридический журнал. 2010. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

www.consultant.ru. (дата обращения: 11.10.2015); Шершеневич, Г.Ф. Курс гражданского права. Тула: Автограф, 2001. С. 162.

¹ См.: Шигонина Л.А., Накалюжная Н.С. Поручительство в системе способов обеспечения исполнения обязательства: теория и практика // Вопросы юридической юстиции. М., 2020. С. 201-208.

² Новоселова Л.А. Кумулятивное принятие долга и поручительство // Статут, 2011. Режим доступа: www.consultant.ru. (дата обращения: 12.12.2020).

³ См.: Там же

⁴ См.: Гражданский кодекс Франции 1804 г. С изм. на 1939 г. (Перевод И. С. Перетерского) // Российский прав. портал: библиотека Папкова. Электрон. дан. М., 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.constitutions.ru/?p=416> (дата обращения: 12.03.2021).

судебное решение, предписывающее поручителю выплатить за должность. Поручитель может решить оплатить сумму по обязательству должника добровольно, чтобы избежать судебного разбирательства против него самого. Если поручитель добровольно выплачивает долг до вынесения судебного решения в рамках такого производства, поручителем по-прежнему

выплачивается обязательство должника, а не его собственное. Примечательно, что поручитель может также принять меры против должника, чтобы принудить к выплате долга – это регресс, недоступный для со-должников по солидарному обязательству. В отличие от поручителя, содолжник выплачивает свой собствен-

ный долг, даже если он выплачивает сумму, превышающую его долю в долге.

Считаем необходимым дополнить ГК РТ нормой следующего содержания «Договор поручительства может быть заключён между кредитором и поручителем только на основании письменного согласия, данного должником».

Библиографический список

1. Брагинский М.И. Правовое регулирование игр и пари // Хозяйство и право. – 2004. – № 11. – С. 352.
2. Белых В.С., Кривошеев И.В., Митричев И.А. Страхование России: учеб. пособие / отв. ред. В.С. Белых. – М., 2009. – С. 564.
3. Белых В.С., Кривошеев, И.В., Митричев И.А. Страхование России: учеб. пособие / отв. ред. В.С. Белых. – М., 2009. – 208 с.
4. Брагинский М.И., Витрянский, В.В. Договорное право. Договоры о банковском вкладе, банковском счете, банковские расчеты, конкурс, договоры об играх и пари. Книга 5. в 2-х томах. – М.: Статут, 2006. – Режим доступа: www.garant.ru. (дата обращения: 12.12.2021).
5. Брагинский, М.И. Правовое регулирование игр и пари // Хозяйство и право. – 2004. – № 11. – С.26-29.
6. Гражданский кодекс Франции 1804 г. С изм.на 1939 г. (Перевод И. С. Перетерского) // Российский прав. портал: библиотека Пашкова. Электрон. дан. – М., 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitutions.ru/?p=416> (дата обращения: 26.03.2025).
7. Новоселова Л.А. Кумулятивное принятие долга и поручительство // Статут, 2011. – Режим доступа: www.consultant.ru. (дата обращения: 25.03.2025).
8. Султонова Т.И. Отличия договора страхования от условных сделок // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия Гуманитарных наук. – 2014. – №2 (58). – С. 452-458.
9. Шигонина Л.А., Накалюжная Н.С. Поручительство в системе способов обеспечения исполнения обязательства: теория и практика // Вопросы юридической юстиции. –М., 2020. – С. 354-358.
10. Новоселова Л.А. Кумулятивное принятие долга и поручительство // Статут, 2011. – Режим доступа: www.consultant.ru. (дата обращения: 25.03.2025).

GUARANTEE AGREEMENT AS A WAY OF SECURING OBLIGATIONS IN BUSINESS ACTIVITIES

Odinaeva Nilufar Muhamadievna

Lecturer of the chair of business law

Russian-Tajik (slavonic) University

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe city, M. Tursunzadestreet, 30

Tel.: (+992 37) 223 04 60 e-mail: nilufar.odinaeva93@gmail.com

In civil law, an obligation is understood as a legal relationship by virtue of which one person (the debtor) is obligated to perform a certain action in favor of another person (the creditor): transfer property, perform work, pay money, etc., or refrain from a certain action, and the creditor has the right to demand that the debtor fulfill his obligation. Obligations arise from a contract, as a result of causing harm and other grounds specified in the Civil Code of the Russian Federation. One person or several persons at the same time may participate in an obligation as each of its parties - the creditor or the debtor.

Obligations must be fulfilled properly in accordance with the terms of the obligation and the requirements of the law, other legal acts, and in the absence of such, in accordance with business customs or other requirements. A custom of business practice is recognized as a rule of conduct that has been established and is widely applied in

any area of entrepreneurial activity and is not provided for by law, regardless of whether it is recorded in any document.

Key words: *institute of surety, surety, entrepreneurship, conditional transactions, creditor, debtor.*

**СОЗИШНОМАИ КАФОЛАТНОМА ҲАМЧУН ТАРЗИ ТАЪМИНИ ЁҲДАДОРИҲОИ ФАЪОЛИЯТИ
СОҲИБКОРӢ**

Одинаева Нилуфар Мухаммадиевна

Муаллими кафедраи ҳуқуқи соҳибкорӣ

Донишгоҳи Славиянии Россия ва Тоҷикистон.

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. М.Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 223 04 60 e-mail: nilufar.odinaeva93@gmail.com

Қонунгузори густариш ба муносибати ҳуқуқӣ, ки дар он як шахс (кредитор) амал мекунад, ва кредитор ҳуқуқ дорад, ки иҷрои ёҳдадориҳои қарздорро талаб кунад. Бо сабаби расонидани расонидани зарар ва дигар асосҳои дар Кодекси граждании Федератсияи Россия ёҳдадориҳо аз шартнома ба миён омадааст. Дар ёҳдадорӣ ҳамчун ҳар як шахсияти худ - кредитор ё қарздор - як шахс ё якчанд шахс метавонад ҳамзамон иштирок кунанд.

Вазифаҳо бояд ба шартҳои ёҳдадорӣ ва талаботи қонун, дигар санадҳои меъёрии ҳуқуқӣ иҷро карда шаванд, тибқи гумрукии гардиши соҳибкорӣ ё дигар талабот иҷро карда шаванд. Мӯъдадаи гардиши соҳибкорӣ, ки дар ҳама гуна соҳаҳои фаъолияти соҳибкорӣ ҳукмфармо мебошад, ки дар ҳама гуна ҳуҷҷат сабт шудааст, пешбинӣ шудааст.

Калидвожаҳо: *Институт, кафолат, кафолат, соҳибкорӣ, амалиёти анъанавӣ, кредитор, қарздор.*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ НА ТОВАРНОМ РЫНКЕ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Султонова Тахмина Истамовна

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой предпринимательского права
Российско-Таджикский (славянский) университет.

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, д.30.
Тел.: (+992 37) 223 04 60, e-mail: sultanova77@mail.ru

В статье исследуется система государственного регулирования конкуренции на товарном рынке Республики Таджикистан через призму правового обеспечения. Анализируется эволюция антимонопольного законодательства, начиная с первых нормативных актов 1990-х годов и до действующего Закона «О защите конкуренции» 2017 года. Особое внимание уделено институциональным механизмам регулирования, полномочиям антимонопольного органа, ограничениям вмешательства других государственных структур, а также правовому режиму антиконкурентных соглашений. Рассматриваются новеллы законодательства, включая легализацию понятия «картель» и введение дифференцированного подхода к оценке соглашений, затрагивающих конкуренцию. Автор приходит к выводу о формировании в Таджикистане правовой модели, ориентированной на сбалансированное сочетание принципов рыночной свободы и государственного контроля. Выявлены некоторые проблемы правоприменения и обозначены возможные направления дальнейшего совершенствования законодательства в сфере защиты конкуренции.

Ключевые слова: конкуренция, антимонопольное регулирование, государственное вмешательство, товарный рынок, правовое обеспечение, картель, согласованные действия, антимонопольный орган.

Конкуренция выступает одним из ключевых элементов рыночной экономики, обеспечивая её эффективность и динамичность. Зачастую конкуренцию рассматривают исключительно как фактор, стимулирующий хозяйствующие субъекты к

повышению качества продукции, снижению цен и внедрению инноваций. Однако значение конкуренции выходит далеко за пределы лишь экономического стимула. Не следует ограничивать её роль только стимулирующим воздействием на экономику. Отсутствие или недостаточность конкуренции становится важным критерием для определения необходимости и степени вмешательства государства в регулирование экономической деятельности, а также в осуществление защиты рыночных отношений. Именно при ослаблении конкурентных процессов возникает объективная потребность в усилении регулирующего воздействия со стороны государства¹.

Формирование полноценной и эффективной конкурентной среды невозможно без активного участия государства.

Государство выступает гарантом свободы конкуренции, создающим правовые и организационные условия для функционирования рыночного механизма. Его основная задача – обеспечить баланс интересов участников рынка, предотвратить злоупотребления рыночной властью и устранить барьеры, мешающие свободной конкуренции.

Через законодательное регулирование, контроль и надзорные функции, государство устанавливает для хозяйствующих субъектов «правила игры» на рынке с целью недопущения и пресечения антиконкурентных практик. Оно обеспечивает прозрачность экономических процессов, борется с монополизмом и недобросовестной конкуренцией, защищает малый и средний бизнес, способствует развитию предпринимательства.

Говоря о государственном регулировании конкуренции, следует отметить, что очень важно обеспечить баланс между необходимостью государственного вмешательства в конкурентные отношения и сохранением свободы рыночных механизмов. Чрезмерное или, наоборот, недостаточное государственное вмешательство в конкурентные отношения может породить серьёзные проблемы для развития экономики. При недостаточном регулировании усиливается риск возникновения монополий и картельных сговоров, нарушается равенство доступа к рынкам, снижается эффективность экономики. В свою очередь, чрезмерное вмешательство государства в предпринимательскую деятельность посредством жесткого регулирования ценообразования, установление административных барьеров могут стать препятствием для здоровой конкуренции.

В рамках настоящей статьи мы имеем цель выяснить, насколько государственное регулирование конкуренции в Республике Таджикистан является взвешенным и позволяет достичь указанного баланса между защитой рыночных отношений и сохранением свободы экономической деятельности.

В первую очередь, следует отметить, что конкурентное законодательство Республики Таджикистан является относительно новой правовой отраслью в системе национального права. Первый закон, направленный на регулирование конкуренции — Закон «Об ограничении монополистической деятельности и развитии конкуренции» — был принят лишь в декабре 1993 года¹. В то же время в государствах с устоявшейся рыночной экономикой аналогичные законы существуют уже на протяжении многих десятилетий. Это

объясняется тем, что в Таджикистане становление правовых и институциональных механизмов по ограничению монополизма и недобросовестной конкуренции началось практически с нуля. Причиной тому послужила хозяйственно-плановая система, доминировавшая в советский период, в рамках которой свободная конкуренция между хозяйствующими субъектами попросту не предусматривалась.

Также необходимо подчеркнуть, что формирование конкурентного законодательства в Республике Таджикистан происходило в условиях, когда рыночные отношения и соответствующий им конкурентный рынок находились лишь в начальной стадии своего развития. В этих условиях государство неизбежно обратилось к международному опыту в сфере регулирования конкуренции. Учитывая близость правовой системы Таджикистана к континентально-европейской правовой традиции, в качестве ориентира была выбрана именно европейская модель антимонопольного регулирования. На её основе и был разработан первый антимонопольный закон Таджикистана — Закон «Об ограничении монополистической деятельности и развитии конкуренции» от 1993 года.

Последующее развитие антимонопольного законодательства в Республике Таджикистан также шло по пути европейской модели регулирования. Это нашло отражение в ряде ключевых нормативных актов: Законе «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» от 29 ноября 2000 года, его обновлённой редакции от 29 ноября 2006 года, а также в действующем Законе «О защите конкуренции» от 30 мая 2017 года. Указанные за-

коны демонстрируют приверженность основным принципам европейской антимонопольной практики, что проявляется как в целях и задачах антимонопольной политики, так и в функциях и полномочиях соответствующих государственных органов. Подобно правовым системам стран Западной Европы, таджикское антимонопольное законодательство не ставит своей целью полное устранение монополий как таковых. Вместо этого акцент делается на борьбе с негативными последствиями доминирующего положения на рынке и на предотвращении злоупотреблений со стороны субъектов, обладающих рыночной властью. Основная задача заключается не в запрещении самой монополии, а в ограничении проявлений монополистической деятельности и пресечении практик, подрывающих конкуренцию.

В настоящее время регулирование конкурентных отношений в Республике Таджикистан осуществляется на основе Закона «О защите конкуренции» от 30 мая 2017 года №1417. Уже само его универсальное название указывает на широкий спектр регулируемых им общественных отношений. Закон охватывает как товарные, так и финансовые рынки, что говорит о его комплексном характере. Его нормы распространяются на любые действия и соглашения (включая сделки), оказывающие влияние на конкуренцию, совершаемые физическими и юридическими лицами, в том числе иностранными субъектами, индивидуальными предпринимателями и различными организациями. Кроме того, закон регулирует отношения, касающиеся основных производственных фондов, нематериальных активов, а также акций и долей хозяйствующих субъек-

¹ См.: Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. 1994. №1. Ст. 3; Ахбори Маджлиси Оли

Республики Таджикистан. 1997. №9. Ст. 117, раздел XXX.

тов, и прав коммерческих организаций, осуществляющих деятельность на территории Республики Таджикистан. Следует отметить, что включение в сферу действия закона как товарных, так и финансовых рынков представляет собой важное нововведение в истории антимонопольного регулирования Таджикистана и свидетельствует об усилении стремления к унификации правового регулирования в этой сфере.

Анализ данного Закона позволяет сделать вывод, что государственное регулирование конкуренции в Республике Таджикистан имеет характер точечного целевого вмешательства, а не полного контроля над рынком. Закон РТ «О защите конкуренции» не ограничивает конкуренцию сам по себе, а регулирует государственное вмешательство в деятельность хозяйствующих субъектов в случае совершения таких антиконкурентных правонарушений, как недобросовестная конкуренция, а также монополистическая деятельность, включающая злоупотребления хозяйствующими субъектами доминирующим положением и картельные и антиконкурентные соглашения (ст. 5-7 Закона).

В части регулирования монополистической деятельности Закон «О защите конкуренции» был дополнен новыми правовыми механизмами, направленными на предупреждение и пресечение соответствующих нарушений. Одним из таких механизмов стало введение классификации антиконкурентных соглашений на горизонтальные (между конкурирующими субъектами) и вертикальные (между участниками одной цепи поставок) соглашения. Вместе с тем, следует отметить, что в тексте закона по-

прежнему отсутствует чёткое разграничение между понятиями «соглашение» и «согласованные действия», несмотря на то, что в правоприменительной практике между ними зачастую наблюдается подмена, приводящая к неопределённости и потенциальным затруднениям в квалификации нарушений.

Одним из существенных новшеств действующего Закона «О защите конкуренции» является введение легального определения понятия «картель». В соответствии с законом, под картелем понимаются антиконкурентные соглашения исключительно горизонтального характера, то есть заключённые между хозяйствующими субъектами, находящимися в конкурентных отношениях. Такие соглашения рассматриваются как правонарушения с безусловным запретом (*per se prohibition*)¹, то есть не требующие доказывания их конкретных антиконкурентных последствий, поскольку перечень запрещённых форм взаимодействия исчерпывающе установлен в пункте 1 статьи 7 Закона.

К числу императивно запрещённых соглашений отнесены, в частности:

- установление или поддержание цен (тарифов), скидок, надбавок, доплат, наценок;
- координация поведения на аукционах и торгах, включая повышение, снижение или фиксацию цен;
- раздел рынков по территориальному признаку, объёмам продаж или закупок, ассортименту товаров либо кругу продавцов и покупателей;
- коллективный отказ от заключения договоров с определёнными контрагентами;
- навязывание участникам условий договоров, невыгодных

и не относящихся к предмету договора;

- установление различающихся цен для однородных товаров без объективного экономического, технического или иного обоснования;

- сокращение или прекращение производства товаров, на которые имеется спрос, при наличии рентабельной возможности их выпуска;

- введение ограничительных условий для участия в профессиональных или иных объединениях, если такие условия способны привести к ограничению, устранению или недопущению конкуренции.

Следует подчеркнуть, что в отличие от ранее действовавшего Закона Республики Таджикистан «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» 2006 года, который распространял режим безусловного запрета (*per se prohibition*) на все виды соглашений и согласованных действий между хозяйствующими субъектами, ограничивающих конкуренцию, действующий Закон «О защите конкуренции» 2017 года существенно сузил сферу применения данного подхода. В рамках нового законодательства режим *per se* применяется исключительно к картельным соглашениям, то есть к наиболее опасным горизонтальным формам антиконкурентного взаимодействия.

Что касается иных видов антиконкурентных соглашений, включая вертикальные соглашения, Закон Республики Таджикистан «О защите конкуренции» применяет к ним так называемый условный или эффектный подход (*rule of reason*). В соответствии с ним, признание соглашения противоречащим антимоно-

¹ Запрет «*per se*» - это запрет, для применения которого не требуется доказательства негативного влияния антиконкурентного соглашения на конкурентную среду. Антимонопольному органу достаточно дока-

зать факт существования антиконкурентного соглашения, и нет необходимости доказывать, что его реализация имела в качестве последствия недопущения, ограничения, устранения конкуренции.

полному законодательству возможно лишь при наличии доказательств того, что оно фактически привело либо способно привести к ограничению, устранению или недопущению конкуренции, а также к ущемлению интересов других хозяйствующих субъектов. Указанный подход закреплён в пункте 3 статьи 7 Закона и отражает системный подход законодателя от формального восприятия правонарушения к более гибкой и содержательной оценке его последствий для рыночной среды.

Разграничение антиконкурентных соглашений на абсолютно запрещённые (картельные) и допустимые при соблюдении определённых условий (иные соглашения) свидетельствует о повышении степени правовой гибкости и адаптивности национального регулирования к различным экономическим контекстам. Более того, такое деление представляет собой наглядный пример заимствования элементов зарубежной антимонопольной доктрины, что особенно ярко проявляется в имплементации принципа разумности (*rule of reason*) — одного из ключевых положений современной антимонопольной политики, широко применяемого в европейской и англо-американской правовых системах.

Принцип разумности предполагает оценку фактического воздействия поведения на конкуренцию, а не лишь его формальную правовую квалификацию. В свою очередь, дуализм подходов к оценке соглашений — через безусловный запрет (*per se*) и через анализ последствий (*rule of reason*) — является характерной особенностью современного этапа развития конкурентного законодательства, ориентированного на гиб-

кость и экономическую обоснованность принимаемых правовых решений.

Говоря о степени государственного регулирования конкурентных отношений, следует отметить, что в Законе «О защите конкуренции» чётко определены рамки и условия вмешательства государства в экономические процессы, направленные на защиту и развитие конкуренции. Полномочия государственного антимонопольного органа детально закреплены в ст. 21 и 22 Закона. Их анализ позволяет сделать вывод, что антимонопольный орган, с одной стороны, наделён широкими функциями по контролю, надзору и предотвращению антиконкурентных практик, а с другой — связан законодательно установленными рамками, что исключает произвольное или чрезмерное вмешательство в деятельность хозяйствующих субъектов.

Кроме этого, в Законе «О защите конкуренции» предусмотрены ограничения вмешательства других государственных органов в деятельность хозяйствующих субъектов, связанную с конкурентными процессами. Эти ограничения установлены в его ст. 14, согласно которой, государственным органам, местным исполнительным органам государственной власти, а также органам самоуправления поселков и сел прямо запрещается совершать действия или принимать акты, которые ведут к искажению условий конкуренции. Речь идёт прежде всего о таких действиях, которые: создают дискриминационные условия для отдельных хозяйствующих субъектов, предоставляют неоправданные преимущества, ограничивают свободу предпринимательства, нарушают принцип равного доступа к рынкам, ущемляют интересы других хозяйствующих субъектов.

Таким образом, на основании изложенного можно сделать вывод, что действующий Закон «О защите конкуренции» от 2017 года содержит широкий спектр инструментов, направленных на предупреждение, выявление и пресечение антиконкурентных практик. В нём чётко определены границы вмешательства как антимонопольного органа, так и иных государственных структур, что обеспечивает правовую определённость и защищённость хозяйствующих субъектов от произвольных административных решений.

Особое внимание заслуживает внедрение дифференцированного подхода к регулированию антиконкурентных соглашений: введение понятия картеля и принципа безусловного запрета для наиболее опасных форм рыночного поведения, а также применение эффектоориентированного подхода (*rule of reason*) к соглашениям некартельного типа, что свидетельствует о формировании более зрелой и сбалансированной модели конкурентного регулирования.

В то же время в правоприменительной практике остаются нерешённые вопросы, в частности, необходимость чёткого разграничения понятий «соглашение» и «согласованные действия», устранение неопределённости при квалификации нарушений, а также обеспечение единообразия в подходах антимонопольного органа и судебных инстанций. Кроме того, требуется дальнейшее развитие механизмов контроля за вмешательством органов власти в рыночные процессы, особенно в части недопущения административных барьеров и дискриминационных условий.

Библиографический список

1. Закон Республики Таджикистан от 30 мая 2017 года, №1417 «О защите конкуренции» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2017 г., №5, ч. 1, ст. 274.
2. Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. 1994. №1. Ст. 3; Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1997. №9. Ст. 117, раздел XXX.
3. Путинский Б.И. Коммерческое право. – М.: «Зерцало», 2005. – С. 213.

STATE REGULATION OF LEGAL SUPPORT OF COMPETITION IN THE COMMODITY MARKET IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Sultonova Tahmina Istamovna

Doctor of juridical sciences, professor,
Manager of Chair of business law department
Russian-Tajik (Slavonic) University.

M. Tursunzoda 30, 734025 Dushanbe, Republic of Tajikistan
Tel.: (+992 37) 223 04 60; e-mail.: sultanova77@mail.ru

The article examines the system of state regulation of competition in the commodity market of the Republic of Tajikistan through the prism of legal support. The evolution of antimonopoly legislation is analyzed, starting from the first regulatory acts of the 1990s and up to the current Law "On Protection of Competition" of 2017. Particular attention is paid to institutional regulatory mechanisms, the powers of the antimonopoly authority, restrictions on the intervention of other government agencies, as well as the legal regime of anticompetitive agreements. The article considers legislative innovations, including the legalization of the concept of "cartel" and the introduction of a differentiated approach to the assessment of agreements affecting competition. The author comes to the conclusion that a legal model is being formed in Tajikistan, focused on a balanced combination of the principles of market freedom and state control. Some problems of law enforcement are identified and possible areas for further improvement of legislation in the field of competition protection are outlined.

Keywords: *competition, antitrust regulation, government intervention, commodity market, legal support, cartel, concerted actions, antitrust authority.*

ТАНЗИМИ ДАВЛАТИИ ТАЪМИНИ ҲУҚУҚИИ РАҚОБАТ ДАР БОЗОРИ МОЛ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Султонова Таҳмина Истамовна

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор,
мудири кафедраи ҳуқуқи соҳибкорӣ
Донишгоҳи (славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 223 04 60, e-mail.: sultanova77@mail.ru

Дар мақола низоми танзими давлатии рақобат дар бозори молҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон тавассути призмаи таъминоти ҳуқуқӣ тадқиқ карда мешавад. Таҳаввули қонунгузорию зиддинҳисорӣ аз аввалин санадҳои меъерии солҳои 1990-ум то Қонуни амалкунандаи "дар бораи ҳимояи рақобат" дар соли 2017 таҳлил карда мешавад. Ба механизмҳои институтсионалии танзим, ваколатҳои мақомоти зиддинҳисорӣ, маҳдудиятҳои даҳлати дигар сохторҳои давлатӣ, инчунин ба режими ҳуқуқии созишномаҳои зиддиконкурентӣ диққати махсус дода шудааст. Новеллаҳои қонунгузорӣ, аз ҷумла қонунигардонии мафҳуми "картел" ва ҷорӣ кардани муносибати фарқкунанда ба арзебии созишномаҳое, ки ба рақобат дахлдоранд, баррасӣ карда мешаванд. Муаллиф ба ҳулосае меояд, ки дар Тоҷикистон модели ҳуқуқӣ ташаккул меебад, ки ба омезиши мутавозини принципҳои озодии бозор ва назорати давлатӣ нигаронида шудааст. Баъзе мушкилоти татбиқи ҳуқуқ ошкор карда шуданд ва самтҳои имконпазири тақмили минбаъдаи қонунгузорӣ дар соҳаи ҳимояи рақобат нишон дода шуданд.

Калидвожаҳо: *рақобат, танзими зиддимонополӣ, даҳлати давлатӣ, бозори мол, таъминоти ҳуқуқӣ, картел, амалҳои мувофиқашуда, мақомоти зиддимонополӣ*

ПОРЯДОК И УСЛОВИЯ ДОБРОВОЛЬНОГО ПРИЗНАНИЯ ОТЦОВСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Эмомова Каёна Илхомовна

Преподаватель кафедры международного права
и сравнительного правоведения

Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, Ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992)931808844, e-mail: emomova.k@bk.ru

В данной статье автором рассматриваются вопросы, связанные с процессом установления отцовства в административном порядке, а также затрагивается проблематика, связанная с данным процессом. Проводится сравнительный анализ законодательства Республики Таджикистан и Российской Федерации в области добровольного признания отцовства. Исследуя поставленный вопрос, автор приходит к выводу о необходимости пересмотра и реформирования семейного законодательства в Республике Таджикистан и Российской Федерации в отдельных аспектах данного вопроса.

Ключевые слова: *Добровольное признание отцовства, материнство, происхождение, семейное законодательство, ребёнок, родители.*

Семейное воспитание является очень важным для развития ребёнка. Однако, как справедливо отмечается в юридической литературе одним из наиболее дискуссионных вопросов в семейном праве на сегодняшний день выступает вопрос о правопонимании категории

«семья»¹. В мире существует общепринятая модель института семьи, где важную роль играют родители для своих детей. Именно родители вкладывают в ребёнка первый фундамент в его становлении как личности который уже является частью социума. Отец и мать имеют одинаковую ценность для ребёнка, но ещё со времён первобытно общинного строя и по сей день как утверждают психологи функции у них разные. Мать дарит ребёнку чувства защищённости и комфорт. Ф. М. Аминова подерживая точку зрения Д.Н. Степановой, считает, что «...семья – это сложная социальная и правовая категория, включающая в себя институты брака, отцовства, материнства, детства»². Отец же является маяком в жизни каждого ребёнка благодаря которому они могут определить свой ориентир по жизни и освоить правильные ценности. Но к сожалению статистика, на сегодняшний день не

самая неутешительная, растёт количество детей, рождённых в не брака, в связи с этим также увеличивается количество матерей одиночек. В связи с этим возникают проблемы, связанные с установлением и признанием отцовства как в административном, так и судебном порядке.

В соответствии с нормами ст. 47 Семейного кодекса Российской Федерации юридическая связь, лежащая в основании возникновения родительских правоотношений, основывается на происхождении детей от конкретных родителей. Это событие, рождения ребёнка от определённых лиц должно быть зафиксировано в соответствии с законом. Именно, установленное по определённым правилам происхождения ребёнка от лиц, которые являются его родителями, влечёт возникновения комплекса прав и обязанностей, которые и составляют содержа-

© Эмомова К.И., 2025

¹ Аминова Ф. М. Трансформация правопонимания категорий "родство" и "семья" в условиях модернизации медицинских услуг / Ф. М. Аминова // Государственное управление. 2021. № 1(50). С. 164.

² Аминова Ф. М. Указ.раб. С. 164.

ние родительских правоотношений.¹ В Семейном кодексе Республики Таджикистан в ст.48 закреплена аналогичная формулировка по данному вопросу.

В соответствии с законом Республики Таджикистан и Российской Федерации установлено два варианта установления происхождения ребёнка от конкретного лица. Первый вариант – это установление отцовства в органах ЗАГС, то есть подразумевается административный порядок, который относят к добровольному порядку установления, и второй вариант, который применяют в случае не согласия одной из сторон воспользоваться первым вариантом – это установления отцовства в судебном порядке, который считается принудительным порядком установления.

На первый взгляд, процедура установления факта отцовства в административном порядке кажется очень упрощённой, поскольку, тут присутствует такая характерная черта, как «добровольность». Но с практической точки зрения, с возникновением многих обстоятельств, на прямую связанных с обеспечением прав как ребёнка, так и интересов отца, следует дополнительно и тщательно изучить данный способ.

Как отметила Ерохина Е.В. преимуществом и большим плюсом добровольного установления отцовства является то, что лицо, изъявившее по собственному желанию взять на себя бремя отцовства, будет относиться к своим обязательствам по отношению ребёнка намного осознаннее по сравнению с тем, чьё родство было подтверждено через суд в принудительной форме.

Установление факта отцовства в добровольном порядке также делится на два варианта, исходя от статуса родителей на момент рождения ребёнка, состоят ли они в законном браке или нет. В случае, если родители на момент рождения ребёнка состоят в законном браке, то автоматически вступает в силу принцип презумпции отцовства. В сфере реализации законодательных актов периодически используется термин "презумпция", что представляет собой некое предположение, которое устанавливается как истинное, пока не будет установлено обратное. Так в семейном праве часто используется термин, устанавливающий фактор родства между отцом и ребёнком, он обозначается как "презумпция отцовства".

Происхождение ребёнка от матери очень редко подвергается сомнению или порождает какие-либо проблемы, и оспорить этот момент довольно сложно. Это может быть связано с физиологическими особенностями, поскольку женщина вынашивает плод внутриутробно до девяти месяцев и связь между матерью и плодом формируется ещё до появления на свет малыша. Кроме того рождения ребёнка в медицинских учреждениях является событием, которое заверяется документально. Нельзя не отметить, что для установления происхождения ребёнка от женщины не столь важен тот момент, рождён ли ребёнок в браке или вне его. Но иногда на практике возникают инциденты, когда и на женщину возлагается бремя доказывания или оспаривания презумпции материнства. Такие проблемы возникают очень редко, а всё же прецеденты случаются, например, в

случае сокрытия факта появления ребёнка, рожденного вне медицинского учреждения, путаницы с подменой ребёнка в родильном доме.²

Наиболее сложной процедурой является вопрос установления происхождения ребёнка от определённого мужчины, поскольку социальный статус отца наименьше сформулирован и связь между ребёнком и отцом возникает только после его рождения. Можно даже уточнить, что связь между мужчиной и ребёнком возникает только после процедуры регистрации факта рождения ребёнка в органах ЗАГС-а, и как уже упоминалось ранее, автоматически действует правило презумпции отцовства, когда супруги состоят в законном браке, то есть отцом записывается муж матери ребёнка.

Следует отметить, что принцип презумпции отцовства была известна ещё древнеримским юристом. как формулировка «*ate rest guem nuitae demonstrant*», что означает: «тот отец, на кого указывает брак». По прошествии времени этот принцип действия был закреплён официально в законе. Трактовка принципа презумпции отцовства даётся в Семейном кодексе РФ в ст.49 п.2, где указано, что «если ребенок родился от лиц, состоящих между собой в зарегистрированном в органе записи актов гражданского состояния браке, а также в течение трехсот дней с момента расторжения брака, признания его недействительным или смерти супруга матери ребенка, отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери, если не доказано обратное».

Также в кодексе предусматривается, что презумпция может быть оспорена как мужем

¹ Семейное право: учебник и практикум для среднего профессионального образования /А.О. Иншакова [и др.]; под редакцией А.О. Иншаковой, А.Я. Рыженкова- Москва: Издательство Юрайт, 2024.С. 399.

² Коголовский И.Р. Применение презумпции отцовства к отношениям суррогатного материнства // Современное право. 2011. № 6. С.97-100.

матери ребёнка, так и матерью, а также биологическим отцом ребёнка, не состоящим в браке с матерью ребёнка. Схожее понятие презумпции отцовства раскрывается п. 2 ст. 48 Семейного кодекса Российской Федерации: "Если ребенок родился от лиц, состоящих в браке между собой, а также в течение трехсот дней с момента расторжения брака, признания его недействительным или с момента смерти супруга матери ребенка, отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери, если не доказано иное". Единственное отличие, в приведенных статьях Семейного кодекса Республики Таджикистан и Российской Федерации - это использование в ст. 49 СК РТ данной цитаты "состоящих между собой в зарегистрированном в органе записи актов гражданского состояния браке", которая делает отсылку к закону "О государственной регистрации актов гражданского состояния" от 29 апреля 2006 года. В данном вопросе автор придерживается мнения об упрощении формулировки в статье 49 Семейного кодекса Республики Таджикистан, потому что единственным органом в государстве, обладающим полномочиями регистрации браков, является ЗАГС, что априори делает его упоминание не актуальным. Автоматическим закреплением удостоверения отцовства над ребенком является факт регистрации брака в органах записи актов гражданского состояния.

Презумпция отцовства изначально создавалась как норма обеспечения правовой защиты несовершеннолетних и матерей, как иная цель - это упрощение установления личности второго родителя (отца) для реализации им обязанностей в области вос-

питательной функции и содержания ребенка, также обеспечению его нужд.

Единственная возможность оспорить установленный факт отцовства является обращение в судебный орган, только в случае вынесения положительного решения субъект может быть освобожден от уплаты алиментов.

Законодатель предусмотрел также возможный вариант событий, когда родители ребёнка не состоят в законном браке, но, даже и в этом случае отец может в добровольном порядке установить своё родительство над ребёнком. В ст. 59 Закона РТ «О государственной регистрации актов гражданского состояния» предусмотрено, что возможно законно установить отцовство на основании совместного заявления отца и матери ребёнка, не состоящих в браке между собой, на момент рождения ребёнка. В ст. 50 ФЗ «Об актах гражданского состояния» предусмотрена схожая статья, рассматривающая данный вопрос.

В случае добровольного признания отцовства, желательно и согласия матери ребёнка, если нет никаких препятствий для этого, указанных в ст. 60 Закона РТ «О государственной регистрации актов гражданского состояния». Участие матери в процедуре добровольного признания отцовства, может служить как некая гарантия того, что данный мужчина имеет родственную связь с ребёнком, ведь при добровольном признании отцовства, по сути не требуется никаких доказательств, которые подтверждали бы истину данного утверждения. На практике зачастую встречаются инциденты, где после установления отцовства, родитель не выпол-

няет добросовестно свои обязательства по отношению к ребёнку, что оказывает негативное влияние на ребёнка. Данный пример ещё раз доказывает важность присутствия матери, поскольку у неё есть возможность воспрепятствовать добровольному признанию отцовства биологическому отцу и тем самым защитить права и интересы своего ребёнка. Это доказывает опрос среди населения, основываясь на результатах этого исследования можно сделать выводы, что мать ребёнка в некоторых случаях отказываются устанавливать факт отцовства в органах ЗАГСа или просто не хотят усложнять жизнь лицу у которого уже есть благополучная семья. А иногда причиной выступает, то что женщина уже предварительно понимает, что факт установления отцовства этого лица над её ребёнком, несёт в себе недобросовестные мотивы и выступая в роли некой защитницы исходя из своих материнских чувств пытается предотвратить эти последствия.¹

Важно учитывать также то, что если мужчина, желающий по своей воле установить факт своего отцовства, точно был осведомлён о том, что не является биологическим отцом ребёнка, после никак не может претендовать на аннулирование подтверждённого факта, даже в судебном порядке. Малышева Ж.С. по этому вопросу пишет, что данный запрет об оспаривании отцовства является вполне оправданным и эта норма обязывает обдумать тщательно своё решение, лицу которое намеривается удостоверить факт своего отцовства, о серьёзности принятого им решения. Исходя из того, что мужчина взял на себя отцовские обязательства, при этом зная, что не является кровным родственником, он не имеет

¹ Нечаева А.М. Семейное право: Учебник. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юристъ, 2006. - С. 144.

право в последующем оспорить своё решение.¹

Обратного мнения придерживается В.С. Левша в своей статье. Он позиционирует о том, что возникают ситуации, при которых требуется участия обоих родителей. И, если мужчина не выполняет своих родительских обязательств как должно, то это усложняет жизнь матери и ребёнка. Например, чтобы выехать из страны пребывания матери с ребёнком, требуется нотариально удостоверенное разрешение отца ребёнка на вывоз ребёнка из страны, мужчина может отказаться оформлять данное разрешение, чем усложнит жизнь матери ребёнка. Женщине придётся каждый раз решать данную проблему через суд.

Изначально бывает ясно, что недобросовестный отец не будет выполнять свои родительские обязательства как того требует закон, поэтому было бы проще вовсе не наделять его этими правами, независимо от его волеизъявления.² По мнению автора, хоть законодатель при принятии данной нормы основывается на защите прав и интересов в первую очередь ребёнка, но стоит взглянуть на данную норму с иной стороны. Субъект, который не желает выполнять свои родительские обязательства, возможно начнёт проявлять агрессию в виде психического и физического насилия по отношению к ребёнку или матери ребёнка. В связи с этим эту норму стоит пересмотреть.

Также законодатель, предусмотрев возникновения проблем и не возможность подачи совместного заявления матери и предполагаемым отцом

после рождения ребёнка (например отец по неотложным обстоятельствам вынужден находиться в длительной поездке или командировке, ожидает призыва на обязательную военную службу или очень серьёзно болен), в таком случае есть возможность подать совместное заявления до рождения ребёнка. Стоит отметить, что ограничений по времени не предусмотрено, заявления можно подать в течении всей беременности женщины (ч. 2 п. 3 ст. 48 СК РФ). В ч. 2 п. 4 ст. 49 Семейного кодекса РФ закреплено схожее положение. Важно также подчеркнуть, что особенностью подачи заявления именно до рождения ребёнка, если оно не было отменено, регистрация будет произведена в законном порядке, несмотря факт смерти отца или его отсутствия. Исходя из выше сказанного для установления отцовства, отец и мать ребёнка могут не подавать повторно совместное заявления после рождения ребёнка. При записи о рождении ребёнка в книге государственной регистрации актов гражданского состояния, сразу осуществляется и запись об установлении отцовства над ребёнком. Это позволяет существенно облегчить процедуру и сэкономить время на повторную подачу заявления, если, конечно, родители не передумали и не отозвали своё обращение ранее.

Существуют объективные жизненные ситуации, когда совместная подача заявления невозможна по причине смерти матери или по невозможности определить место её нахождения, а также при ограничении родительских прав в законном порядке, и в связи с признанием матери недееспособной, в данном случае её мнение не учитывается.

Когда возникают такие ситуации, что мать всё таки отсутствует при подаче совместного заявления по перечисленным обстоятельствам и не выполнить роль некой защитницы прав и интересов своего ребёнка, от возможных недобросовестных и корыстных целей мужчины, претендующего на права установить своё отцовство, то в этом случае законодатель предусмотрел субсидиарную норму, переложив это обязательства на органы опеки и попечительства. Прежде, чем заявления примут к рассмотрению, заинтересованное лицо должен предоставить документальное подтверждение обстоятельств, по причине которых присутствие матери невозможно. Лицо, изъявившее желания установить своё отцовство, должен согласовать все обстоятельства с органами опеки и попечительства прежде, чем подать заявления и получить их одобрения. При отказе со стороны органов опеки и попечительства заявитель может решить данный вопрос также по решению суда.

Также возникают инциденты, когда мужчина решает признать и официально установить факт своего отцовства по отношению к лицу, которому уже исполнилось 18 лет и более. Семейный кодекс как РФ, так и РФ закрепляет, что в данном случае заявителю необходимо получить согласие совершеннолетнего лица, для установления своего отцовства над ним. Но, в случае, если ребёнок официально признан недееспособным, то в таком случае решение остаётся за его законными опекунами, а при отсутствии опекунов нужно будет получить одобрение органов опеки и попечительства.

По итогам, автор считает, что нужно пересмотреть ст. 52

¹ Малышева Ж.С. К вопросу о признании отцовства в добровольном порядке // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. №05 (81). С.45-48

² Левша В.С. Особенности установления происхождения детей лицами, не состоящими в официальном зарегистрированном браке // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2013. №4 (8). С.37-40.

п.2 СК РФ и ст.53 п.2 СК РТ, где говорится о том, что требования лица об оспаривании отцовства не может быть удовлетворено, если в момент записи этому лицу было известно, что оно фактически не является отцом ребенка. Как было уже указано выше,

лицо которое не желает добровольно исполнять свои отцовские обязательства как по закону, так и по нормам морали, не будет их исполнять и принудительно, возможно пользуясь своими отцовскими правами может

причинять неудобства и проблемы матери ребёнка. Естественно, все сложившиеся обстоятельства будут негативно сказываться в первую очередь на ребёнке.

Библиографический список

1. Конституция Республики Таджикистан [Электронный ресурс] // Национальный Центр Законодательства при Президенте Республики Таджикистан. - 1994. - URL: <http://ncz.tj/content/конституция-республики-таджикистан> (дата обращения: 7.07.2024).
2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Консультант. - 1993. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.07.2024).
3. Семейный кодекс Республики Таджикистан [Электронный ресурс] // Национальный Центр Законодательства при Президенте Республики Таджикистан. - 1998. - URL: <http://ncz.tj/content/семейный-кодекс-республики-таджикистан> (дата обращения: 9.07.2024).
4. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // Консультант. - 1995. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 01.07.2024).
5. Инпакова А.О. Семейное право: учебник и практикум для среднего профессионального образования. Москва: Издательство Юрайт, 2024.-99 с.
6. Аминова Ф. М. Трансформация правопонимания категорий "родство" и "семья" в условиях модернизации медицинских услуг // Государственное управление. – 2021. – № 1(50). – С. 164-170.
7. Коголовский И.Р. Применение презумпции отцовства к отношениям суррогатного материнства // Современное право. 2011. № 6. С.97-100.
8. Левина В.С. Особенности установления происхождения детей лицами ,не состоящими в официальном зарегистрированном браке //Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий.-2013.-№4(8).-37-40 с.
9. Малышева Ж.С. К вопросу о признании отцовства в добровольном порядке//Скиф. Вопросы студенческой науки.-2023.-№05 (81).-45-48 с.
10. Нечаева А.М. Семейное право: Учебник. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрист, 2006. – 144 с.

THE PROCEDURE AND CONDITIONS FOR VOLUNTARY RECOGNITION OF PATERNITY UNDER THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND THE RUSSIAN FEDERATION

Emomova Kayona Ilkhomovna

lecturer, Department of International Law and Comparative Law
Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, ul. M. Tursunzade, 30
Tel .: (+992) 931808844, e-mail: emomova.k.@mail.ru

In this article, the author discusses issues related to the process of establishing paternity in an administrative manner, and touches on the problems associated with this process. A comparative analysis of the legislation of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation in the field of voluntary recognition of paternity is also carried out. Examining the question posed, the author comes to the conclusion that it is necessary to review and reform family legislation in the Republic of Tajikistan and the Russian Federation in certain aspects of this issue.

Keywords: *Voluntary recognition of paternity, motherhood, origin, family law, child, parents.*

**ТАРТИБ ВА ШАРТҲОИ ИХТИЕРИИ ЭЪТИРОФИ ПАДАРӢ ТИБҚИ ҚОНУНГУЗОРИИ
ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ВА ФЕДЕРАТСИЯИ РУСИЯ**

Эмомова Каёна Илхомовна

Муаллими кафедраи ҳуқуқи байналмилалӣ ва ҳуқуқшиносии муқоисавӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. М, Турсунзода, 30
Тел.: (+992)931808844, e-mail: k.emomova@bk.ru

Дар мақола муаллиф тартиби маъмурии масъалаҳои марбут ба раванди муқаррар намудани падарӣ ва дигар мушкилоти марбут ба ин раванд баррасӣ карда мешавад. Ҳамчунин таҳлили муқоисавии қонунгузори Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Россия дар соҳаи эътирофи ихтиерии падарӣ гузаронида мешавад. Ҳангоми таҳқиқи ин масъала муаллиф ба хулосае меояд, ки қонунгузори оила дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Федератсияи Россия бояд оиди ҷанбаҳои алоҳидаи ин масъала боздид ва ислоҳ карда шавад.

Калидвожаҳо: *Эътирофи ихтиерии падарӣ, модарӣ, пайдоиш, қонунгузори оила, қӯдак, волидон.*

МОДЕРНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН В СФЕРЕ МЕДИЦИНЫ

Абдуллаева Рано Абдуалиевна

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права

заведующая кафедрой уголовного права

Российско-Таджикского Славянского Университета (РТСУ),

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел.: (+99237) 227 85 83, e-mail: ranoabdullaeva777@mail.ru

Данная статья посвящена обоснованию необходимости обновления уголовного законодательства Республики Таджикистан в сфере медицины, анализу возможности выделения медицинского уголовного права в отдельный блок, введению новых составов преступлений, а также изучению международного опыта (на примере Казахстана, России, Китая и других стран) по обеспечению ответственности медицинских работников. Кроме того, рассматриваются новые подходы к понятию врачебной ошибки (например, замена термина на «медицинский инцидент») и связанные с этим реформы. В заключение будут предложены конкретные выводы и рекомендации по совершенствованию законодательства, системы медицинского образования и контроля качества медицинской помощи в Таджикистане. Автором также рассматриваются правовые аспекты применения инновационных медицинских технологий (ноу-хау) и связанных с ними рисков в контексте уголовного законодательства. Анализируются существующие пробелы в регулировании ответственности за использование экспериментальных методов, биомедицинских технологий и новых фармакологических решений. В связи с чем подчеркивает необходимость системного подхода к квалификации действий медицинского персонала при использовании новшеств и предлагает концептуальные изменения в уголовно-правовой оценке профессиональных рисков.

Ключевые слова: *врачебная ошибка, законодательство, здравоохранение, медицина, медицинский инцидент, медицинские работники, медицинское уголовное право, модернизация, уголовная ответственность, экспериментальные методы лечения.*

Современная система здравоохранения сталкивается с новыми вызовами, обусловленными глобализацией, научно-техническим прогрессом и эволюцией

самой преступности. **Диалектика преступности** означает, что по мере развития общества и технологий меняются и формы противоправных деяний, требуя адекватной реакции законодательства. Республика Таджикистан, как часть мирового сообщества, не остаётся в стороне от этих процессов. В области медицины и здравоохранения появляются новые риски от ошибок при высокотехнологичных вмешательствах до преступлений, связанных с биотехнологиями, фармацевтикой и трансграничными медицинскими услугами. Это обуславливает необходимость модернизации уголовного законодательства в части ответственности за так называемые медицинские преступления.

Глобализация в сфере здравоохранения проявляется в активном международном обмене технологиями, кадрами и услугами. Появляются новые методы лечения (генная инженерия, телемедицина, роботизированная хирургия), новые лекарственные препараты и вакцины, а вместе с ними и новые потенциальные правонарушения. Научно-технический прогресс приносит не только пользу пациентам, но и создаёт возможности для преступлений: например, незаконные эксперименты с генетическим материалом, продажа фальсифицированных лекарств через интернет, кибератаки на медицинские базы данных и т. д. Уголовное законодательство должно своевременно реагировать на подобные вызовы, иначе возникает

пробел в правовом регулировании, когда опасные деяния остаются без надлежащей ответственности.

Важно отметить, что уголовное право, целью которого является охрана прав и свобод человека, не должно отставать от достижений медицины и её современного развития.¹ Как мы уже справедливо указывали обобщившая современные тенденции, достижения в медицине (биотехнологии, генетика, фармацевтика) формируют целый пласт новых общественных отношений, требующих уголовно-правовой охраны.

Если законодательство не будет обновляться, то нарушения в этой сфере останутся вне поля зрения правоохранительных органов, так как норма регулирующая отсутствует вовсе или будут неправильно квалифицироваться по старым нормам.

Кроме того, следует отметить, что *диалектика (развитие) преступности* в медицинской сфере проявляется в качественном изменении характера противоправных деяний. Ранее типичные «врачебные преступления» сводились преимущественно к незаконной медицинской деятельности или ненадлежащему оказанию помощи. Сегодня добавились новые формы: распространение инфекции вследствие нарушения карантина (что особенно актуально после пандемии COVID-19), незаконный оборот органов и тканей человека, злоупотребления в сфере репродуктивных технологий (например, коммерческое так и некоммерческое суррогатное материнство

вне правового поля) и прочие². Таким образом, *научно-технический прогресс и глобальные эпидемиологические вызовы (пандемии) диктуют необходимость пересмотра уголовных норм, касающихся медицины*.

Следует обосновать модернизацию и с точки зрения **общественной опасности**: жизнь и здоровье граждан являются высшими ценностями, и государство обязано обеспечить им адекватную уголовно-правовую защиту. Если в законодательстве есть пробелы или устаревшие положения, это подрывает доверие граждан к системе здравоохранения. Таким образом, обновление законодательства в республике в сфере здравоохранения и медицины в целом, станет шагом к укреплению **общественного доверия** и повышению качества медицинской помощи. Наконец, модернизация необходима и по причине интеграции в международное правовое пространство. Многие страны уже пересмотрели подходы к медицинским преступлениям, и имеется *положительный опыт* таких реформ. Реформирование уголовного законодательства с учётом этого опыта позволит Таджикистану учитывать международные стандарты и обязательства (например, по противодействию распространению опасных инфекций, борьбе с наркотиками и т.д.), а также унифицировать понятия и термины. Например, международное сообщество здравоохранения сегодня продвигает культуру справедливого отношения к врачебным ошибкам, отличая

умышленные правонарушения от непреднамеренных инцидентов.

В действующем УК РТ³ на сегодняшний день **нет отдельной главы, посвящённой медицинским и фармацевтическим преступлениям**. Соответствующие составы преступлений разбросаны по разным главам как правило, это преступления против жизни и здоровья, против общественной безопасности и здоровья населения или против порядка осуществления определённой деятельности. Например, ответственность за незаконное занятие частной медицинской практикой, повлекшее причинение вреда здоровью, установлена в ст. 210 УК РТ, за нарушение санитарно-эпидемиологических правил в ст. 207 УК РТ, за оказание небезопасных услуг (в том числе медицинских) в ст. 209 УК РТ и т.д. Подобная фрагментация затрудняет единообразное понимание «медицинских преступлений» и может приводить к пробелам в правоприменении.

Опыт соседних стран показывает целесообразность группировать такие нормы. Показателен пример Казахстана: в новом Уголовном кодексе Республики Казахстан появилась специальная **«глава 12 «Медицинские уголовные правонарушения»** включающая семь статей. В этих нормах предусмотрена повышенная уголовная ответственность за невыполнение или ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей медицинскими и фармацевтическими работниками.⁴ Иными словами, Казахстан кодифици-

¹ См.: Гуманизация современного уголовного законодательства: монография / В.П. Кашепов, А.А. Гравина, Т.О. Кошаева и др.; под общ. ред. В.П. Кашепова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. С. 24. www.dx.doi.org/10.12737/12194.

² Аминова Ф.М. Соответствие национальных норм в сфере защиты прав человеческого зародыша международным нормам // Вестник Тадж. нац. ун-та. Сер.

Социально-экон. и обществ. науки. 2018. № 5. С. 235.

³ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г., № 575: (в ред. Закона РТ от 20.06.2019 г., № 1609) [Электронный ресурс] // ADLIA: Централиз. Банк Правовой Информации. – Версия 7.0.– Электрон. дан.– Душанбе, 2019. – 1 электрон. опт. диск (DVD).

⁴ Игонина Е.О. Уголовно-правовая оценка неосторожных деяний медицинских работников: опыт РК и

ровал отдельный блок преступлений, родовым объектом которых являются общественные отношения по охране жизни и здоровья граждан при

оказании медицинской помощи»¹. Такая систематизация подчёркивает особое значение медицины и устанавливает понятные рамки ответственности именно для медиков.

Другой пример предложения в Российской Федерации, хотя действующий УК РФ не содержит отдельной главы для медицинских преступлений, в юридической науке и практике не раз поднимался вопрос о выделении особых норм. В 2018 году Следственный комитет РФ предлагал внести изменения в УК РФ для регламентации ответственности медицинских работников: речь шла о введении специальных статей, устанавливающих ответственность именно медиков (например, «Ненадлежащее оказание медицинской помощи» и «Соккрытие нарушения при оказании медпомощи»), чтобы исключить необходимость квалифицировать их действия по общим статьям УК.² Эта инициатива свидетельствует о понимании проблемы: врачи в силу специфики профессии — *специальные субъекты*, и применение к ним общих норм (например, о причинении вреда по неосторожности) не всегда учитывает все особенности медицинской деятельности.

Поддержка идеи развития **медицинского уголовного права** растёт и в научных кругах. Например, Л.В. Павлова предлагает развивать это направление и отмечает целесообразность введения в уголовный закон **отдельной главы, направленной на противодействие нарушениям порядка осуществления медицинской и фармацевтической деятельности, а также проведения биомедицинских исследований**.³ Таким образом, обособление блока норм о медицинских преступлениях отвечает, как практическим потребностям понятности и удобства для правоприменителей, профилактической ясности для медицинских работников, так и стратегической задаче адаптировать уголовное право к вызовам биомедицины.

Для Таджикистана создание отдельной главы УК РТ, посвящённой преступлениям в сфере здравоохранения, позволило бы сгруппировать существующие разрозненные нормы и дополнить их новыми. Такой раздел мог бы включать преступления, совершаемые **специальными субъектами** (медицинскими или фармацевтическими работниками) при исполнении профессиональных обязанностей, а также преступления, посягающие на установленный порядок осуществления медицинской деятельности в целом. Это чётко обозначило бы границы уголовно наказуемого поведения в

медицине, что важно, как для пациентов знать, какие нарушения в медицине преследуются по закону, так и для самих медицинских работников иметь чёткое представление о пределах допустимого и о своей ответственности. Кроме того, систематизация облегчит преподавание медицинского права и этики в учебных заведениях, когда соответствующие нормы собраны вместе, их проще изучать и анализировать.

В то же время выделение медицинского уголовного права не означает изоляции этой сферы от остальной части кодекса взаимосвязь сохраняется (например, если деяние привело к смерти, могут применяться общие нормы о причинении смерти по неосторожности, но в совокупности со специальными статьями). Тем не менее, отдельная глава позволит учесть специфику: причинение вреда здоровью вследствие ненадлежащего лечения, а не любых других ситуаций. Как отмечается в научной литературе, в ряде стран (в Уголовном кодексе Республики Беларусь) уже перечислены специальные составы преступлений, которые могут совершаться исключительно медицинскими работниками.⁴ Таджикистану рационально следовать по этому пути, опираясь на лучшие практики постсоветского пространства.

Подводя итог, можно сказать, что выделение *медицинского*

РФ // 2022 — указывает, что УК Казахстана содержит главу «Медицинские уголовные правонарушения» (7 статей) с повышенной ответственностью медиков; в РФ же специальных норм нет, но были предложения их ввести.

¹ Кодекс Республики Казахстан о здоровье народа и системе здравоохранения: проект от 29 октября 2020 года № 138-р «О мерах по реализации Кодекса Республики Казахстан от 7 июля 2020 года «О здоровье народа и системе здравоохранения» и Закона Республики Казахстан от 7 июля 2020 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам здравоохранения» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dsm.gov.kz/ru/news> (дата обращения: 29.11.2020).

² Игонина Е.О. Уголовно-правовая оценка неосторожных деяний медицинских работников: опыт РК и РФ // 2022 — указывает, что УК Казахстана содержит главу «Медицинские уголовные правонарушения» (7 статей) с повышенной ответственностью медиков; в РФ же специальных норм нет, но были предложения их ввести.

³ Павлова Л.В. Уголовная ответственность медицинских работников как специальных субъектов: к вопросу о развитии медицинского уголовного права // Сиб. уголовно-проц. и криминалистические чтения, 2021 — обосновывает введение отдельной главы в УК для медико-фармацевтических правонарушений.

⁴ См.: Григорьев И.Ю. Защита прав граждан и экспертиза качества медицинской помощи в системе ОМС // Медицинское право. 2013. № 2. С. 13.

уголовного права в УК РТ обосновано высокой социальной значимостью здравоохранения и особыми характеристиками преступлений данной категории. Этот шаг станет логичным элементом общей модернизации уголовного законодательства.

Переходя к новым категориям преступлений в сфере здравоохранения и фармацевтики, следует отметить, что модернизация законодательства предполагает **введение новых составов преступлений**, отражающих современные реалии медицины. На основе исследований специалистов вырисовывается целостная *система медицинских преступлений*, охватывающая различные аспекты охраны здоровья. Рассмотрим наиболее важные новые категории, которые предлагается внедрить в УК РТ, с указанием на международный опыт их криминализации.

1. Преступления, связанные с распространением инфекций и нарушением санитарных правил. Пандемия COVID-19 наглядно показала, какую угрозу представляют собой нарушения карантинных мероприятий и санитарно-эпидемиологических норм. В Таджикистане уже существует статья 207 УК, предусматривающая ответственность за нарушение санитарно-гигиенических и противоэпидемических правил. В 2019 году эта статья была обновлена (Законом РТ от 02.01.2019 №1555), что отражает попытку законодательной реакции. Тем не менее возникла необходимость в дальнейших уточнениях: предлагается прямо предусмот-

реть ответственность за нарушение карантина в условиях объявленной эпидемии или пандемии. В частности, высказывалось предложение дополнить ч. 2 ст. 207 УК указанием на заражение коронавирусом или иной пандемической инфекцией в качестве квалифицирующего признака. Такой шаг учёл бы опыт последних лет и послужил бы предупреждением на будущее, создав правовой механизм ответственности лиц, умышленно уклоняющихся от карантина и тем самым ставящих под угрозу здоровье многих людей.

2. Незаконные медицинские и биомедицинские эксперименты. Научный прогресс в области биомедицины (генетические исследования, клеточные технологии, создание новых препаратов) требует уголовно-правовых ограничений, предотвращающих злоупотребления. Например, можно ввести отдельные статьи за *незаконное проведение биомедицинских исследований на людях* без надлежащего разрешения или согласия. Международный опыт в этой области таков: во многих странах действуют нормы о незаконных клинических испытаниях или нарушении правил исследований с участием человека. Кроме того, на повестке дня стоят вопросы ответственности за **генетические вмешательства**. Например, манипуляции с геномом человеческого эмбриона, клонирование человека эти деяния зачастую либо прямо запрещены специальными законами, либо предусматриваются в Уголовном кодексе. В законодательстве Таджи-

кистана следует рассмотреть возможность введения статьи, запрещающей клонирование человека и иные опасные эксперименты с генетическим материалом человека. Л.В. Павлова,¹ как упоминалось, говорит о важности норм, регулирующих **проведение биомедицинских исследований** в уголовном праве, это подтверждает актуальность темы. Внедрение таких составов не только восполнит пробелы, но и будет соответствовать международным биоэтическим соглашениям (например, Конвенции о правах человека и биомедицине, если Таджикистан решит присоединиться к ней).

3. Преступления, связанные с оборотом лекарственных средств и медицинских изделий. Фармацевтический сектор — одна из наиболее уязвимых сфер, где преступные действия могут напрямую повлиять на здоровье тысяч людей. В Уголовном кодексе РТ уже есть определённые нормы: так, ст. 206¹ УК РТ устанавливает ответственность за **нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными веществами или прекурсорами, а равно сильнодействующими или ядовитыми веществами**.² Эта статья охраняет установленный порядок законного оборота указанных средств и веществ и наказывает должностных лиц, ответственных за соблюдение правил, в случае их нарушения. Однако необходимо дополнить уголовный закон и другими фармацевтическими составами:

¹ Павлова Л.В. Уголовная ответственность медицинских работников как специальных субъектов: к вопросу о развитии медицинского уголовного права // Сиб. уголовно-проц. и криминалистические чтения, 2021 — обосновывает введение отдельной главы в УК для медико-фармацевтических правонарушений.

² Кодекс Республики Казахстан о здоровье народа и системе здравоохранения: проект от 29 октября 2020

года № 138-р «О мерах по реализации Кодекса Республики Казахстан от 7 июля 2020 года «О здоровье народа и системе здравоохранения» и Закона Республики Казахстан от 7 июля 2020 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам здравоохранения» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://dsr.gov.kz/ru/news> (дата обращения: 29.11.2020).

- **Производство или сбыт фальсифицированных, некачественных лекарственных средств.** В 2017 году в Таджикистане был принят Кодекс здравоохранения, в котором на уровне определения дано понятие медикаментов, не соответствующих стандартам, и установлены правила обращения с ними.¹ Нарушение этих правил чрезвычайно опасно. Согласно информации, действующая статья 210¹ Уголовного кодекса РТ уже содержит запрет на *незаконный ввоз, производство или выпуск в обращение некачественных, поддельных и не соответствующих стандартам медикаментов, а также лекарств с истекшим сроком годности.* Этот состав, очевидно, был введен для борьбы с контрафактными препаратами. Предлагается сохранить и развивать его. Международная практика такова, что за подобные деяния устанавливаются суровые наказания, особенно если это повлекло тяжкие последствия для здоровья. Например, в Китае предусмотрена строгая ответственность за производство и сбыт поддельных лекарств; в Евросоюзе действуют директивы против фальсификации медикаментов. Таджикистан должен продолжать ужесточать контроль над рынком лекарств и применять уголовно-правовые меры против подпольных фармацевтов.

- **Незаконная выдача или подделка рецептов на сильнодействующие препараты.** В настоящее время в УК РТ отсутствует отдельный состав преступления за подделку рецептов, дающих право на получение наркотических или психотропных средств. Однако, проблема злоупотребления рецептурными препаратами существует (например, выдача фиктивных рецептов

на сильнодействующие обезбаливающие). Авторитетные эксперты предложили восполнить этот пробел, введя новую статью за незаконную выдачу или подделку таких рецептов. В случае принятия этого предложения структура главы о преступлениях в сфере фармации расширится. Эта мера также соответствует практике соседних стран: так, в Уголовном кодексе Казахстана есть статья, предусматривающая наказание за **подделку документов для получения наркотических средств**, и аналогичные нормы есть в ряде других стран.

- **Преступления, связанные с нарушением профессиональных обязанностей медицинских работников.** Особая категория — это уголовно наказуемое *ненадлежащее выполнение врачебных обязанностей*, повлекшее тяжкие последствия для пациента (например, тяжкий вред здоровью или смерть по неосторожности). В действующем законодательстве Таджикистана подобные ситуации, как правило, квалифицируются по общим нормам (например, причинение смерти по неосторожности) либо по статье о неоказании помощи больному. Однако современные тенденции ведут к тому, чтобы выделить специальный состав — **«ненадлежащее оказание медицинской помощи»**. Как уже отмечалось, в Казахстане такая статья уже есть: ст. 317 УК РК предусматривает ответственность медицинского или фармацевтического работника за ненадлежащее выполнение своих профессиональных обязанностей, повлекшее смерть пациента по неосторожности. В Казахстане это квалифицируется отдельно, учитывая особый субъект преступления (медицинский работник), чего нет, например, в

РФ. Для Таджикистана внедрение аналогичной нормы позволило бы более точно квалифицировать врачебные ошибки с тяжкими последствиями. Врачу нельзя вменить в вину умысел на причинение вреда, однако грубая небрежность, свидетельствующая о явном несоответствии должной осмотрительности, заслуживает отдельной уголовной оценки. При этом необходимо четко прописать критерии *небрежности* в медицине, возможно, опираясь на **клинические протоколы** и стандарты оказания помощи, закреплённые в Кодексе здравоохранения.

- **Другие новые составы преступлений.** Сюда можно отнести: незаконную трансплантацию органов или тканей (если такой статьи нет, её следует ввести, учитывая глобальную проблему черного рынка органов), нарушение правил обращения с медицинскими отходами (экологический аспект здравоохранения), преступления против медицинской документации (например, фальсификация истории болезни, ведущая к опасным последствиям), нарушение прав пациентов (умышленное нарушение права на информированное согласие, если оно повлекло за собой вред). Хотя некоторые из этих действий могут подпадать под общие нормы или регулироваться административно, установление уголовной ответственности за наиболее грубые нарушения будет стимулировать медицинские организации к строгому соблюдению правил.

Таким образом, новая система составов преступлений в сфере здравоохранения должна охватывать **весь цикл оказания медицинской помощи и оборота медицинской продукции** от получения лицензии на практику до реализации лекарств и

¹ Кодекс здравоохранения Республики Таджикистан от 30 мая 2017 г., № 1413 [Электронный ресурс] // ADLIA: Централиз. Банк Правовой Информации.

Версия 7.0. Электрон. дан. Душанбе, 2019. 1 электрон. опт. диск (DVD).

предоставления услуг пациенту. Очень важно, чтобы все эти новые нормы были сформулированы с учётом международного опыта, чтобы не криминализировать чрезмерно обычную медицинскую практику, но при этом создать действенные механизмы наказания за действительно опасные нарушения.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о пересмотре самого понятия **врачебной ошибки** и связанных с ней юридических последствий. Традиционно под «врачебной (медицинской) ошибкой» понимались профессиональные просчёты медработника, допущенные без умысла, но повлекшие вред пациенту. В уголовно-правовом плане такие ситуации в постсоветской практике могли повлечь ответственность по статьям о причинении вреда по неосторожности, если доказывалась грубая небрежность, либо по статьям о ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей (при их наличии). Однако во многих странах наметился **гуманизированный подход**: предлагается отличать непреднамеренную ошибку (случай, инцидент) от преступной халатности.

Так, **Казахстан**¹ «в 2020 году произвел заметную реформу понятийного аппарата. В новом Кодексе о здоровье народа (кодексе здравоохранения) РК было введено понятие «медицинский случай (инцидент)» вместо термина «врачебная ошибка», и установлен *дифференцированный подход* к последствиям ошибок. По данным Unicas Law Firm, **термин «медицинская ошибка» был заменен на «медицинский инцидент»**, что повлекло смягчение подхода к наказанию медра-

ботников. Смысл этих нововведений в том, что если медицинский инцидент не привел к тяжким последствиям для здоровья пациента, то привлечение врача к уголовной ответственности стало затруднительным: такие случаи, скорее, рассматриваются как дисциплинарные проступки или административные правонарушения. Лишь ошибки, повлекшие серьезный вред здоровью или смерть, по-прежнему могут влечь уголовное преследование. Таким образом, Казахстан фактически **декриминализовал** малозначительные врачебные ошибки, создавая защиту медиков от необоснованного уголовного преследования.

Россия² в конце 2024 года предприняла аналогичный шаг на законодательном уровне: Госдума приняла законопроект, согласно которому действие ст. 238 УК РФ («оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности») отныне **не распространяется на случаи оказания медицинской помощи**. Ранее эта статья — общая норма о небезопасных услугах активно применялась в отношении врачей, вплоть до реального лишения свободы (до 6 лет при тяжких последствиях).³ В 2022 году в РФ было возбуждено 138 дел по ч. 1 ст. 238 и 136 дел по ч. 2, в 2023 году ещё больше, многие из них против медиков. Как отмечалось, это приводило к тому, что опытные врачи уходили из профессии, а молодые люди боялись идти в медицину. Новый закон исключил врачей из-под действия этой статьи, позволив им «дышать свободнее», не опасаясь обвинений в оказании небезопасных услуг.⁴ При этом, разумеется, остаются другие механизмы ответственно-

сти за грубые ошибки, но ключевой посыл заключается в том, чтобы не судить врача по нормам, изначально предназначенным для недобросовестных услуг в сфере торговли и сервиса. Российские законодатели, по сути, признали, что медицинская деятельность требует особого регулирования, и прямое применение потребительских статей УК к врачам несправедливо.

Опыт Казахстана и России демонстрирует **новый подход**: смещение акцента с карательных мер на анализ и предотвращение медицинских инцидентов. Терминология играет здесь важную роль. Понятие «инцидент» или «несчастный случай» в медицине подразумевает, что не всякая неудача в лечении является преступлением. Многие развитые системы здравоохранения (например, в Великобритании, Канаде) практикуют *не карательное, а аналитическое* расследование медицинских ошибок, стремясь извлечь уроки и улучшить практику, а не обязательно наказывать врача, если не было грубой халатности или злого умысла. Вместо этого для компенсации пострадавшим применяются механизмы гражданско-правовой ответственности (страховые выплаты, судебные иски о возмещении ущерба) и дисциплинарные взыскания через профессиональные сообщества.

В контексте Таджикистана уже звучат **предложения перейти к термину «медицинский инцидент»** вместо «врачебной ошибки», вероятно, по аналогии с Казахстаном. Это может найти отражение либо в новом законодательстве о здравоохранении, либо в разъяснениях Пленума Верховного суда по делам о

¹ Кодекс о здоровье народа и системе здравоохранения Республики Казахстан от 7 июля 2020 г. Алматы : ЮРИСТ, 2020.

² Рарог А.И., Понятовская Т.Г. Объект и система медицинского уголовного права // Всеросс. криминологический журнал. - 2019. - Т. 13. - № 5. - С. 816-824.

³ RBC Life — обзор новостей (18.12.2024г.): о принятии в РФ закона, освобождающего врачей от ответственности по ст. 238 УК (некачественные услуги), что снижает риск уголовного преследования врачей и предотвращает отток кадров.

⁴ Там же.

врачебных ошибках. Суть реформы: если врач действовал добросовестно, но допущен непредвиденный осложняющий случай, то это не повод для уголовного преследования достаточно гражданско-правовой ответственности (вред возмещается) или дисциплинарного воздействия. Однако если доказана **грубая неосторожность** (нарушение элементарных стандартов лечения) или, тем более, умышленное деяние (например, подмена лекарства на неэффективное из корыстных побуждений), то наступает уголовная ответственность.

Введение понятия «медицинский инцидент» также требует развития системы **страхования профессиональной ответственности** и создания независимых комиссий по расследованию инцидентов в медицинских учреждениях. В конечном счёте, цель состоит в том, чтобы улучшить *культуру безопасности пациентов*: врачи должны не бояться признавать ошибки и анализировать их, а пациенты получать компенсацию за вред без длительных судебных разбирательств.

Криминализация должна быть крайней мерой для случаев явной недобросовестности или грубой халатности.

Подводя итог, можно сказать, что замена понятия «*врачебная ошибка*» на «*медицинский инцидент*» символизирует переход от обвинительной модели к *превентивно-аналитической*. Законодательство республики (Таджикистана), модернизируясь, может учесть эти тенденции: на уровне Уголовного кодекса чётко разграничить административно-правовые проступки и преступления медиков, а на уровне отраслевого законодательства закрепить прогрессивную терминологию и

процедуры разбора медицинских инцидентов.

Исследуя зарубежный опыт гарантирования профессиональной ответственности медработников, отмечаем, что гарантии ответственности медицинских работников это не только вопрос уголовного наказания, но и более широкая система мер, обеспечивающих *профессиональную и правовую ответственность* врачей. Результаты зарубежных коллег показывают, что сбалансированная модель включает три основных элемента: **гражданско-правовую (материальную) ответственность, страхование профессиональной ответственности и профессиональный надзор** (лицензирование, дисциплинарные органы), дополняющие уголовно-правовые меры. Рассмотрим, как эти механизмы реализуются в разных странах и чему может научиться Таджикистан и что приемлемо нам перенять как положительный опыт.

Во многих развитых странах мира основное бремя компенсации вреда, нанесённого пациентам, ложится на **гражданско-правовую ответственность врачей и медицинских организаций**. Например, в США и странах Европы пациенты в случае врачебной ошибки чаще подают гражданский иск о возмещении ущерба (морального вреда, затрат на лечение, упущенной выгоды и т.д.), чем инициируют уголовное преследование врача. Это связано с высокими стандартами доказывания в уголовном процессе и с тем, что уголовное наказание врача не приносит прямой компенсации пострадавшему. Вместо этого действуют развитые институты **медицинского страхования ответственности**: врачи (или больницы) заключают полисы, и если по их вине пациенту причинен вред,

страховая компания выплачивает компенсацию. Как показывает опыт стран, страхование профессиональной ответственности врача – важнейший элемент защиты прав пациентов. Исследования подтверждают, что внедрение таких страховок перераспределяет риски, обеспечивает более гарантированные выплаты пострадавшим и в целом способствует повышению качества услуг, так как страховые компании заинтересованы в снижении количества случаев (путем обучения, аккредитации и т.д.).¹

Европейский опыт: в большинстве стран ЕС профессиональное страхование врачей либо обязательно, либо крайне распространено. Например, в Германии и Франции ни один врач не будет практиковать без страховки ответственности — это требование для получения лицензии. Когда происходит инцидент, пациент обращается в страховую компанию, а не к врачу лично, что смягчает конфликт. Уголовные дела возбуждаются только в случае грубой неосторожности (например, если поведение врача выходит за рамки допустимого риска) или умысла. Аналогичная ситуация в Великобритании: там действует система Medical Defense Union и Medical Protection Society это организации, обеспечивающие юридическую поддержку и компенсации по делам о врачебных ошибках. Применяется принцип **«учиться на ошибках, а не наказывать за них»**, при этом регулятор (Генеральный медицинский совет) может лишить врача права на практику, если он действительно нарушил профессиональные стандарты. То есть срабатывает *профессионально-правовой механизм*: не тюрьма, а потеря лицензии и репутации — тоже серьёзное последствие.

¹ Морозов А.Н. и др. Профессиональная ответственность врача (опыт зарубежных стран) // Укр. Нейрохирургический журнал, 2004г. подчёркивает важность

страхования ответственности врачей, подтверждённую практикой развитых стран.

США и Канада: система *tort law* (деликтного права) позволяет пациентам получать многомиллионные компенсации в суде, и это стимулирует больницы и врачей к лучшей практике. Однако уголовные преследования редки. В отдельных случаях, когда врач проявил вопиющую халатность или действовал в состоянии опьянения, может наступать уголовная ответственность (например, обвинение в непредумышленном убийстве). Но общее правило задействовать уголовное право лишь в крайнем случае, полагаясь прежде на гражданские и административные инструменты.

Опыт стран постсоветского пространства также начинает двигаться в этом направлении. В России, несмотря на отсутствие обязательного страхования ответственности врачей, всё громче звучат предложения о его введении. Создаются профессиональные объединения (Врачебная палата и др.), которые выступают за страхование как способ защиты и врача, и пациента. В Казахстане новый Кодекс о здравоохранении 2020 г. укрепил правовую защиту медиков именно за счёт декриминализации и, вероятно, за счёт развития вне уголовных форм ответственности.¹ В Кыргызстане и Узбекистане проводятся реформы здравоохранения, в рамках которых также рассматривается внедрение страховых механизмов и фондов компенсации пострадавшим пациентам.

Помимо страхования, важен механизм **профессиональной ответственности через органы управления здравоохранением**. Имеется в виду лицензирование, аттестация и дисциплинарное производство. В тех же

развитых странах врач, допустивший ошибку, подлежит разбирательству в профессиональном совете: он может быть направлен на переобучение, получить предупреждение, а в тяжёлых случаях лишён права заниматься медицинской деятельностью. Такой подход считается более эффективным для профилактики, чем тюрьма. Ведь цель обезопасить пациентов в будущем, а не просто наказать виновного. Поэтому Таджикистану, параллельно с изменениями в Уголовном кодексе, стоит усовершенствовать **систему контроля качества медицинской помощи**: усилить роль Министерства здравоохранения и социальных структур в мониторинге медицинских услуг, внедрить клинические аудиты, создать комиссии по анализу летальных исходов в стационарах и т. д. Отлаженная система внутреннего контроля может выявлять проблемных специалистов и ситуативные риски до того, как они перерастут в уголовные дела.

Не менее важен аспект **подготовки и образования медицинских работников**. Зарубежный опыт показывает, что обучение основам медицинского права, биоэтики, коммуникации с пациентами снижает количество конфликтов и ошибок. В учебных планах западных медицинских школ есть курсы по медицинской этике и юриспруденции. В некоторых странах практикуются стажировки по управлению рисками (*risk management*) в клиниках. Поэтому в качестве профилактической меры следует рекомендовать Министерству здравоохранения РТ и Министерству образования внедрить в программы медицинских вузов дисциплины, формирующие правовую грамотность врачей.

Если молодые специалисты будут знать границы допустимого и юридические последствия нарушений, они будут более ответственно относиться к протоколам лечения, ведению документации и т. д.

Подводя итог по вопросу о зарубежном опыте гарантирования ответственности, следует отметить, что уголовное законодательство должно действовать в связке с другими институтами. Пациент должен быть защищён от недобросовестного врача не только страхом последнего перед тюрьмой, но и уверенностью в том, что существует система страхования и компенсаций, а также профессиональный надзор. Для врача же должна быть создана среда, в которой он не боится необоснованно сесть в тюрьму за непреднамеренную ошибку, но в то же время осознаёт неизбежность ответственности — имущественной, профессиональной или уголовной в случае нарушения закона или стандартов. Такая сбалансированная система, основанная на лучших мировых практиках, является ориентиром для реформ в Таджикистане. Совершенствование правовой базы оказания медицинской помощи населению, введение обязательного страхования профессиональной ответственности медицинских работников будет способствовать улучшению правоотношений в данной сфере².

Проанализировав вышесказанное, можно сделать ряд важных выводов и сформулировать предложения по совершенствованию уголовного законодательства и смежных сфер в Республике Таджикистан:

1. Необходимость модернизации подтверждается современными реалиями. Глобализация медицинских услуг,

¹ Юридическая фирма Unicasе — анализ нового Кодекса о здоровье РК (2020): замена термина «медицинская ошибка» на «медицинский случай (инцидент)» привела к усложнению привлечения врачей к уголовной ответственности за незначительные ошибки.

² Аминова Ф. М., Абдуллаева Р.А. Врачебная ошибка в контексте применения вспомогательных репродуктивных технологий // Академический юридический журнал. — 2021. — № 1(37). — С. 109.

научно-технический прогресс (геномные технологии, телемедицина, новые лекарства) и изменчивая картина преступности (пандемии, киберпреступность в медицине) требуют от уголовного законодательства гибкости и актуальности. Уголовное право Таджикистана не должно отставать от развития медицины; напротив, оно должно становиться гарантом безопасности пациентов в новых условиях.

2. Следует создать отдельный раздел (главу) УК РТ, посвящённый медицинским и фармацевтическим преступлениям. Такой шаг обоснован опытом Казахстана, где выделена специальная глава с комплексом норм,¹ а также поддерживается учёными-юристами. В эту главу целесообразно включить все составы преступлений, непосредственно относящиеся к сфере охраны здоровья: от нарушения санитарных правил до преступной врачебной халатности. Это обеспечит системность и полноту правового регулирования, устранив пробелы (например, отсутствие ответственности за подделку рецептов, которое предлагается устранить и облегчит правоприменение.

3. Ввести новые составы преступлений, отражающие современные вызовы здравоохранению. В частности: ответственность за незаконные биомедицинские исследования и генетические эксперименты; за незаконную трансплантацию органов; уточнённые нормы о нарушении карантина в условиях эпидемий; за оборот фальсифицированных медикаментов и подделку рецептов; за грубое нарушение стандартов лечения, повлёкшее тяжкие последствия или

смерть пациента (специальная норма о ненадлежащем оказании помощи). Эти преступления должны быть чётко сформулированы, с указанием специальных субъектов там, где это необходимо (например, медицинский работник), и отягчающих обстоятельств (наступление тяжких последствий, несколько пострадавших, корыстная мотивация и т. д.).

4. Пересмотреть концепцию ответственности за врачебные ошибки, ввести понятие «медицинский инцидент». Законодательно закрепить (в Кодексе здравоохранения или подзаконных актах) определение медицинского инцидента как непреднамеренного неблагоприятного события при оказании медицинской помощи. Соответственно, внести изменения в Уголовный и Административный кодексы: не считать уголовно наказуемыми действия врача, если нет серьезного вреда или грубой халатности. Рассмотреть возможность декриминализации легких случаев врачебных ошибок, переводя их в плоскость административной ответственности или дисциплинарного производства. Этот шаг основан на казахстанском опыте замены понятия «ошибка» на «инцидент» и затруднения возбуждения уголовных дел при отсутствии тяжких последствий.² В то же время Верховный суд РТ может подготовить разъяснения для судов о том, как отличать несчастный случай от преступной халатности в медицине.

5. Укрепить гарантии профессиональной ответственности медицинских работников за пределами Уголовного кодекса. Предложить

внедрить систему **обязательного страхования гражданско-правовой ответственности медицинских учреждений и врачей** за причинение вреда пациентам. Это обеспечит реальную компенсацию пострадавшим и снизит социальную напряжённость. Зарубежный опыт доказывает эффективность страхования ответственности врачей, и его следует адаптировать к таджикским условиям (например, создать Государственный фонд страхования при Министерстве здравоохранения или обязать клиники страховать в частных компаниях). Также необходимо усилить роль лицензирования: за грубые нарушения медицинской практики предусмотреть возможность лишения или приостановления действия лицензии лечебного учреждения или врача решением уполномоченного органа. Такие административно-правовые меры зачастую более оперативны и эффективны в качестве профилактики, чем уголовные дела.

6. Совершенствовать систему контроля качества и учета медицинских инцидентов. Рекомендовать Министерству Здравоохранения и Социальной Защиты Населения Республики Таджикистан внедрить **национальную систему учета и анализа медицинских ошибок/инцидентов** (по типу комитетов по качеству). Каждое серьезное происшествие в больнице должно расследоваться экспертной комиссией: выясняться причины, разрабатываться меры по предотвращению подобных случаев в будущем. Информация об инцидентах (с анонимизированными данными) могла бы собираться централизованно для анализа тенденций. Такая система,

¹ Игонина Е.О. Уголовно-правовая оценка неосторожных деяний медицинских работников: опыт РК и РФ // 2022 — указывает, что УК Казахстана содержит главу «Медицинские уголовные правонарушения» (7 статей) с повышенной ответственностью медиков; в РФ же специальных норм нет, но были предложения их ввести.

² Юридическая фирма Unicase — анализ нового Кодекса о здоровье РК (2020): замена термина «медицинская ошибка» на «медицинский случай (инцидент)» привела к усложнению привлечения врачей к уголовной ответственности за незначительные ошибки.

существующая в ряде стран, позволяет заблаговременно улучшать стандарты и обучать персонал на реальных примерах, не дожидаясь вмешательства правоохранительных органов.

7. Внести изменения в образовательные стандарты подготовки медиков. Включить в курсы медицинских вузов обязательные модули по основам медицинского права, этике, правам пациентов. Проводить для практикующих врачей регулярные тренинги по юридическим аспектам медицинской деятельности, например, по ответственности за нарушение санитарных правил, правилам оформления медицинской документации (чтобы предотвратить ситуации сокрытия информации, подпадающие под ст. 208 УК о сокрытии опасной информации и т.д. Знание закона станет лучшей профилактикой преступлений. Кроме того, необходимо расширить подготовку специалистов в области судебной медицины и медицинского права, которые смогут компетентно проводить экспертизы по делам о врачебных правонарушениях, тем самым повышая качество правосудия.

8. Учесть международный опыт в законодательстве на системном уровне. Предложить рабочей группе по рефор-

мированию УК РТ детально изучить уголовные кодексы стран, где медицинские преступления выделены и хорошо регламентированы, — Казахстана (глава о медицинских правонарушениях),¹ Китая, Беларуси, а также руководствоваться рекомендациями ВОЗ и других международных организаций в части безопасности пациентов. Например, Уголовный кодекс Китая предусматривает особые статьи за **халатность медицинского работника, повлекшую тяжкие последствия или смерть** (наказание до 3 лет лишения свободы), а также за **незаконную медицинскую деятельность без лицензии** с крайне строгими санкциями при наступлении тяжких последствий (до 10 и более лет лишения свободы). Эти нормы отражают повышенную опасность таких деяний и могут служить образцом для наших законодателей с соответствующей адаптацией. В то же время, перенимая опыт развитых стран, важно не сводить всё к ужесточению наказаний: как уже отмечалось, тенденция заключается в разумном ограничении уголовного преследования только самыми необходимыми случаями при одновременном усилении других форм ответственности.

В заключение следует подчеркнуть, что модернизация за-

конодательства процесс комплексный. Невозможно решить все проблемы медицинской отрасли одной лишь поправкой в Уголовный кодекс. **Требуется скоординированная реформа:** изменение Уголовного кодекса, развитие страховых и гражданско-правовых институтов, повышение квалификации медицинских кадров, просвещение пациентов относительно их прав. Только совокупность этих мер приведёт к желаемому результату: снижению числа преступлений в сфере здравоохранения, справедливому наказанию виновных без избыточной криминализации, улучшению качества медицинской помощи и укреплению доверия между врачом и пациентом.²

Таджикистан, опираясь на международный опыт и собственный анализ проблем, способен создать современную и эффективную систему уголовно-правовой охраны здоровья граждан. Предлагаемые изменения в законодательстве и практике станут важным шагом на пути к этой цели, обеспечивая баланс между защитой пациентов и справедливым отношением к медицинским работникам в сложной и ответственной сфере здравоохранения.

Библиографический список

1. Акимжан кызы Б. Проблемы уголовной ответственности за незаконное проведение опытов на человеке / Б. Акимжан кызы, Л.Ч. Сыдыкова // Вестник Кыргыз.- Рос. Славян. Ун-та. — 2020. — Т. 20, № 7. — С. 68-73.
2. Аминова Ф.М. Соответствие национальных норм в сфере защиты прав человеческого зародыша международным нормам // Вестник Тадж. нац. ун-та. Сер. Социально-экон. и обществ. науки. — 2018. - № 5. — С. 235-239.
3. Аминова Ф. М., Абдуллаева Р.А. Врачебная ошибка в контексте применения вспомогательных репродуктивных технологий // Академический юридический журнал. — 2021. — № 1(37). — С. 105-109.

¹ Игонина Е.О. Уголовно-правовая оценка неосторожных деяний медицинских работников: опыт РК и РФ // 2022 — указывает, что УК Казахстана содержит главу «Медицинские уголовные правонарушения» (7 статей) с повышенной ответственностью медиков; в РФ же специальных норм нет, но были предложения их ввести.

² Задачи ЦУР, связанные со здоровьем, в Таджикистане: реализация политики и мер в области здравоохранения и повышения благополучия населения. - Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ; 2020. — 112 с. // URL: https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0008/466217/Health-related-SDG-targets-in-Tajikistan-rus.pdf / (дата обращения: 02.03.2022г.).

4. Бабаджанов И.Х. Ответственность за вред, причиненный пациенту и эмбриону в мусульманском гражданском и уголовном праве // Вестник Тадж. нац. ун-та. Сер. гуманитар. наук. – Душанбе: Изд-во СИНО, 2012. – № 3/4(90). – С. 102–110.
5. Григорьев И.Ю. Защита прав граждан и экспертиза качества медицинской помощи в системе ОМС // Медицинское право. – 2013. – № 2. – С. 13.
6. Гуманизация современного уголовного законодательства: монография / В.П. Кашепов, А.А. Гравина, Т.О. Кошаева и др.; под общей ред. В.П. Кашепова. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2015. – 240 с.
7. Игониная Е.О. Уголовно-правовая оценка неосторожных деяний медицинских работников: опыт РК и РФ // 2022г. — указывает, что УК Казахстана содержит главу «Медицинские уголовные правонарушения» (7 статей) с повышенной ответственностью медиков; в РФ же специальных норм нет, но были предложения их ввести.
8. Павлова Л.В. Уголовная ответственность медицинских работников как специальных субъектов: к вопросу о развитии медицинского уголовного права // Сиб. уголовно-проц. и криминалистические чтения, 2021 – обосновывает введение отдельной главы в УК для медико-фармацевтических правонарушений.
9. Морозов В.И., Попова А.С. Преступления, совершаемые медицинскими работниками: их понятие и классификация // Академ. Вестник. – 2013. – № 1. – С. 139-143.
10. Рарог А.И. Становление фармацевтического уголовного права в России // Всерос. криминол. журн. – 2017. – Т. 11. – № 4. – С. 731-740.
11. Рарог А.И. Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий (ст. 235.1 УК РФ) [Электронный ресурс] // Всерос. криминол. журн. – 2018. – Т. 12, № 6. – С. 845-855.
12. Рахимов Н.Б. Некоторые системные недостатки нормотворческой деятельности в Республике Казахстан // Вестник Акад. правоохранит. органов РК. – 2019. – № 4 (14). – С. 67-72.
13. Фармацевтическое уголовное право / А.А. Бимбетов, В.Н. Воронин, А.И. Рарог, Т.Г. Понятовская / под ред. А.И. Рарога. - М.: Проспект, 2019. - 199 с.
14. Задачи ЦУР, связанные со здоровьем, в Таджикистане: реализация политики и мер в области здравоохранения и повышения благополучия населения. - Копенгаген: Европейское региональное бюро ВОЗ; 2020. - 112с. // https://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0008/466217/Health-related-SDG-targets-in-Tajikistan-rus.pdf / дата обращения: 02.03.2022.

MODERNIZATION OF CRIMINAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN IN THE SPHERE OF MEDICINE

Abdullaeva Rano Abdualievna
Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law
Head of the Department of Criminal Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: (+99237) 227 85 83, e-mail: ranoabdullaeva777@mail.ru

This article is devoted to the substantiation of the need to update the criminal legislation of the Republic of Tajikistan in the field of medicine, the analysis of the possibility of separating medical criminal law into a separate block, introducing new crimes, as well as studying international experience (using the example of Kazakhstan, Russia, China and other countries) in ensuring the responsibility of medical workers. In addition, new approaches to the concept of medical error (for example, replacing the term with “medical incident”) and related reforms are considered. In addition, new approaches to the concept of medical error (for example, replacing the term with “medical incident”) and related reforms are considered. In conclusion, specific conclusions and recommendations will be offered for improving legislation, the medical education system and quality control of medical care in Tajikistan. The existing gaps in the regulation of responsibility for the use of experimental methods, biomedical technologies and new pharmacological solutions are analyzed. In this regard, it emphasizes the need for a systematic approach to the qualification of the actions of medical personnel when using innovations and proposes conceptual changes in the criminal-legal assessment of professional risks.

Key words: *medical error, legislation, health care, medicine, medical incident, health workers, medical criminal law, modernization, criminal liability, experimental treatment methods.*

МАВДУЛКУНИИ ҚОНУНҲОИ ҚИНОЯТИИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ДАР СОҲАИ ТИБ

Абдуллаева Рано Абдуалиевна

доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор кафедраи ҳуқуқи қинойти
мудирӣ кафедраи ҳуқуқи қинойти

Донишгоҳи славянии Русияву Тоҷикистон,

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода, 30

тел.: (+99237) 227 85 83, e-mail: ranoabdullaeva777@mail.ru

Мақолаи мазкур ба асосноккунии зарурати таҷдиди қонунгузории қиноии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар соҳаи тиб, таҳлили имконияти ба блоки алоҳида ҷудо кардани қонунгузории қиноии тиббӣ, ворид намудани қинойтҳои нав, инчунин омӯзиши таҷрибаи байналмилалӣ (бо истифода аз мисоли Қазоқистон, Русия, Чин ва дигар давлатҳо) дар таъмини масъулияти кормандони соҳаи тиб бахшида шудааст. Илова бар ин, равишҳои нав ба мафҳуми иштибоҳи тиббӣ (масалан, иваз кардани истилоҳ ба «ҳодисаи тиббӣ») ва ислоҳоти марбут ба он баррасӣ мешаванд. Дар ҷамъбаст барои такмили қонунгузорӣ, низоми таҳсилоти тиббӣ ва назорати сифати хизматрасонии тиббӣ дар Тоҷикистон ҳулосаву тавсияҳои мушаххас пешниҳод карда мешаванд. Муаллиф инчунин ҷанбаҳои ҳуқуқии истифодаи технологияҳои инноватсионии тиббӣ (ноу-хау) ва ҳатарҳои марбут ба онҳо дар заминаи қонуни қиноиро баррасӣ кардааст. Камбудҳои мавҷудаи танзими масъулият барои истифодаи усулҳои таҷрибавӣ, технологияи биотиббӣ ва маҳлулҳои нави фармакологи таҳлил карда мешаванд. Дар робита ба ин, он зарурати муносибати мунтазам ба таҳассуси амали кормандони тибро ҳангоми истифодаи навоарӣ таъкид намуда, тағйироти концептуалиро дар арзёбии қиноӣ-ҳуқуқии ҳатарҳои касбӣ пешниҳод менамояд.

Калидвожаҳо: *хатои тиббӣ, қонунгузорӣ, ҳифзи саломатӣ, тиб, ҳодисаи тиббӣ, кормандони соҳаи тиб, қонунгузории қиноии тиббӣ, навсозӣ, ҷавобгариӣ қинойти, усулҳои табобати таҷрибавӣ.*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ МЕДИЦИНСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Абдухамитов Валиджон Абдухалимович

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права
Российско-Таджикский (Славянский) университет
ул. М. Турсунзаде 30, 734025, Душанбе, Республика Таджикистан
тел.: (+992 37) 227 85 83, e-mail: valijon.abduhamitov@mail.ru

В статье анализируется современное состояние и тенденции развития преступлений в сфере медицинской деятельности в Республике Таджикистан. Автор на основе уголовного законодательства Таджикистана раскрывает уголовно-правовые нормы об ответственности за медицинские преступления.

Автор предлагает ряд рекомендаций по совершенствованию норм об уголовной ответственности за данные преступления, в частности предлагается в проекте нового Уголовного кодекса Республики Таджикистан предусмотреть основные и дополнительные квалифицирующие признаки исследуемого автором состава преступления, а также предлагается предусмотреть ряд статей в новой редакции.

Ключевые слова: Уголовный кодекс; уголовное законодательство; преступление; состав преступления; медицинские преступления¹.

В уголовном законодательстве Таджикистана в отличие от УК ряда зарубежных стран нет отдельной главы о медицинских преступлениях и такое обстоятельство усложняет оценку данного вида преступлений и в правоприменительной практике неоднозначно трактуются данный состав преступления.

В УК Республики Таджикистан преступления в сфере ме-

дицинской деятельности сосредоточены наряду с другими преступлениями в главе 16 «Преступления против жизни и здоровья» УК Республики Таджикистан². Так, ответственность за данные виды преступлений установлены законодательством в статьях 121. (Нарушение правил операции по трансплантации), 122. (Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации), 123. (Незаконное производство аборт), 125. (Заражение вирусом иммунодефицита человека), 126. (Заражение венерической болезнью), 127. (Оставление в опасности), 128. (Неоказание помощи больному), 129. (Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником).

Как видно, составы о медицинских преступлениях ограничены несколькими уголовно-правовыми нормами. Вместе с тем, перечень данных преступлений может быть весьма широким т.е. виды этих составов деяний вполне возможен дополнен в

связи с тем, что в связи с развитием медицины в мировой практике возможна совершения и иных преступлений, которые более детально не урегулированы уголовным законодательством.

Проблема квалификации вышеперечисленных преступлений заключается не столько в качестве, а столько в дефекте реализации уголовно-правовых норм в теории и на практике и следует отметить, что преступления в медицинской сфере вполне можно назвать новыми видами деяний, ответственность за которых предусматривается в УК. При оценке совершенного деяния медицинскими работниками должны учитываться объективные и факультативные признаки объективной стороны преступления.

В теории уголовного права среди ученых до сих пор не сложилось единого мнения о признаках и видах медицинских преступлений и в качестве иллюстрации исследуемого нами проблемы можно привести следующее.

© Абдухамитов В.А., 2025.

² Уголовный кодекс Республики Таджикистан: Закон Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года. - Душанбе: «Конуния», 2004. С125.

Так, одни ученые отмечают в своих исследованиях о группе медицинских преступлений. В частности, М.В. Хамков исследуя понятия преступлений медицинского характера ссылается на так называемой «ятрогенной» преступности¹, которая имеет место в доктрине уголовного права. Схожего мнения придерживаются С.А. Ходжалиев и З.А. Ханкарова, делая упор на проведенные исследования других авторов в области уголовного права, которые именуют группу медицинских правонарушений к так называемым ятрогенным преступлениям².

Другие авторы в своих исследованиях о данных видах преступлений отмечают, что определения преступлений, которые совершены медицинскими работниками не выработано³.

Среди ученых России и Таджикистана также имеются определенные рекомендации по противодействию борьбы с коррупцией в сфере медицины. В своих исследованиях они делают упор на антикоррупционные меры, в частности предлагают реализацию таких мер на уровне, макси-

мально близком к взаимодействию «врач — пациент»⁴ и эти рекомендации, на наш взгляд, являются наиболее убедительными и эффективными по противодействию коррупции в сфере здравоохранения. Ф.М. Аминова и Р.А. Абдуллаева отмечают, что в качестве одного из способов повышения эффективности и качества оказания медицинской помощи выступает риск-менеджмент, который позволяет «выявить, оценить последствия и выработать тактику противодействия, направленную на ограничение случайных событий, наносящих физический и моральный ущерб организации, её персоналу и пациентам»⁵. Целью этой Программы, по управлению рисками, развитой например в Казахстане является осуществление интегрированного контроля за неблагоприятными событиями, возникшими вследствие профессиональной деятельности сотрудников, нанесении ущерба пациентам или имуществу⁶.

Следует отметить, что в Республике Таджикистан, Кыргызской Республике, Российской Федерации, Республике Казахстан и Республике Узбекистан исследованию

проблем медицинской преступности посвящено не мало научных работ. Так, одна группа ученых предлагают распределить административно-правовые нормы, устанавливающие основания для реализации административно-предупредительных мер и процедур⁷. Другая группа ученых убеждены, что профилактические меры предупреждения медицинских преступлений включают в себя устранение причин их совершения⁸. Третья группа ученых настаивают на том, что специфическим объектом медицинских правонарушений выступают не служебная медицинская деятельность, а ряд отношений, связанных с профессиональными обязанностями (так называемые «врачебные преступления»)». А.Ч. Сыдыкова, Н.Н. Сулайманова исследуя проблематику предупреждение коррупционных преступлений, в том числе в сфере медицины отмечают, что несмотря на прини-

¹ Хамков М.В. К вопросу о понятии преступлений медицинского характера. Лоббирование в законодательстве. Т.2. №4. М. 2023. С. 47.

² Ходжалиев С.А., Ханкарова З.А. Понятие и виды медицинских преступлений в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации: сравнительный анализ. Вестник Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова. №4 (52). Грозный 2023. С.119.

³ Иванцова Н.В. Медицинское преступление и медицинская ошибка: проблемы ограничения. Журнал Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация. Том: 6. №1. 2020. С.63.

⁴ См. об этом: Абдуллаева Р.А. Преступления по уголовному кодексу Республики Таджикистан, совершаемые в сфере медицины // Вестник КРСУ. 2019. № 11. С. 67-72; Ванцев В.А. Коррупционная преступность. М., 2002. С.34.; Кузнецова Н.Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений. (Научно-практические проблемы борьбы с коррупцией: Крутой стол) // Вестник Московского государственного университета. 1993. № 1 С. 21-22. Сер. 11, Право.; Лейбович Я. А. Врачебные ошибки и привлечение врачей к ответственности // Вопросы здравоохранения. 1928. № 10: С. 14-19; Сабин Ю.В., Кузнецова Е.И. Коррупция в здравоохранении: причины и пути предупреждения // Журнал Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2011. 16 (109). С. 47-48.

⁵ Аминова Ф. М., Абдуллаева Р.А. Врачебная ошибка в контексте применения вспомогательных репродуктивных технологий // Академический юридический журнал. – 2021. – № 1(37). – С. 105-109.

⁶ Аминова Ф. М., Абдуллаева Р.А. Указ.раб. С. 109.

⁷ Кургузкина Е.Б., Щеглова С.А. Меры специально-криминологического предупреждения незаконного предпринимательства в сфере медицинской и фармацевтической деятельности // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2015. № 3 (46).С.264.

⁸ Бучко Ю.А. Уголовно-правовое предупреждение преступлений против жизни и здоровья, совершаемых медицинскими работниками // Журнал «MODERN SCIENCE»: Научно-информационный издательский центр "Институт стратегических исследований" М. 2021. С. 20-22.

⁹ Червонных Е.В. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и их предупреждение: автореф. дис. ... к.ю.н. 12.00.08. Саратов, 2009. С.13-14.

маемые меры, она остается на достаточно высоком уровне¹. Мы придерживаемся данного мнения ученых, т.к. в современных реалиях следует разработать механизмы реализации норм законодательстве в данной сфере.

Вместе с тем, вышеперечисленные точка зрения ученых относительно определения, признаках, объекте, а также относительно отнесения группу медицинских правонарушений к разряду административных и уголовно-правовых норм совсем не означает о недостаточности исследования решения проблем об уголовной ответственности за данный вид преступления, такое обстоятельство показывает о дальнейшем научном развитии в данном направлении.

Не вдаваясь в дальнейшую дискуссию по данной проблематике, отметим лишь то обстоятельство, что вышеуказанных трактовках определений преступления в сфере медицинской деятельности весьма трудно раскрыть не только понятие, но и признаки составов медицинских преступлений.

Более того, следует отметить, что пробелы в понятийном аппарате относительно нашего исследования наличествует и в законодательстве.

Так, в статье 1 (основные понятия) Кодекса здравоохранения Республики Таджикистан до сих пор нет определения «медицинский работник» и «медицинская деятельность», что усложняет применение законодательства в правоприменительной практике. Хотя, вышеперечисленной

статье кодекса раскрываются даются такие понятия, как: субъекты частной медицинской деятельности, семейный врач, народный целитель, частная медицинская деятельность и медицинское обслуживание². Также, понятие вышеперечисленных терминов не установлены и в иных нормативно-правовых актах³.

Развивая мысль о развитии уголовного законодательства об ответственности за медицинские преступления отметим, что здесь важно учесть вопросы квалификации содеянного медицинскими работниками. Необходимо разработать и детализировать некоторые нюансы в оценке совершенного преступления, в частности объективные признаки данного вида преступления. Важное значение имеет и факультативные признаки данного вида преступления (место, время и способы совершения преступления). Однако без подготовки специальной подготовки и создания нового уголовно-правового профиля в юридических Вузах республики решения данной задачи, на наш взгляд сложно будет решить т.к. для многих представителей уголовно-правового профиля такие термины как «медицинские преступления» является непривычным, если не сказать неизвестным.

Резюмируя вышеперечисленное предлагаем следующие уголовно-правовые и криминологические меры в целях развития уголовного законодательства об ответственности за медицинские преступления и в целях эффективного

противодействия данному виду преступления в Республике Таджикистан:

- разработать новые уголовно-правовые нормы и внести коррективы в установленных статьях об ответственности за медицинские преступления;

- разместить нормы об уголовной ответственности за медицинские преступления в новой главе УК, озаглавить главу «Преступления в медицинской сфере»;

- акцентировать внимание не столько на усиление ответственности за медицинские преступления, а сколько за эффективности предупреждения и борьбы с данными видами преступлений;

- в целях эффективного расследования и предупреждения преступлений в медицинской сфере предлагаем в юридических факультетах Вузов республики создать новый уголовно-правовой профиль по изучению новых методов криминологического предупреждения и расследования преступлений в сфере медицины;

- в целях повышения уровня правовой грамотности населения Таджикистана необходимо разработать и распространить буклеты и брошюры по противодействию коррупции в сфере медицины;

- при разработке и внесении корректив в правовые акты в сфере противодействия коррупционных преступлений в сфере медицинской деятельности учитывать нормы Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции⁴;

¹ Сыдыкова А.Ч., Сулайманова Н.Н. Коррупция в Кыргызской Республике и ее предупреждение. - Бишкек, 2016. С.131.

² Кодекс здравоохранения Республики Таджикистан от 30 мая 2017 года, №1413. [Электронный ресурс] – Режим доступа: adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=10 (дата обращения: 26.03.2025).

³ Стратегия охраны здоровья населения Республики Таджикистан на период до 2030 года // Приложение

1 к постановлению Правительства Республики Таджикистан от 30 сентября 2021 года, №414. [Электронный ресурс] – Режим доступа: adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=10 (дата обращения: 26.03.2025).

⁴ Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции, принятый на пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 года и вступивший в силу 14 декабря 2005 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа:

- предлагаем разработать новое Постановление Пленума Верховного Суда РТ «О судебной практике по делам о медицинских преступлениях» и отразить соответствующие рекомендации ученых и практических работников (суд, прокуратура, МВД) по делам данной категории;

– в Кодексе здравоохранения Республики Таджикистан считаем необходимым дать определения понятие «медицинский работник» и «медицинская деятельность».

Таким образом все вышеперечисленные предложения и рекомендации, на наш взгляд,

окажут эффективные результаты в деле противодействия медицинским преступлениям.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Республики Таджикистан: Закон Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года. - Душанбе: «Конуният», 2004. – 399 с.
2. Кодекс здравоохранения Республики Таджикистан от 30 мая 2017 года, №1413 (в редакции Закона РТ от 29.01.2021г. **№1762**, от 03.01.2024 **№2032**) [Электронный ресурс] – Режим доступа: adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=10 (дата обращения: 26.03.2025).
3. Стратегия охраны здоровья населения Республики Таджикистан на период до 2030 года // Приложение 1 к постановлению Правительства Республики Таджикистан от 30 сентября 2021 года, №414. [Электронный ресурс] – Режим доступа: adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=10 (дата обращения: 26.03.2025).
4. Абдуллаева Р.А. Преступления по уголовному кодексу Республики Таджикистан, совершаемые в сфере медицины // Вестник КРСУ. – 2019. – № 11. – С. 67-72.
5. Аминова Ф. М., Абдуллаева Р.А. Врачебная ошибка в контексте применения вспомогательных репродуктивных технологий // Академический юридический журнал. – 2021. – № 1(37). – С. 105-109.
6. Иванцова Н.В. Медицинское преступление и медицинская ошибка: проблемы ограничения // Журнал Марийский государственный университет. Том: 6. - №1. - 2020. - С.61-67.
7. Иванцова Н.В. Медицинское преступление и медицинская ошибка: проблемы ограничения // Журнал Марийский государственный университет. Том: 6. - №1. - 2020. - С.63.
8. Кузнецова Н.Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений. (Научно-практические проблемы борьбы с коррупцией: Круглый стол) // Вестник Московского государственного университета. - 1993. - № 1. - С. 21-22.
9. Сыдыкова А.Ч., Сулайманова Н.Н. Коррупция в Кыргызской Республике и ее предупреждение. - Бишкек: Изд-во КРСУ, 2016. С.131.
10. Хамков М.В. К вопросу о понятии преступлений медицинского характера. Лоббирование в законодательстве. ООО "Издательский дом "Юр-ВАК". Т.2. - №4. - 2023. С. 47-49.
11. Ходжалиев С.А., Ханкарова З.А. Понятие и виды медицинских преступлений в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации: сравнительный анализ // Вестник Чеченского государственного университета имени А.А. Кадырова. - №4 (52) - 2023. - С.118-124.
12. Червонных Е.В. Преступления, совершаемые в сфере здравоохранения, и их предупреждение: автореф. дис. ... к.ю.н. 12.00.08. – Саратов, 2009. – 25 с.

CURRENT STATE AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CRIMES IN THE SPHERE OF MEDICAL ACTIVITIES IN TAJIKISTAN

Abdukhamitov Valijon Abdukhalimovich

Doctor of Law, professor of the department of criminal law
Russian - Tajik (Slavonic) University

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30
tel.: (+992 37) 227 85 83, e-mail: valijon.abduhamitov@mail.ru

The article analyzes the current state and trends in the development of crimes in the field of medical activity in the Republic of Tajikistan. The author, based on the criminal legislation of Tajikistan, reveals criminal law norms on liability for medical crimes.

The author offers a number of recommendations for improving the norms of criminal liability for these crimes, in particular, it is proposed to provide for the main and additional qualifying features of the crime studied by the author in the draft of the new Criminal Code of the Republic of Tajikistan, and it is also proposed to provide for a number of articles in a new edition.

Key words: *Criminal Code; criminal legislation; crime; elements of a crime; medical crimes.*

**ВАЗЪИЯТИ МУОСИР ВА ТАМОЮЛҲОИ РУШДИ ҶИНОЯТҲО ДАР СОҲАИ ФАЪОЛИЯТИ ТИББӢ
ДАР ТОҶИКИСТОН**

Абдуҳамитов Валиҷон Абдуҳалимович

доктори илмҳои ҳуқуқ, профессори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
тел.: (+992 37) 227 85 83, e-mail: valijon.abduhamitov@mail.ru

Дар мақола вазъият ва тамоюлҳои рушди ҷиноятҳо дар соҳаи фаъолияти тиббӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳлил карда шудааст. Муаллиф дар асоси қонунгузориҳои ҷиноятӣ Тоҷикистон меъёрҳои ҳуқуқи ҷиноиро дар бораи ҷавобгарӣ барои ҷиноятҳои тиббӣ ошкор кардааст.

Муаллиф ҷиҳати такмили меъёрҳои ҷавобгарии ҷиноятӣ барои ин ҷиноятҳо як қатор тавсияҳо пешниҳод намудааст, аз ҷумла дар лоиҳаи нави Кодекси ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷикистон муқаррар намудани аломатҳои асосӣ ва иловагии бандубасти ҷиноятӣ, ки он аз ҷониби муаллиф мавриди таҳқиқот гузаронида шудааст, инчунин як қатор моддаҳо дар таҳрири нав пешниҳод карда мешаванд.

Калидвожаҳо: *Кодекси ҷиноятӣ, қонунгузориҳои ҷиноятӣ, ҷиноят, таркиби ҷиноят, ҷиноятҳои тиббӣ.*

УДК 343.141.

ОСОБЕННОСТЬ УДОСТОВЕРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА
В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**Хамроев Шухрат Саидович**

доктор юридических наук, профессор,

декан юридического факультета

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел.: (+992 37) 223-04-20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

В статье экспертная деятельность рассматривается как один из важных инструментов расследования и раскрытия уголовного дела. Отмечается, что в отличие от других форм и способов формирования сведений, фактов и установления критерии их истинности, имеющие для уголовного дела доказательное значение, экспертная деятельность определяется как познавательная деятельность. Делается вывод о том, что экспертная деятельность представляет собой не только познавательную деятельность экспертных учреждений, но и самих экспертов, деятельность, которых во многом обусловлена вопросами расстановки и реализации специальных знаний. Однако, по мнению автора, экспертную деятельность нельзя считать чисто познавательной. Поскольку проведение исследований и получение результатов, непосредственно связанных с экспертной деятельностью, включает в себя как познавательную, так и удостоверительную (завершающую в стадии экспертной деятельности) деятельность эксперта.

Ключевые слова: *экспертная деятельность, органы уголовного преследования, судебные органы, экспертные учреждения, эксперт, познавательная деятельность эксперта, удостоверительная деятельность эксперта, специальные знания, расследование уголовных дел.*

В уголовном судопроизводстве лица, осуществляющие дознание и следствие, а также судьи при судебном разбирательстве уполномочены использовать в рамках, установленных законом формы и методы расследования уголовного дела. В этом контексте одним из важных инструментов расследования и раскрытия

уголовного дела является назначение и производство судебной экспертизы.

В отличие от других форм и способов формирования сведений, фактов и установления критериев их истинности, имеющих для уголовного дела доказательное значение, судебная экспертиза определяется как познавательная деятельность эксперта. Этим можно подтвердить, что основой реализации познавательной деятельности эксперта являются знания, умения, навыки и опыт, в которых концентрируются элементы специальных знаний, предназначенных для решения идентификационных, диагностических, промежуточных и вспомогательных задач. Причем последний очерчивает круг процессуальных и не процессуальных действий, существенный учет которых позволяет исполь-

зовать в экспертной деятельности специальные знания сведущих лиц - *expertus*.

В этом смысле не является исключением, что субъектами использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве являются следователь, судья, дознаватель, руководитель следственного органа, и указанные должностные лица наделены процессуальными полномочиями по принятию решений о назначении или отмене экспертизы. К этой группе субъектов относятся также специалисты и эксперты как носители специальных знаний - лица, обладающие знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла¹, так как вся функция по реализации специальных знаний принадлежит только им.

В данном контексте экспертом является лицо, безусловно участвующее в следственно - экс-

¹ Смирнов А.Н. Судебные экспертизы. Лекция. Новокузнецк, 2021. С.4.

пертной деятельности, занимающее подлинное место в механизме реализации методов и средств доказывания на досудебном и судебном следствии по уголовному делу.

Однако последнее не означает, что эксперт как следователь и дознаватель, осуществляющий уголовное преследование, является субъектом уголовного судопроизводства. А наоборот в уголовно – процессуальном законодательстве эксперт считается независимой категорией, иным участником, в целях установления сведений и формирования экспертных выводов. осуществляющий по поручению органов ведущий уголовного преследования специально познавательной деятельностью. В зависимости от стадии уголовного судопроизводства необходимым документом для осуществления специальной познавательной деятельности эксперта являются акты досудебного рассмотрения и судебного разбирательства уголовных дел, на вынесение которых уполномочены должностные лица органов следствия и суда.

В данном контексте под экспертной деятельностью понимается познавательная деятельность не только экспертных учреждений, но и самих судебных экспертов, занимающиеся деятельностью по оказанию нематериальных услуг в области науки, техники и ремесел в досудебном расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел. Однако экспертную деятельность нельзя назвать чисто познавательной. Так как проведение исследований и получение результатов, непосредственно связанных с экспертной деятельностью, включает в себя не только познавательную, но и удостоверительную деятельность эксперта.

Если детализировать каждый из указанных элементов экспертной деятельности в отдельности, то познавательная деятельность представляет собой разновидность познавательного процесса, включающего способы отражения внешней информации в сознании человека в форме теоретических и практических знаний или иного опыта, навыков и умений с целью их дальнейшей переработки и воспроизводства. В этом смысле познавательная деятельность эксперта включает в себя процесс логического заключения об утверждении или отрицании, принятии решения об оригинальности свойства объекта непосредственно имеющего отношение к расследуемому уголовному делу и его успешному завершению.

Из вышеизложенного следует, что познавательная деятельность эксперта основывается на личном восприятии познавательной информации о познаваемом объекте посредством применения теоретических и практических знаний или иного личного, накопленного практического опыта. В этом контексте следует отметить, что исходя из принципа независимости, заложенного в основы экспертной деятельности, познавательная деятельность носит исключительно субъективный характер, позволяющий в рамках предмета и пределов доказывания эксперту самостоятельно достичь решения задачи, поставленной перед ним органами уголовного преследования. В целом в познавательной деятельности эксперт выполняет функции субъекта познания по отношению к познаваемому объекту. В связи с этим познающая функция субъекта (эксперта) в экспертной деятельности заключается не только

в установлении процессуальной обоснованности объекта познания, но и тем самым в обеспечении достоверности объективной реальности доказательств расследуемого уголовного дела.

Для достижения последнего важно знание, умения, навыки, которыми должен обладать субъект экспертной деятельности с помощью, которых возможно не только решение недоступных задач, но в целом, владение высоким уровнем специальных знаний применительно к роду и видам экспертных исследований, преследующих не только установление конкретного факта об обстоятельствах совершения преступного деяния, но и обеспечение условий для формирования достоверности результата (заключения) экспертной деятельности. В этом контексте экспертная деятельность направлена не только на осуществление познавательной (исследовательской) деятельности, но и на оформление ответов на вопросы, поставленные перед ним субъектами органов расследования, также оно может в качестве удостоверительной деятельности эксперта. Последнее обусловлено решением ряда поисково-криминалистических задач, имеющих значение для доказывания по уголовному делу (обработка собранных фактических информации и придание им законом предусмотренной формы письменного описания о событии преступлений), что вес процесс предусмотренном ст. 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан¹ и ст. 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 23, 24, 25, 28, 29 и др. Закона Республики Таджикистан «О государственной судебной экспертизе» от 25 июля 2005 год.²

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. №12. Ст.815.

² Закон Республики Таджикистан от 25 июля 2005 года «О государственной судебной экспертизе» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2005. №7. ст. 404.

В этом контексте удостоверительная деятельность эксперта определяется как завершающий этап экспертной деятельности. На основе материалов проведенного исследования, эксперт составляет заключение о результатах проведенной деятельности. Заключение в указанном процессе следует обозначить как удостоверительное действие эксперта, основанное на выводах проверки события преступления и даже его оценке не органами уголовного преследования, а самим экспертом и составлении от своего имени удостоверительного акта. Точнее заключение эксперта как источник доказательств, представляет собой:

- документ удостоверяющего характера, составленный на основе сделанных выводов и правильного толкования полученных фактов, не вызывающий сомнений при оценке доказательств по уголовному делу;

- результат реализации специальных знаний эксперта, выступающий одним из видов доказательств в уголовном процессе, имеющий особое значение для правильного раскрытия уголовных дел на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства, поэтому раскрытие преступления невозможно представить без применения экспертной деятельности «...так как оно состоит из умозаключения эксперта, сделанное на основе исследования, проведенного с использованием специальных познаний»¹, что включает в себя ряд взаимосвязанных между собой стадий: предварительное исследование, детальное исследование объектов, поступивших на экспертизу, оценка результатов исследования и

формирование выводов эксперта, оформление результатов проведенного исследования».² Сведущим лицом экспертной деятельности в целях получения достоверной информации используется широкий диапазон средств, как самых простых (наблюдение, измерение, вычисление), так и достаточно сложных (совокупность методов, образующих экспертные методики)³. В этой связи при выборе средств и методов исследования экспертам важно руководствоваться принципом разумной достаточности, который для обеспечения достоверности выводов требует исследовать объект со всех сторон. Именно по такой логике методы экспертной деятельности определяются как совокупность приемов и способов, направленных на достижение не только результатов познавательной деятельности эксперта, но и в целом на решение поставленных перед ним задач.

Следует отметить, что в зависимости от характера и вида судебной экспертизы, методы исследования применяются при изучении конкретных или отдельных объектов (предметов) экспертной деятельности. В этом смысле объектом экспертного исследования выступают отдельные лица (обвиняемые, потерпевшие, подозреваемые и т.п.), участвующие в процессе доказывания по уголовному делу, материальные объекты, подлежащие сравнительному исследованию (здания, сооружения, помещения, земельные участки, растения, животные и т.п.), удостоверительные документы (постановление о назначении эксперта) об организации деятельности эксперта и касающиеся объекта ис-

следования, диагностики и описания результатов осмотра трупа и их частей, материалы уголовного дела, непосредственно относящиеся к предмету экспертной деятельности, а также факты, события, явления и даже другие, не о вещественные объекты, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Главное объекты должны обладать идентификационными, классификационными, диагностическими и ситуационными свойствами исследования, что предполагает применение специальных знаний эксперта.

В основном при изучении объектов экспертной деятельности, где и когда они наиболее эффективны, выделяют три группы методов, которые экспертам рекомендуется использовать: 1) всеобщими диалектическими методами; 2) общими методами; 3) частными методами, каждый из которых, в зависимости от специфики конкретной области экспертной деятельности, указывает на канал восприятия информации об объекте исследования.

Однако решение поставленных задач перед экспертом и составление полноты ответов на них не всегда зависит от использования конкретных методов исследования, а напротив, в этом диапазоне доминирующим остается в совокупности применения нескольких методов познания объекты экспертного исследования, благодаря эффективному использованию которых сведущему лицу в экспертной деятельности удастся добиться не только детального познания исследуемого объекта, но и его описания для оценки доказательств, относящихся к расследуемому уголовному делу. Таким

¹ Орлов, Ю. К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам : учеб. пособие. М.: Юрист, 1995. С.40.

² Григорьева Н.В. Заключение эксперта как источник доказательств //Вестник магистратуры. 2019. №3-2 (90). С.177.

³ Елагина, Е.В. Заключение специалиста: некоторые проблемы формирования и использования // Криминалист. 2016. № 2(19). С. 46.

образом, в основе экспертной деятельности лежат методы, призванные решать предстоящие познавательные и удостоверительные деятельности эксперта. В этом смысле каждому эксперту важно знать, как преимущества, так и недостатки каждого метода, чтобы уметь правильно применять их при осуществлении экспертной деятельности.

Исходя из этого, можно констатировать, что под методами экспертной деятельности следует понимать способы и приёмы, обеспечивающие осуществление процесса организации познавательной деятельности эксперта, направленной на достижения запланированных *результатов экспертного исследования*, завершающихся документированием объективно полученных данных для правильного решения задач, поставленных перед ним органами уголовного преследования. В этом смысле документирование результатов исследования в экспертной деятельности рассматривается как завершающий этап, который в

доктрине уголовного процесса именуется процессом удостоверения познавательной деятельности эксперта. Если конкретизировать, то этот процесс завершается подготовкой экспертного заключения, и на этом можно поставить точку, если в дальнейшем не потребуются проведение дополнительной или повторной экспертизы.

Исходя из этого, можно констатировать, что экспертная деятельность в наше время, без преувеличения, считается одним из важных средств доказывания, используемых в уголовном судопроизводстве. Формы и методы экспертной деятельности с учетом специфики их применения разнообразны, но ее суть, в соответствии с назначением уголовно-процессуального законодательства, заключается в установлении обстоятельств и фактов имеющие важное значение при раскрытии преступления. Несомненно в центре исследования последнего, что с помощи

которых могут быть выражены результаты экспертной деятельности все более очевидной становится роль познавательной и удостоверительной деятельности эксперта.

Познавательный процесс при раскрытии уголовных дел определяется как способ реализации экспертом специальных знаний. Результаты последнего, основанные на заключении эксперта по предмету исследования, должны быть документированы. Данный цикл экспертной деятельности называется удостоверительным, т.е. завершающим в стадии экспертной деятельности. В данном случае использование понятия «экспертная деятельность» во многом обусловлено расстановкой и реализацией специальных знаний эксперта, осуществляющего не только познавательную, но еще и удостоверительную деятельность.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан.-2009.-№12.-Ст.815. 2. Закона Республики Таджикистан от 25 июля 2005 года «О государственной судебной экспертизе» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан.-2005 .- №7.- ст. 404.
2. Григорьева Н.В. Заключение эксперта как источник доказательств // Вестник магистратуры.- 2019.- №3-2 (90).-177-178.
3. Елагина, Е.В. Заключение специалиста: некоторые проблемы формирования и использования // Криминалистика .-2016. - № 2(19). - С. 44 - 49.
4. Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам : учеб. пособие . - М.: Юрист, 1995. - 64 с.
5. Смирнов А.Н. Судебные экспертизы. Лекция.- Новокузнецк.- 2021. - 73 с.

PECULIARITIES OF EXPERT CERTIFICATION ACTIVITIES
IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Khamroev Shukhrat Sadirovich

Doctor of Laws, Professor,
dean of the Law faculty

Russian-Tajik (Slavonic) University

734025, Republic of Tajikistan, g. Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30

tel.: (+992 37) 223-04-20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

The article considers expert activity as one of the important tools for investigation and disclosure of a criminal case. It is noted that, unlike other forms and methods of forming information, facts and establishing criteria for their truthfulness, which have evidentiary value for a criminal case, expert activity is defined as a cognitive activity. It is concluded that expert activity is not only the cognitive activity of expert institutions, but also of the experts themselves, which activity is largely determined by issues of placement and implementation of special knowledge. However, according to the author, expert activity cannot be considered purely cognitive. Since conducting research and obtaining results directly related to expert activity includes both cognitive and certification (final in the stage of expert activity) activities of the expert.

Key words: *expert activity, criminal prosecution bodies, judicial bodies, expert institutions, expert, cognitive activity of an expert, certification activity of an expert, special knowledge, investigation of criminal cases.*

ХУСУСИЯТҲОИ ФАЪОЛИЯТИ ШАҲОДАТКУНАНДАИ КОШИНОС
ДАР МУРОФИАИ ЧИНОЯТӢ

Ҳамроев Шухрат Садирович

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор,
декани факултети ҳуқуқшиносии

Донишгоҳи Славянии Русияву Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. Рудаки, 181

тел.: (+992 37) 223-04-20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

Дар мақола яке аз воситаҳои муҳими тафтиш ва кушодани парвандаи ҷиноятӣ, фаъолияти эксперти мавриди баррасӣ қарор дода шудааст. Қайд карда мешавад, ки бар ҳилофи дигар шаклу усулҳои ҷамъоварии маълумот, далелҳо ва муайян намудани дурустии маҳақҳои онҳо, ки барои парвандаи ҷиноятӣ арзиши исботи доранд, фаъолияти эксперти ҳамчун фаъолияти маърифати баррасӣ карда мешавад. Дар мақола фаъолияти эксперти на танҳо фаъолияти маърифатии муассисаҳои эксперти, ҳамчунин фаъолияти ҳуди экспертҳо, ки афзалан ба масоили ташкил ва татбиқи донишҳои махсус онҳо вобаста аст, ҳонда шудааст. Аммо ба андешаи муаллиф, фаъолияти экспертиро соф маърифатӣ шумурдан ғайриимкон аст. Зеро гузаронидани таҳқиқот ва ба даст овардани натиҷаҳо, ки бевосита ба фаъолияти эксперти алоқаманданд, на танҳо фаъолияти маърифатӣ балки шаҳодатиро низ (ҳамчун марҳилаи хотимагии фаъолияти эксперти) дар бар мегирад.

Калидвожаҳо: *фаъолияти эксперти, мақомоти таъқиби ҷиноятӣ, мақомоти судӣ, муассисаҳои экспертиза, коршинос, фаъолияти маърифатии эксперт, фаъолияти шаҳодаткунандаи эксперт, донишҳои махсус, тафтиши парвандаҳои ҷиноятӣ.*

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ: ВЫЗОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ МИГРАЦИИ И ПУТИ АДАПТАЦИИ

Давлатов Хизр Хакимович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры права
Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана
734055, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Борбада 48/5.
Тел: 03-410-15-15, E-mail: davlatov.khizr@gmail.com

В статье рассмотрен процесс формирования международно-правовой базы в области регулирования вопросов по снижению негативного влияния изменения климата. Определены основные международные соглашения в данной области правоотношений. Выявлены основные факторы, способствующие экологической миграции. Сформулировано, что на данный момент не существует единого и общепризнанного термина «экологический мигрант». Сделан вывод о том, что в долгосрочной перспективе существует необходимость для выработки нового международного соглашения, призванного урегулировать правоотношения в области экологической миграции.

Ключевые слова: изменение климата, экологический мигрант, международное право, ООН, МОМ, УВКБ ООН.

Проблема изменения климата все чаще становится предметом дискуссий в рамках различных международных организаций, так как с каждым годом негативные последствия данного явления приобретают все более угрожающий характер. Рассматриваемая проблема не могла не стать предметом регулирования для современного международного права, так как она затрагивает довольно большое количество государств.

Первые шаги по принятию действенных мер в связи с изменением климата были сделаны в конце прошлого столетия, когда началась активная кодификационная работа в данной сфере. По мнению Н.А. Соколовой наиболее активная работа в области международно-правового регулирования началась с инициатив по принятию международных соглашений по охране атмосферного воздуха и защите озонового слоя¹. Следует отметить, что вопросы по охране защиты озонового слоя стали регулироваться Монреальским протоколом по веществам, разрушающим озоновый слой от 1987 года². Указанный протокол был принят к Венской конвенции об охране озонового слоя от 1985 года³ и был направлен на постепенное сокращение и, в конечном итоге, отказ от производства озоноразрушающих веществ. Причем, Монреальский

протокол стал именно тем документом, который внёс ясность, чёткие правила и меры по сокращению производства и дальнейшей ликвидации конкретных веществ, разрушающих озоновый слой. В качестве наглядного примера таких веществ можно назвать химическое соединение CF₂BrCl, более известное как Галон-1211, используемое в системах пожаротушения. Другое химическое соединение CFCl₃, которое чаще всего называют фреон-11, используется в кондиционерах и холодильниках. Следует подчеркнуть, что в Монреальском протоколе приведён более широкий круг химических соединений, которые несут угрозу для озонового слоя земли. Проблема заключается в том, что большинство указанных химических соединений достаточно плотно вошли в повседневную жизнь людей и стали неотъемлемым атрибутом функ-

© Давлатов Х.Х., 2025

¹ Соколова Н. А. Изменение климата: развитие международно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. № 12 (133). 2021. С. 177.

² Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой от 16 сентября 1987 года [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (дата обращения: 10.04.2025)

³ Венская конвенция об охране озонового слоя от 22 марта 1985 года [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ozone.shtml (дата обращения: 10.04.2025)

ционирования современных городов и сельскохозяйственных земель. Разработчики Монреальского протокола оговаривают в преамбуле, что обеспечение охраны озонового слоя путём устранения глобальных выбросов должно опираться на научные знания, с учётом соображений технического и экономического характера. Иными словами, изначально предполагалось, что быстрое и радикальное изменение в процессах индустриального производства невозможно. Поиск путей по постепенному замещению вредных химических соединений на более безопасные для озонового слоя займет время и должно основываться на международном научно-техническом сотрудничестве государств-участниц протокола.

Исходя из этих целей в 1992 году была принята Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата¹, ставившая в ст.2 целью достижение стабилизации парниковых газов в атмосфере земли, с учётом сохранения баланса между защитой окружающей среды и продовольственной безопасностью и экономическим развитием стран.

Изменение климата как глобальное явление оказывает свое негативное влияние на очень широкий круг вопросов: здоровье населения, сельское хозяйство, продовольственная безопасность, экономическое развитие, миграцию населения и др. Ухудшение состояния окружающей среды напрямую влияет на вопросы переселения людей. Уже сейчас существует большое количество примеров миграции населения, которое впоследствии плачевно отразилось на

социально-экономическом положении той или иной местности. Ярким примером в данном случае может служить высыхание Аральского моря в Центральной Азии, соляные бури которого вредят здоровью огромного количества людей по всему региону. Похожая картина экологической миграции наблюдалась и во второй половине XX века, когда в зоне к югу от Сахары в регионе Сахель начались длительные засухи, повлёкшие в дальнейшем к истощению земли и миграции населения. В таких островных государствах как Тувалу и Кирибати существует серьёзный риск полного затопления этих территорий, что уже сегодня привело к активной миграции населения в Новую Зеландию.

Факторы, способствующие экологической миграции, могут иметь длительный характер назревания (вследствие вредного воздействия человека на окружающую среду) или обладать экстренным характером (техногенные катастрофы в индийском городе Бхопал на химическом заводе в 1982г. и в СССР на Чернобыльской АЭС в 1986г.). К сожалению, в последние десятилетия в данном вопросе наблюдается негативная тенденция роста подобных факторов. Как отмечает Н.П. Лавров: «В период с 1950 по 1975 г. ежегодный ущерб от всех категорий этих опасностей не превышал 10-20 млрд долл. США в год. Начиная со второй половины 70-х гг. он постоянно возрастал и в 1995 и 2005 гг. приблизился к уровню 200 млрд долл. в год. Необходимо подчеркнуть, что именно с 1970-х гг. начался новый этап климатиче-

ских изменений, возникли отчетливо выраженные погодные аномалии»².

Приведённые данные позволяют сделать вывод о том, что в долгосрочной перспективе вопросы экологической миграции все чаще будут актуальным предметом повестки международного сообщества. К сожалению, международно-правовое регулирование экологической миграции на данный момент находится в достаточно зачаточном состоянии. Существуют значительные проблемы в регулировании данных правоотношений. К примеру, в настоящее время нет единого и общепризнанного подхода к вопросу определения понятия «экологический мигрант».

Д. В. Иванова и Д. К. Бекашева утверждают, что в литературе существует довольно широкий спектр различных терминов, которым обозначают круг лиц, которые покинули места своего проживания в результате экологических катаклизмов: экологический беженец, экологический мигрант, вынужденный экологический мигрант, мигрант по экологическим мотивам, перемещенное лицо, мигрирующие в связи с реализацией проектов развития, климатический мигрант, перемещенное лицо в связи с изменением климата, эко-мигрант, будущий экологический беженец³.

В связи с таким обилием терминов, описывающих всего одну категорию мигрантов, мы склоняемся к мнению Е.Ю. Марковой, которая по данному поводу пишет: «Несмотря на то, что в настоящее время отсутствует согласованное мнение относительно термина рассматриваемого понятия, тем не менее Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев

¹ Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата от 9 мая 1992 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 10.04.2025)

² Лавров Н.П. Природные и техногенные катастрофы - новые вызовы и угрозы устойчивому развитию // Право и безопасность. 2010. № 4 (37). С. 17.

³ Иванов Д. В., Бекашева Д. К. Экологическая миграция населения: международно-правовые аспекты. М.: Аспект Пресс, 2013. С.34.

использует термин «экологические мигранты» для обозначения пострадавших лиц, которые были вынуждены покинуть районы с опасным для жизни и здоровья человека состоянием окружающей среды»¹.

Термин «экологический мигрант», на наш взгляд, наиболее полно и ёмко отражает суть подобной категории уязвимых лиц. Более того, немало международных институтов прибегают в своих докладах именно к этому термину. К примеру, Международная организация по миграции в своих документах достаточно часто использует именно данное понятие. Тем не менее, следует подчеркнуть, что вопрос закрепления данного определения в тексте обязывающих международных соглашений является делом времени, так как правовое регулирование невозможно без чёткой категориальной базы.

Проблема экологической миграции относительно нова

для науки международного права, что выражается в слабой регуляции правоотношений, возникающих в данной области. Ярким примером здесь служит тот факт, что в 90-х гг. прошлого столетия Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) впервые начало работать над проблемой экологической миграции. Оказывая помощь экологическим мигрантам, УВКБ ООН действует не в рамках своего мандата, а по просьбе Генерального секретаря ООН². Данное обстоятельство хорошо иллюстрирует отсутствие эффективной международно-правовой базы в области экологической миграции, что, несомненно, не может быть признано удовлетворительным с точки зрения вопросов защиты прав мигрантов.

Резюмируя, отметим, что отсутствие международно-правовых норм универсального и регионального характера, рас-

крывающих термин «экологический мигрант», а также другие вопросы, связанные с экологической миграцией населения, порождает правовую неопределённость и самым негативным образом сказывается на процессе полноценной защиты прав людей, которым в связи с природными или техногенными катаклизмами пришлось покинуть свои места проживания. Изменение климата и увеличение числа катастроф, наблюдаемые в настоящее время, требуют наиболее серьезного реагирования со стороны международного сообщества в целях выработки эффективных международно-правовых норм. С сожалением приходится констатировать, что и по сей день проблемы экологической миграции преимущественно остаются предметом регулирования норм мягкого права, что, на наш взгляд, не соответствует сложившимся реалиям.

Библиографический список

1. Васильева А. А. Международно-правовые последствия исчезновения территорий государств: дис. ... канд. юрид. наук. – М. – 2018г. – 275с.
2. Венская конвенция об охране озонового слоя от 22 марта 1985 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/ozone.shtml (дата обращения: 10.04.2025)
3. Иванов Д. В., Бекашев Д. К. Экологическая миграция населения: международно-правовые аспекты. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 176 с.
4. Лаверов Н.П. Природные и техногенные катастрофы - новые вызовы и угрозы устойчивому развитию // Право и безопасность. – 2010. – № 4 (37). - С. 16-20.
5. Маркова Е.Ю. Международно-правовая защита экологических мигрантов: реалии и перспективы // Актуальные проблемы российского права – № 7 (92). – 2018. – С. 209-217.
6. Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой от 16 сентября 1987 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/montreal_prot.shtml (дата обращения: 10.04.2025)
7. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата от 9 мая 1992 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 10.04.2025)
8. Соколова Н. А.. Изменение климата: развитие международно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – № 12 (133). – 2021. – С. 177-184.

¹ Маркова Е.Ю. Международно-правовая защита экологических мигрантов: реалии и перспективы // Актуальные проблемы российского права. № 7 (92). 2018. С. 210.

² Васильева А. А. Международно-правовые последствия исчезновения территорий государств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018г. С. 128.

INTERNATIONAL LAW IN THE ERA OF CLIMATE CHANGE: CHALLENGES OF ENVIRONMENTAL MIGRATION AND WAYS OF ADAPTATION

Davlatov Khizr Khakimovich

candidate of law, senior lecturer of the law department
International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan
734055, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Borbad Ave. 48/5.
Tel: 03-410-15-15, E-mail: davlatov.khizr@gmail.com

The article examines the process of forming an international legal framework in the field of regulating issues to reduce the negative impact of climate change. The main international agreements in this area of legal relations are defined. The main factors contributing to environmental migration are identified. It is stated that at the moment there is no single and generally accepted term "environmental migrant". It is concluded that in the long term there is a need to develop a new international agreement designed to regulate legal relations in the field of environmental migration.

Keywords: *climate change, environmental migrant, international law, UN, IOM, UNHCR.*

**ҲУҚУҚИ БАЙНАЛХАЛҚӢ ДАР ДАВРАИ ТАӢГИРИ ИҚЛИМ: МУШКИЛОТИ МУҲОЦИРАТИ
МУҲИТИ ЗИСТ ВА РОҲӢИ МУТОБИҚШАВӢ**

Давлатов Хизр Хакимович

номзади илмҳои ҳуқуқ, муаллими калони кафедраи ҳуқуқ
Донишгоҳи байналмилалӣ сайёҳӣ ва соҳибкорӣ Тоҷикистон
734055, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, хиёбони Борбад, 48/5.
Тел: 03-410-15-15, Почтаи электронӣ: davlatov.khizr@gmail.com

Дар мақола раванди ташаккули заминаи ҳуқуқии байналмилалӣ дар соҳаи танзими масъалаҳои коҳиш додани таъсири манфии тағйирёбии иқлим баррасӣ шудааст. Созишномаҳои асосии байналмилалӣ дар ин соҳаи муносибатҳои ҳуқуқӣ муайян карда шудаанд. Омилҳои асосии муҳоҷирати экологӣ муайян карда шуданд. Гуфта мешавад, ки дар ҳоли ҳозир истилоҳи ягона ва ба таври умум пазируфташудаи "муҳоҷири экологӣ" вучуд надорад. Хулоса мешавад, ки дар ояндаи наздик зарурати таҳияи як созишномаи нави байналмилалӣ ба миён меояд, ки барои танзими муносибатҳои ҳуқуқӣ дар соҳаи муҳоҷирати экологӣ пешбинӣ шудааст.

Калидвожаҳо: *тағйирёбии иқлим, муҳоҷири экологӣ, ҳуқуқи байналмилалӣ, СММ, СБМ, РКО ССМ.*

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Рахмонзода Дилшоди АзизпурСтарший преподаватель кафедры права
Международного университета туризма и
предпринимательства Таджикистана

734055, Республика Таджикистан, г. Душанбе, Борбад 48/5

Тел.: +992000902552, e-mail: rahmonzoda90@bk.ru

В представленной статье рассматриваются основополагающие принципы международного права и принципы, закреплённые в нормативных правовых актах Республики Таджикистан, направленные на обеспечение информационной безопасности. Автор приходит к выводу, что принципы международного права служат основой формирования безопасности в глобальном информационном пространстве (киберпространстве) и являются основой для международного сотрудничества в области информационной безопасности (кибербезопасности). Основные принципы международного права направлены на предотвращение трансграничных угроз, защиту прав и свобод личности, общества и государства в информационной среде, а также на разработку общих правил и норм, регулирующих вопросы защиты информации и её свободного обмена между государствами. Исследование нормативно-правовых актов Республики Таджикистан показывает, что принципы информационной безопасности в стране сосредоточены на охране национальных интересов, прав граждан и общества, а также на установлении правовых рамок для регулирования информационных отношений.

Ключевые слова: *информационная безопасность, принципы международного права, ИКТ, принципы обеспечения информационной безопасности.*

Вопрос о правовом обеспечении информационной безопасности в условиях формирования глобального информационного пространства, характеризующегося его трансграничной природой, становится все более значимым. Возникает необходимость применения общепринятых принципов междуна-

родного права в информационном пространстве (киберпространстве). Необходимо указать, что этот процесс не случаен, ведь в современном мире роль данных принципов возрастает на фоне вызовов, связанных с развитием информационно-коммуникационных технологий (далее-ИКТ). Проблема правового регулирования в данной сфере касается не только специалистов по ИКТ, юристов и политиков, но и затрагивает интересы всего мирового сообщества, так как потенциальные последствия преступного, экстремистского или террористического использования ИКТ могут быть катастрофическими. По мере роста масштабов и технологической сложности деструктивных воздействий в информационном пространстве (киберпространстве) обостряется проблема недостаточности международно-правовых механизмов, регулирующих деятельность государств в этой области. Именно этот пробел становится

одним из ключевых вызовов обеспечения безопасности на международной арене.

Важность научных исследований в сфере информационной безопасности для защиты национальных интересов государства становится особенно актуальной в условиях роста информационных угроз и необходимости разработки эффективных механизмов международного взаимодействия. Формирование устойчивой системы информационной безопасности на глобальном уровне требует обращения к основным базовым принципам международного права. Общеизвестно, что они представляют собой основные положения, на которых строятся различные учения и теории, которые служат основой для знаний в различных научных дисциплинах в рамках международного

права¹. В этой связи уместно применять основные принципы международного права как основополагающие начала, которые лежат в основе международных отношений в сфере обеспечения информационной безопасности государств.

Так, по мнению П. У. Кузнецова, «принцип (лат. *principium* — начало, основа) представляет собой категорию, обладающую фундаментальным значением для всех аспектов жизни общества, как на национальном, так и на международном уровне. В современной юридической науке существует множество определений принципов права, однако в первую очередь их рассматривают как исходные и основные идеи, отражающие суть права в обобщенном виде. Принципы вытекают из концепций справедливости и свободы, юридически фиксируют объективные закономерности социальной жизни, а также основополагающие социальные ценности и традиции, которые имеют значимое влияние на поддержание правового порядка в обществе и укрепление правового статуса личности»².

По мнению М.Н. Марченко «принципы являются ключевыми идеями, основополагающими положениями или руководящими началами, определяющими процесс формирования, развития и функционирования права»³.

Согласно мнению А. С. Пиголкина и Ю. А. Дмитриева «принципы права представляют собой фундаментальные идеи и руководящие положения, которые определяют суть и направления правового регулирования.

Принципы являются основой для формирования и реализации действующего законодательства и направлены на дальнейшее укрепление демократических процессов во всех аспектах общественной жизни и развитие правового государства, а также функционируют как структурные элементы, на которых строятся не только юридические нормы и институты, но и вся правовая система в целом. Принципы права также выполняют роль ориентиров, правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности»⁴.

Как мы видим, указанные мнения ученых подчеркивают центральную роль принципов права в юридической системе и выступают как фундаментальные идеи и основополагающие положения, определяющие содержание и направления правового регулирования, как на национальном, так и на международном уровне. Принципы права не только фиксируют концепцию справедливости, но и служат основой для формирования действующего законодательства, обеспечивая стабильность правового порядка, способствуя укреплению демократических процессов и развитию правового государства. Так, принципы права можно рассматривать как структурные элементы, на которых строится вся правовая система.

Существует достаточно устойчивое мнение о том, что источником норм, особенно норм международного права, являются общие принципы права. В соответствии со статьей 38 Статута Международного Суда Организации Объединенных Наций (далее-ООН), общие принципы

права включены в перечень источников международного права. В этой статье указано, что «Суд, которому поручено разрешать споры на основе международного права, использует... общие принципы права, признанные цивилизованными государствами»⁵. Следует признать, что статья 38 Статута Международного Суда ООН указывает на важность общих принципов права как одного из ключевых элементов международного правопорядка являющиеся основой для решения споров и помогающие суду интерпретировать и применять международные нормы, учитывая при этом разнообразие правовых систем.

В этом контексте, заслуживает внимания точка зрения В.В. Ершова по вопросу правовой природы, функций и классификации принципов национального и международного права, рассматриваемая через призму юридического позитивизма, интегративного и синтезированного правопонимания. В своих исследованиях В. В. Ершов уделяет внимание этимологическому, философскому и юридическому аспектам принципов. С гносеологической позиции он связывает принципы с более широкими категориями, такими как «закономерность» и «сущность». По его мнению, правовые принципы представляют собой основания всеобщей взаимосвязи, отражающие объективные закономерности и суть единой многоуровневой системы, которая охватывает как национальные, так и международные правовые формы. Принципы, действующие в пределах государства, спо-

¹ Полякова, Т. А. Базовые принципы как основные начала правового обеспечения информационной безопасности // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2016. — № 3. — С. 20.

² Кузнецов П. У. Основы информационного права: учебник для бакалавров. Москва, Проспект, 2014. С. 126.

³ Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник для вузов. М., Зерцало. 2004. С. 249.

⁴ Пиголкин А. С. Теория государства и права: учебник для вузов / под редакцией А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2024. С. 272.

⁵ Протасов, В. Н. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов. 2-е изд. М.: Изд.-во «Юрайт», 2024. С. 171.

собствуют единообразию правотворческих и правоприменительных процессов. В.В. Ершов использует общенаучные, философские, теоретические и правовые доводы для обоснования своей позиции, заключающейся в том, что такие принципы, будучи применимыми в государстве, обладают статусом императивных норм (*jus cogens*). Он предлагает рассматривать их как фундаментальные и основополагающие формы права, регулирующие как национальные, так и международные правовые процессы в государстве¹.

Концепция правовых принципов В.В. Ершова, позволяет рассматривать правовую систему как единую многоуровневую структуру с универсальной природой принципов и расширяет традиционные представления о правовых нормах, предлагая рассматривать принципы как нормативные предписания и как глубинные закономерности, отражающие сущностные характеристики правовой системы, которые пронизывают все её уровни, задавая общее направление и структуру правопорядка, а их императивная природа придаёт им высшую юридическую силу, обязательную для всех государств в международных отношениях. Такая интерпретация позволяет увидеть правовые принципы как связующее звено между национальными и международными правовыми системами, где они играют особую роль в обеспечении согласованности и единства правовых процессов, подчеркивая их неизменность и неоспоримость, а также выделяет их как высшую правовую основу, к которой должны обращаться государства при решении споров и в процессе правотворчества.

Следует отметить, что значение правовых принципов в

контексте их влияния на формирование правоприменительной практики и создание как внутренних нормативно-правовых актов, так и международно-правовых актов является особенно важным в области обеспечения информационной безопасности.

Если мы рассмотрим основные принципы международного права, то можно отметить, что принципы являются фундаментом правового регулирования отношений между государствами, обеспечивая стабильность и безопасность, в деле укрепления справедливых межгосударственных отношений. Указанные принципы закреплены в таких ключевых документах, как Устав ООН, Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН 1970 года и Хельсинском заключительном акте СБСЕ 1975 года.

Как соотносятся принципы международного права с вопросами обеспечения информационной безопасности в современных условиях? Вопрос касается не только отдельных норм, но и всей системы принципов международного права, играющих важную роль в формировании правовых основ глобального информационного общества. Какова специфика применения международных принципов в сфере глобальных информационных отношений, особенно в контексте обеспечения информационной безопасности? Какие основные направления выстраивания согласованности между принципами международного права и требованиями информационной безопасности можно выделить? Эти вопросы остаются в центре научных дискуссий и по сей день.

В рамках нашего диссертационного исследования мы лишь, хотели бы выделить некоторые принципы международного права, имеющие особое значения в деле укрепления информационной безопасности глобального информационного пространства.

В первую очередь, это *принцип суверенного равенства государств*, являющиеся одним из основополагающих принципов международного права, лежащим в основе взаимодействия между государствами для укрепления равноправных отношений субъектов международного права. В контексте обеспечения информационной безопасности на глобальном уровне данный принцип приобретает особую значимость, так как информационное пространство (киберпространство) становится неотъемлемой частью суверенитета каждого государства. Указанный принцип подразумевает, что все государства, независимо от их экономического, политического или военного потенциала, обладают равными правами в международных отношениях, и что каждое государство имеет полное право контролировать свое информационное пространство (киберпространство) и защищать свою цифровую инфраструктуру от вмешательства других государств. Суверенитет государства распространяется не только на физические границы, но и на цифровые и требует уважения его суверенитета со стороны других участников международных отношений. Существенным элементом этого принципа является запрет на вмешательство в информационные системы других государств и включает в себя любые формы информационного воздействия, такие как информационные атаки (кибератаки), распространение дезинформации и иные

¹ См.: Ершов В.В. Правовая природа, функции и классификация принципов национального и международного права // Российское правосудие. 2016. № 3 (119). С. 30.

действия, направленные на подрыв безопасности, стабильности или политической независимости государств подчёркивая необходимость установления четких международно-правовых рамок для урегулирования конфликтов, возникающих в информационном пространстве (киберпространстве). Признание и соблюдение данного принципа создает условия для того, чтобы государства могли реализовать свой цифровой суверенитет и выстраивать безопасную и стабильную информационную среду.

Другим важным принципом международного права является *принцип неприменения силы или угрозы силой*, запрещающий государствам прибегать к любым формам насилия для разрешения международных споров. На современном этапе, данный принцип может толковаться расширительно, и в деле обеспечения информационной безопасности государств является основательным, так как применение информационных атак (кибератак) с использованием информационного оружия и других информационных воздействий может быть расценено как некая форма агрессии и требует от государств воздерживаться не только от применения традиционных форм вооруженного насилия, но и от использования информационных технологий для нанесения ущерба суверенитету, безопасности или политической независимости и стабильности других государств. На сегодняшний день информационное пространство (киберпространство) становится новой ареной для осуществления враждебных действий, которые хотя и не связаны с прямым физическим воздействием, однако могут иметь разрушительные последствия для критической инфраструктуры, финансовых систем и государственных институтов. Информационные атаки (кибератаки) и другие формы информационного воздействия,

направленные на подрыв национальной безопасности, могут быть классифицированы как нарушение данного принципа. Например, информационные атаки (кибератаки) на энергетическую или транспортную инфраструктуру, финансовые системы или государственные учреждения, которые приводят к разрушительным последствиям в государстве, могут рассматриваться как акт агрессии, требующий международно-правовой ответственности.

Еще одним важным принципом международного права имеющий свою специфическую взаимосвязь с информационной безопасностью, является *принцип мирного разрешения международных споров*, обязывающая государства решать свои разногласия без применения силы, используя различные средства для разрешения международных споров. Указанный принцип является ядром поддержания международного мира и безопасности и в условиях цифровой эпохи, роста информационных угроз (киберугроз) его значение только возрастает. Следует признать, что информационное пространство (киберпространство), являясь глобальной платформой для взаимодействия государств, также становится источником новых форм конфликтов, связанных с информационными атаками (кибератаками), вмешательством в информационные системы и др. В связи с этим, данный принцип обязывает субъектов международного права стремиться к предотвращению эскалации конфликтов путем применения различных механизмов, таких как переговоры, посредничество, арбитража и судебных разбирательств в случаях, когда информационные инциденты могут перерасти в серьезные международные кризисы.

Следующим принципом мы бы хотели выделить, *принцип невмешательства во внутренние дела*

других государств подразумевающее уважение суверенитета и независимости государств и должны воздерживаться в своих взаимоотношениях от любых действий, которые могут подрывать внутренние политические, экономические или социальные процессы в государстве. В условиях стремительного развития информационного пространства (киберпространства) применения информационных воздействий и распространение дезинформации могут рассматриваться как формы вмешательства, способные подорвать стабильность и безопасность государства. Важность данного принципа заключается в том, что он создает правовые рамки для защиты государств от внешнего информационного воздействия, которое может привести к дестабилизации внутренней ситуации государства.

Принцип *обязанности государств сотрудничать друг с другом* предполагает, обязанность государств сотрудничать в области информационной безопасности и проявляется данная обязанность в разработке согласованных мер для противодействия информационным угрозам (киберугрозам), которые могут угрожать безопасности глобального информационного пространства, затрагивающие интересы нескольких государств. В условиях растущей интеграции и взаимозависимости между государствами трансграничный характер информационного пространства требует совместных усилий для обеспечения безопасности. Для обеспечения информационной безопасности субъектов международного права государства должны активно взаимодействовать, обмениваться информацией и координировать свои действия в ответ на информационные угрозы (киберугрозы). Сотрудничество между государствами охватывает различные направления, включая совместную разработку правовых норм,

проведение учений по обеспечению информационной безопасности (кибербезопасности) и создание механизмов раннего предупреждения о возможных информационных атаках (кибератаках) и т.д.

Принцип *уважения прав и свобод человека* в контексте обеспечения информационной безопасности на наш взгляд, должна гарантировать защиту индивидуальных прав граждан в условиях цифровой среды основываясь на международных нормах, закрепленных в таких документах, как Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт о социально-экономических и культурных правах, устанавливающие важность соблюдения личной неприкосновенности, свободы выражения мнений и защиты от произвольного вмешательства в личную жизнь. Информационные угрозы (киберугрозы), такие как хакерские атаки, кража личных данных, дезинформация и др. требуют от государств не только разработки эффективных мер по обеспечению информационной безопасности, но и соблюдения прав граждан. Государства обязаны создавать правовые рамки защищающие права человека в информационной среде, не ограничивая при этом свободу доступа к информации и выражения своих мнений.

Исходя из этого, вышеперечисленные принципы международного права являются основополагающими началами международного права для создания устойчивой системы информационной безопасности основных субъектов международного права. Каждый из этих принципов вносит свой вклад в формирование правовых основ взаимодействия государств в информационном пространстве (киберпространстве). Соблюдение этих

принципов создает необходимые условия для эффективного международного сотрудничества в области обеспечения информационной безопасности.

Также, следует отметить, что данные принципы способствуют выработке международно-правовых норм, регулирующих поведение государств в информационной среде и обеспечивают не только стабильность в международных отношениях, но и создают основу для привлечения к ответственности субъектов международного права за их действия в информационном пространстве (киберпространстве). В условиях стремительного роста числа информационных угроз (киберугроз), связанных с развитием технологий и глобальной взаимосвязанностью, соблюдение этих принципов становится критически важным.

Следует отметить, что категория «информационная безопасность» в контексте международного права находится на этапе формирования и концептуального осмысления. Ее нормативно-правовое регулирование продолжает развиваться в условиях стремительной цифровизации и роста информационных угроз (киберугроз), что требует дальнейшей унификации подходов и выработки международно-правовых механизмов обеспечения безопасности в информационном пространстве. В настоящее время существуют определённые принципы, изложенные в международных рекомендательных документах, которые получили мировое признание, но не обладают императивной силой и сохраняют статус политико-правовых норм.

Так, в ходе нашего исследования целесообразно указать Окинавскую хартию глобального информационного общества.

Окинавская хартия устанавливает ряд принципов, непосредственно связанных с информационной безопасностью. В числе таких принципов выделяются следующее: «поддержка развития и эффективного применения таких технологий, как электронная идентификация, электронная подпись, криптография и другие инструменты, которые обеспечивают безопасность и достоверность операций; создание эффективных механизмов защиты личной информации потребителей, а также соблюдение права на конфиденциальность при обработке персональных данных, сохраняя при этом свободное движение информации»¹. Тем самым данный международный документ акцентирует важность обеспечения информационной безопасности личности и продвижении технологий, направленных на защиту данных.

На становление правовых принципов обеспечения информационной безопасности оказала влияние и Декларация принципов, принятая в Женеве в 2003 году. В этом документе подчёркивается важность соблюдения принципа законности подразумевающая строгое соблюдение национального законодательства и международного права. Одним из важных положений, непосредственно касающихся обеспечения информационной безопасности, является принцип укрепления доверия и обеспечения безопасности при использовании информационно-коммуникационных технологий. В Декларации закреплены основные направления сотрудничества государств в области информационной безопасности. Особый акцент делается на вопросах «укрепления доверительных отношений, в области информационной безопасности, защиты сетей, аутентификации, а также защиты конфиденциальности и

¹ Окинавская хартия глобального информационного общества. / Официальный сайт президента РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 22.01.2022г.).

прав потребителей; продвижении и развитии глобальной культуры кибербезопасности; недопущении использования информационных технологий и ресурсов для совершения преступлений или в террористических целях»¹.

В Тунисской программе по информационному обществу, принятой в 2005 году, в качестве одних из основных принципов по обеспечению информационной безопасности отмечается «поддержание стабильности, безопасности и бесперебойного функционирования Интернета, а также необходимости усиления доверия и безопасности при использовании ИКТ»². В Программе также отмечается вопрос о расширении международного сотрудничества для улучшения защиты персональных данных, частной жизни и информации.

В Резолюции 64/211 принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 2009 году, в качестве принципов информационного общества указывалась «доверительные отношения и обеспечение безопасности при применении ИКТ, связанная с необходимостью активного продвижения и развития устойчивой международной культуры кибербезопасности, акцентирующая внимание на оценке мер, принимаемых государствами для защиты критически важных информационных систем»³.

В начале 2009 года перед мировым сообществом остро встал вопрос об обеспечении

безопасности в киберпространстве. В ответ на эти вызовы Всемирная федерация ученых (далее-WFS) выдвинула инициативу, направленную на создание международных принципов киберстабильности и кибермирового сосуществования. Кульминацией этой работы стало принятие соответствующей декларации, утвержденной 20 августа 2009 года на специализированном заседании WFS в Эрриче (Сицилия). Указанный документ стал логическим продолжением усилий Постоянной группы по мониторингу информационной безопасности, действующей с 2001 года. По смыслу данной декларации были рекомендованы следующие принципы для реализации концепций – киберстабильности и кибермира, направленные на формирование надежной и безопасной цифровой среды для будущих поколений:

➤ «всем государствам следует осознавать, что международное право защищает право людей на свободный обмен информацией и идеями, включая цифровую сферу. Любые ограничения должны применяться только в случае крайней необходимости и сопровождаться механизмами юридического контроля.

➤ странам необходимо совместно разрабатывать единые нормы поведения в киберпространстве, а также выстраивать глобальную правовую систему, которая обеспечит координацию и сотрудничество при расследованиях. Такие процессы

должны соблюдаться с учетом защиты конфиденциальности и прав человека. Государства, поставщики цифровых услуг и пользователи обязаны поддерживать международные усилия по борьбе с киберпреступностью.

➤ каждый участник цифровой системы – от пользователей до провайдеров и государственных структур несет ответственность за то, чтобы интернет-пространство не использовалось для преступной эксплуатации людей, особенно детей и уязвимых групп, а также для распространения насилия или нарушения прав личности.

➤ государственные органы, частные компании и общественные организации, включая отдельных граждан, должны внедрять комплексные меры по обеспечению кибербезопасности. Также, важно применять передовые технологии для защиты персональных данных и повышения цифровой безопасности.

➤ разработчики программного обеспечения и аппаратных решений должны стремиться к созданию безопасных технологий, устойчивых к киберугрозам и способных быстро восстанавливаться после сбоев.

➤ государствам следует активно участвовать в инициативах Организации Объединенных Наций, направленных на обеспечение цифровой безопасности и предотвращение использования киберпространства в качестве инструмента ведения конфликтов»⁴.

¹ Женевская декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии», принятая 12.12.2003 / Официальный сайт Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_ws1s.pdf (дата обращения: 21.02.2022).

² Тунисская программа для информационного общества, принятая 15.11.2005 / Официальный сайт Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_ws1s.pdf (дата обращения: 21.03.2022).

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 64/211 / Официальный сайт Организации Объединенных Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n09/474/51/pdf/n0947451.pdf> (дата обращения: 22.01.2022г.).

⁴ Проект Декларации Эрриче по принципам киберстабильности и кибермира от 20 августа 2009 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cyberpeace.org.ua/files/i_20.pdf (дата обращения: 24.01.2022).

Что касается национального законодательства, то в данном контексте необходимо выделить Концепцию об информационной безопасности РТ, из положения которой выделяются ряд нижеследующих принципов по обеспечению информационной безопасности РТ:

➤ принцип защиты национальных интересов Республики Таджикистан в информационной сфере.

➤ принцип обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных граждан Республики Таджикистан.

➤ принцип международного сотрудничества Республики Таджикистан с другими государствами в информационной сфере.

➤ принцип развития правовой базы и укрепления системы правопорядка Республики Таджикистан в информационной сфере¹.

В законе Республики Таджикистан «Об информации» указаны основные принципы, лежащие в основе правового регулирования информационных отношений. Включающие такие принципы как «гарантированное право на доступ к информации, обеспечение открытости и доступности информационных ресурсов, свободный обмен информацией, а также требование к её правдивости, достоверности и полноте. Важными принципами также являются своевременность предоставления информации и

соблюдение законности при её получении, использовании, распространении и защите»².

Указанные принципы, направлены на обеспечение прозрачности, достоверности и законности в обращении с информацией способствующее формированию правовой базы для эффективного регулирования информационных отношений, защищая права граждан и интересы государства в условиях глобальной информационной взаимозависимости.

Если мы посмотрим Закон Республики Таджикистан «Об информатизации», то основными принципами информатизации в законе являются «публичная доступность документированной информации, за исключением информации с ограниченным доступом, необходимость предоставления информации незамедлительно, полно и точно, участие государства в формировании и адаптации информационных ресурсов для решения информационных задач, предоставление пользователям информации на государственном языке или ином языке, согласованном в договоре, а также защита прав собственности на объекты имущественных прав в информационной сфере»³.

В Законе Республики Таджикистан «О праве на доступ к информации» в качестве основных принципов закреплены «доступность и прозрачность информации, её достоверность и полнота, своевременное предоставление, а также защита права

на доступ к информации, включая судебные механизмы. Закон предусматривает такой принцип как ответственность за нарушение права на доступ к информации и необходимости соблюдения прав и законных интересов третьих лиц при её предоставлении, вместе с тем, в качестве принципа указывается, что ограничения на доступ к информации допускаются только в рамках защиты конституционного строя, безопасности государства, общественной нравственности и законных прав граждан и организаций»⁴.

На наш взгляд, такой законодательный подход отражает важнейшие демократические принципы, направленные на обеспечение прозрачности государственного управления и защиты прав граждан на доступ к информации.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что в условиях глобализации порождающая технологические изменения и увеличения числа угроз государства вынуждены разрабатывать и внедрять эффективные меры для обеспечения своей безопасности, являющиеся одной из ключевых задач современного государства, поскольку от успешного решения этих мер зависят стабильность и сохранение национальных интересов.

Целесообразно, прежде всего, обратить внимание на п. 2, статью 17 Закона РТ «О безопасности», где указываются следующие меры по обеспечению безопасности:

¹ См.: Концепция информационной безопасности Республики Таджикистан 7 ноября 2003 года №1175 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nansmit.tj/20968-2/?id=15325> (дата обращения 09.04.2022)

² Закон Республики Таджикистан «Об информации» от 10.05.2002г. Статья 4 / Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mmk.tj/system/files/Legislation/55_tj.pdf (дата обращения 24.06.2024)

³ Закон Республики Таджикистан «Об информатизации» от 08.06.2001г. Статья 4 / Официальный сайт

Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mmk.tj/system/files/Legislation/40_tj.pdf (дата обращения 25.06.2024)

⁴ Закон Республики Таджикистан «О праве на доступ к информации» от 18.06.2008г. Статья 6 / Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mmk.tj/system/files/Legislation/411_tj.pdf (дата обращения 26.06.2024)

➤ формулирование приоритетных направлений государственной политики в сфере обеспечения безопасности.

➤ осуществление мониторинга и аналитического прогнозирования рисков, угрожающих национальной безопасности.

➤ реализация систем оперативных и долгосрочных мероприятий, направленных на предотвращение угроз, их нейтрализацию, а также устранение предпосылок и факторов их возникновения.

➤ проведение мобилизации государственных ресурсов и потенциала в ответ на прямые угрозы национальным интересам, включая агрессивные действия, чрезвычайные обстоятельства внутреннего и международного масштаба.

➤ применение экстренных управленческих решений и реализация мер по защите стратегических интересов, нейтрализации противоправных актов, угрожающих безопасности, и внедрению ограничительных механизмов.

➤ осуществление комплекса мероприятий по минимизации и устранению последствий, вызванных посягательствами на национальные интересы, а также проведение работ по восстановлению и реабилитации пострадавших объектов и структур.

Указанные меры в законе по обеспечения безопасности РТ, представляя собой комплекс стратегических, оперативных и тактических действий, направленных на предотвращение угроз, их нейтрализацию, а также ликвидацию последствий включающие в себя долгосрочное прогнозирование, планирование и оперативное реагирование на возникающие кризисы.

На наш взгляд, в контексте обеспечения безопасности особое значение должно придаваться защите информационных систем, недопущению нарушения критически важной информационной инфраструктуры и предотвращению вмешательства во внутренние дела РТ посредством информационных технологий.

Стремительное развитие информационных технологий и рост объёмов данных, циркулирующих в информационном пространстве (киберпространстве), выдвигают защиту информации в число приоритетных задач, стоящих перед государством и обществом. Современные способы защиты информации представляют собой многоуровневую и комплексную систему мер, направленных на предотвращение несанкционированного доступа, утечек, искажения или уничтожения данных и включают как технологические, так и организационные и правовые механизмы, обеспечивающие надёжную защиту информационных ресурсов в информационной среде.

Так, в Законе Республики Таджикистан «О защите информации» указываются следующие основные способы защиты информации, то есть «соблюдение субъектами информационных правоотношений установленных норм, требований и правил организационного и технического характера, использование вычислительной техники, программно-аппаратных средств и механизмов общей защиты, соответствующих требованиям безопасности, а также проведение контроля над соблюдением мер по защите информации»¹.

Следует признать, что приведённые в указанном законе способы защиты информации представляют собой целостную систему мер, обеспечивающих

комплексный подход к защите информации, где технические, организационные и контрольные механизмы взаимосвязаны для эффективного предотвращения угроз информационной безопасности.

В завершении данного параграфа можно сделать вывод о том, что принципы международного права служат основой формирования безопасности в глобальном информационном пространстве (киберпространстве) и являются основой для международного сотрудничества в области информационной безопасности (кибербезопасности). Основные принципы международного права направлены на предотвращение трансграничных угроз, защиту прав и свобод личности, общества и государства в информационной среде, а также на разработку общих правил и норм, регулирующих вопросы защиты информации и её свободного обмена между государствами.

Следует также указать, что принципы международного права играют важную роль в разработке международных стандартов, которые способствуют укреплению доверия между государствами в вопросах обеспечения информационной безопасности и оказывают содействие в создании механизмов международно-правового регулирования, обеспечивающих координацию усилий в борьбе с информационными угрозами (киберугрозами) и защищают национальные интересы в информационном пространстве (киберпространстве).

Таким образом, можно заключить, что основные принципы международного права, обеспечивающие информационную безопасность, – это общепризнанные и императивные нормы международного права,

¹ Закон Республики Таджикистан «О защите информации» от 02.12.2002г. Статья 13 / Официальный сайт Национального центра законодательства при Прези-

денте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mmk.tj/system/files/Legislation/71_tj.pdf (дата обращения 25.06.2024)

регулирующие поведение субъектов в информационном пространстве (киберпространстве) с целью предотвращения трансграничных угроз, обеспечения защиты прав личности, общества и государства, поддерживающие стабильность и безопасность в глобальном информационном пространстве (киберпространстве), содействующие международному сотрудничеству в сфере защиты информации и обеспечению информационной безопасности (кибербезопасности).

Анализ нормативно-правовых актов Республики Таджикистан свидетельствует о том, что

принципы, обеспечивающие информационную безопасность в нашем государстве основаны на защите национальных интересов, прав граждан и общества, а также на обеспечении правового регулирования информационных отношений. Ключевыми направлениями законодательства являются защита персональных данных, обеспечение открытости, прозрачности и достоверности информации, а также создание условий для свободного обмена информацией в рамках закона. Особое значение имеют принципы международного сотрудничества, направленные на

укрепление информационной безопасности на глобальном уровне и правовым механизмам защиты доступа к информации, соблюдению прав и законных интересов личности, в том числе, введению ограничений, необходимых для защиты конституционного строя, безопасности государства и общественной нравственности. Так, законодательство Республики Таджикистан демонстрирует комплексный подход к обеспечению информационной безопасности, охватывающий как внутренние, так и международные факторы.

Библиографический список:

1. Закон Республики Таджикистан «Об информации» от 10.05.2002г. / Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mmk.tj/system/files/Legislation/55_tj.pdf (дата обращения 24.06.2024г.)
2. Закон Республики Таджикистан «Об информатизации» от 08.06.2001г. / Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mmk.tj/system/files/Legislation/40_tj.pdf (дата обращения 25.06.2024)
3. Закон Республики Таджикистан «О праве на доступ к информации» от 18.06.2008г. / Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mmk.tj/system/files/Legislation/411_tj.pdf (дата обращения 26.06.2024)
4. Закон Республики Таджикистан «О защите информации» от 02.12.2002г. / Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mmk.tj/system/files/Legislation/71_tj.pdf (дата обращения 25.06.2024)
5. Указ Президента Республики Таджикистан от 7 ноября 2003 г., №1175 «О концепции информационной безопасности Республики Таджикистан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=5104 (дата обращения 09.04.2022)
6. Окинавская хартия глобального информационного общества. / Официальный сайт президента РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 22.01.2022).
7. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 64/211 / Официальный сайт Организации Объединённых Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n09/474/51/pdf/n0947451.pdf> (дата обращения: 22.01.2022).
8. Женевская декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии», принятая 12.12.2003 / Официальный сайт Организации Объединённых Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf (дата обращения: 21.02.2022).
9. Тунисская программа для информационного общества, принятая 15.11.2005 / Официальный сайт Организации Объединённых Наций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf (дата обращения: 21.03.2022).
10. Проект Декларации Эриче по принципам киберстабильности и кибермира от 20 августа 2009 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cyberpeace.org.ua/files/i_20.pdf (дата обращения: 24.01.2022).
11. Ершов В.В. Правовая природа, функции и классификация принципов национального и международного права // Российское правосудие. – 2016. – № 3 (119). – С. 5-36.
12. Кузнецов П. У. Основы информационного права: учебник для бакалавров. – Москва, Проспект, 2014. – 312 с.
13. Марченко М.Н. Теория государства и права: учебник для вузов: Москва, Зерцало, 2004. – С. 249.

14. Полякова Т. А. Базовые принципы как основные начала правового обеспечения информационной безопасности // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 3. – С. 17-40.
15. Пиголкин А. С. Теория государства и права: учебник для вузов / под редакцией А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 516 с.
16. Протасов В. Н. Теория государства и права: учебник и практикум для вузов – 2-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 368 с.

BASIC PRINCIPLES OF INTERNATIONAL LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF ENSURING INFORMATION SECURITY

Rahmonzoda Dilshodi Azizpur

Senior Lecturer, Department of Law,
International University of tourism and Entrepreneurship of Tajikistan
734055, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Borbad 48/5
tel.: +992000902552, e-mail: rahmonzoda90@bk.ru

The presented article examines the fundamental principles of international law and the principles enshrined in the regulatory legal acts of the Republic of Tajikistan aimed at ensuring information security. The author concludes that the principles of international law serve as the basis for the formation of security in the global information space (cyberspace) and are the basis for international cooperation in the field of information security (cybersecurity). The basic principles of international law are aimed at preventing cross-border threats, protecting the rights and freedoms of the individual, society and the state in the information environment, as well as developing general rules and regulations governing the protection of information and its free exchange between states. A study of the regulatory legal acts of the Republic of Tajikistan shows that the principles of information security in the country are focused on protecting national interests, the rights of citizens and society, as well as establishing a legal framework for regulating information relations.

Key words: *information security, principles of international law, ICT, principles of information security.*

ПРИНЦИПҲОИ АСОСИИ ТАНЗИМИ ҲУҚУҚИ БАЙНАЛМЛАЛӢ ДАР СОҲАИ ТАЪМИНИ АМНИЯТИ ИТТИЛОӢ

Дар мақолаи пешниҳодшуда принципҳои асосии ҳуқуқи байналмилалӣ ва принципҳои дар санадҳои меъёрии ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон зикргардида, ки ба таъмини амнияти иттилоотӣ нигаронида шудаанд, баррасӣ карда мешаванд. Муаллиф ба ҳуҷҷаи меъёӣ, ки принципҳои ҳуқуқи байналмилалӣ ҳамчун асоси ташаккули амният дар фазои иттилоотии ҷаҳонӣ (киберфазо) ва асоси ҳамкориҳои байналмилалӣ дар соҳаи амнияти иттилоотӣ (киберамният) мебошанд. Принципҳои асосии ҳуқуқи байналмилалӣ ба пешгирии таҳдидҳои фаромарзӣ, ҳифзи ҳуқуқи озодиҳои шахс, ҷомеа ва давлат дар муҳити иттилоотӣ, инчунин таҳияи қоидаҳои меъёрӣ ҳуқуқӣ, ки масъалаҳои ҳифзи иттилоот ва мубодилаи озодаи онро байни давлатҳо танзим мекунанд, рағбона карда шудаанд. Омӯзиши санадҳои меъёрии ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон нишон медиҳад, ки принципҳои амнияти иттилоотӣ дар кишвар ба ҳифзи манфиатҳои миллӣ, ҳуқуқҳои шахрвандон ва ҷомеа, инчунин ба таъсиси заминаи ҳуқуқии танзими муносибатҳои иттилоотӣ нигаронида шудаанд.

Калидвожаҳо: *амнияти иттилоотӣ, принципҳои ҳуқуқи байналмилалӣ, ТИК, принципҳои амнияти иттилоотӣ.*

Требования к оформлению текста статьи

6.1. Соблюдение международных стандартов этики является неотъемлемой частью политики Журнала. К публикации принимаются только уникальные научные исследования, не опубликованные ранее.

Журнал публикует статьи профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов юридического факультета РТСУ. Журнал также предоставляет возможность для публикаций ученым из других вузов и учреждений Республики Таджикистан, ближнего и дальнего зарубежья.

6.2. В процессе подачи статьи автору необходимо подтвердить, что статья не была опубликована или не была принята к публикации в другом научном журнале (предоставить заявление о заверении в данном обстоятельстве).

6.3. Объем научной статьи не должен составлять менее 0,5 п.л.

6.4. Параметры страницы: поля – 2,5 см со всех сторон. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов – 1,25 см.

Основной текст статьи набирается шрифтом Times New Roman, размер – 14 пт, междустрочный интервал – полуторный. При оформлении статьи необходимо различать знаки дефис (-) и тире (–). Между цифрами ставится знак тире без отбивки (пробелов), напр.: 12–15.

Заглавие статьи набирается прописными (большими) буквами жирным шрифтом, курсивом и форматруется по центру.

Перед заглавием слева прямым шрифтом набирается УДК, под заглавием жирным шрифтом – Ф.И.О. (полностью) автора/авторов, далее внизу светлым шрифтом указывается – его/их ученая степень, ученое звание, должность, а в следующих строках – место работы (в именительном падеже) и его адрес (с почтовым индексом), телефон и E-mail автора/авторов.

6.5. Под указанной выше информацией помещается авторское резюме на русском языке (70–120 слов), набранный светлым курсивом.

Обязательная структура авторской аннотации:

- актуальность темы;
- новизна исследования;
- основные положения и выводы.

Аннотация должна ясно излагать основное содержание статьи и быть пригодной к публикации отдельно от статьи.

После аннотации статьи следует указать 5–10 ключевых слов (словосочетаний), характеризующих проблематику статьи (набрав их светлым прямым шрифтом).

Пример оформления статьи:

УДК 347.4

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Вохидов Икром Каримович

соискатель отдела частного права

Институт философии, политологии и права Академия наук Республики Таджикистан

734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

тел.: 918 43 23 35, e-mail: grazhdanskoe.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами определения субъектного состава коллекторской деятельности в Республике Таджикистан. Впервые в цивилистике проводится комплексный анализ субъектного состава коллекторской деятельности.

Автор обращает внимание на то, что ввиду отсутствия в законодательстве Республики Таджикистан положений, регламентирующих правовой статус субъектов коллекторской деятельности, к субъектам данной деятельности можно отнести любое лицо, которое тем или иным образом занимается сбором или возвратом сумм просроченной задолженности. Автор пришел к выводу, что коллекторская деятельность является сугубо профессиональной деятельностью, которая подлежит лицензированию. Именно профессионализм в данной области может стать залогом успешной, легальной и конкурентоспособной деятельности. Субъектом коллекторской деятельности может выступать только юридическое лицо коммерческого характера (коллекторская организация), а также физическое лицо лишь при наличии у него определенной правовой связи с коллекторской организацией.

Ключевые слова

правовой статус; коллектор; коллекторская деятельность; коллекторские услуги; коллекторский бизнес; субъект коллекторской деятельности; профессиональная деятельность; лицензирование.

На первой странице в подстрочнике необходимо указать знак © и Фамилию И.О., год:

© Вохидов И.К., 2020

6.6. Оформление сносок и библиографического списка. Библиографический список должен быть построен **в алфавитном порядке**. В нем указываются только научные источники: научные статьи, монографии, диссертации, авторефераты диссертаций, научные комментарии, учебная литература, электронные ресурсы и т.д.

В основном тексте ссылки на источник, помещенный в библиографическом списке, нормативно-правовые акты и судебную-арбитражную практику, помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок. Сноски должны быть постраничными и подстрочными, нумерация сносок начинается с каждой страницы.

Сноски набираются шрифтом Times New Roman, размер – 10 пт, междустрочный интервал – одинарный.

Источники в библиографическом списке и сноски в основном тексте оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008.

В библиографическом списке приветствуется наличие **иностранных источников**, реально используемых при написании научной статьи. При этом иностранные источники указываются в библиографическом списке в алфавитном порядке строго после русскоязычных источников.

Избыточное и необоснованное цитирование не допускается.

Примеры оформления сносок в тексте научной статьи:

¹ Гриненко А.В. Уголовный процесс: учебник. М.: Норма, 2009. С. 25.

² См.: Сычев М.С. История Астраханского казачьего войска: учебное пособие. Астрахань: Волга, 2009. С. 34.

Примеры оформления библиографического списка:

Книги

Сычев, М.С. История Астраханского казачьего войска: учебное пособие. - Астрахань: Волга, 2009. - 231 с.

Соколов А.Н. Гражданское общество: проблемы формирования и развития (философский и юридический аспекты): монография. - Калининград: Калининградский ЮИ МВД России, 2009. - 218 с.

Гайдаенко Т.А. Маркетинговое управление: принципы управленческих решений и российская практика. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Эксмо : МИРБИС, 2008. - 508 с.

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. - М.: Терра-Кн. клуб, 2009. - 4 т. Управление бизнесом: сборник статей. - Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2009. - 243 с.

Маркетинговые исследования в строительстве: учебное пособие для студентов специальности "Менеджмент организаций" / О.В. Михненко, И.З. Коготкова, Е.В. Генкин, Г.Я. Сороко. - М.: Государственный университет управления, 2005. - 59 с.

Нормативные правовые акты

Конституция Российской Федерации: офиц. текст. - М.: Маркетинг, 2001. - 39 с.

Семейный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г.: по состоянию на 3 янв. 2001 г.]. - СПб.: Стаун-кантри, 2001. - 94 с.

Стандарты

ГОСТ Р 7.0.53-2007 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Международный стандартный книжный номер. Использование и издательское оформление. - М.: Стандартинформ, 2007. - 5 с.

Депонированные научные работы

Разумовский В.А. Управление маркетинговыми исследованиями в регионе. - М., 2002. - 210 с. - Деп. в ИНИОН Рос. акад. наук 15.02.02, № 139876.

Диссертации

Лагуева И.В. Особенности регулирования труда творческих работников театров: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. - 168 с.

Покровский А.В. Устранимые особенности решений эллиптических уравнений: дис. ... д-ра физ.- мат. наук. - М., 2008. - 178 с.

Авторефераты диссертаций

Сиротко В.В. Медико-социальные аспекты городского травматизма в современных условиях: автореф. дис. ... канд. мед. наук. - М., 2006. - 17 с.

Лукина В.А. Творческая история "Записок охотника" И.С.Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - СПб., 2006. - 26 с.

Отчеты о научно-исследовательской работе

Методология и методы изучения военно-профессиональной направленности подростков: отчет о НИР / Загорюев А.А. - Екатеринбург: Уральский институт практической психологии, 2008. - 102 с.

Электронные ресурсы

Смирнов А.И. Информационная глобализация и Россия [Электронный ресурс]: вызовы и возможности. - М., 2005. 1 CD-ROM.

Насырова Г.А. Модели государственного регулирования страховой деятельности [Электронный ресурс] // Вестник Финансовой академии. - 2003. - N 4. - URL: [http://vestnik.fa.ru/4\(28\)2003/4.html](http://vestnik.fa.ru/4(28)2003/4.html). (дата обращения: 23.03.2019).

Статьи

Берестова Т.Ф. Поисковые инструменты библиотеки // Библиография. - 2006. - № 6. - С. 19-25.

Кригер И. Бумага терпит // Новая газета. - 2009. - 1 июля

6.7. Англоязычная часть статьи. После библиографического списка приводятся на английском языке название статьи, И.О. Фамилия (полностью) автора/авторов, его/их ученая степень, ученое звание, должность, место работы (в именительном падеже) и его адрес (с почтовым индексом), телефон и E-mail автора/авторов, аннотация (70-120 слов), а также ключевые слова.

ON THE QUESTION OF THE SUBJECT OF DEBT COLLECTION ACTIVITY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Vokhidov Ikrom Karimovich

private law applicant

Institute of Philosophy, Political Science and Law Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30

tel.: 918 43 23 35, e-mail: grazhdanskoe.pravo@mail.ru

Annotation

The authors of the article consider issues of defining the subject structure of collection activity in the Republic of Tajikistan. For the first time in civil science, a comprehensive analysis of the subject composition of collection activity is carried out.

The author draws attention to the fact that, due to the lack of provisions in the legislation of the Republic of Tajikistan that regulate the legal status of collection entities, the subjects of this activity include any person who collects or returns overdue amounts in one way or another.

The author concluded that collection activity is a purely professional activity, which is subject to licensing. It is professionalism in this area that can become the key to successful, legal and competitive activities. The subject of collection activity can only be a legal entity of a commercial nature (collection organization), as well as an individual only if he has a certain legal relationship with the collection organization.

Keywords

legal status; collector; debt collection activity; collection services; collection business; subject of collection activity.

6.8. Таджикскоязычная часть статьи. После англоязычной части статьи приводятся на таджикском языке название статьи, И.О. Фамилия автора, место работы и его адрес, идентификационные коды автора (**при наличии**), адрес электронной почты, аннотация (70–120 слов прямым шрифтом), а также ключевые слова.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 27.03.2025. Подписано в печать 28.03.2025.

Бумага офсетная. Печать офсетная Гарнитура
литературная. Формат 60x84 $\frac{1}{8}$. Услов. печ. л. 16,5.
Тираж 100 экз. Заказ №71.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан,
г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30